

ISSN 2312-7937

Федеральное государственное казенное учреждение дополнительного профессионального образования
«Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

ВЕСТНИК

**Всероссийского института повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел Российской Федерации**

Ежеквартальный научно-практический журнал

№ 1 (69)

VESTNIK

Advanced Training Institute of the MIA of Russia

Quarterly Journal of the scientific and practical

Журнал издается с марта 2006 года

Домодедово 2024

Главный редактор

С. А. Невский (доктор юридических наук, профессор)

Редактор А. В. Николаева

Техническое редактирование, дизайн, верстка Л. Р. Гильдеева

Head editor

S. Nevskiy (doctor of law, professor)

Editor A. Nikolaeva

Design/editorial L. Gildeeva

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-64728 от 22.01.2016

Решением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук и кандидата наук

Включен в Научную электронную библиотеку и систему Российского индекса научного цитирования.
URL: [http:// www.elibrary.ru](http://www.elibrary.ru)

В журнале публикуются результаты оригинальных фундаментальных и прикладных научных исследований по следующим специальностям:
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Распространяется на территории Российской Федерации по подписке.
Подписной индекс по Объединенному каталогу «Пресса России»: 70899

Адрес учредителя, редакции, издателя:
142007, г. Домодедово, Московская обл., м-н Авиационный, ул. Пихтовая, д. 3
e-mail: rio_vipk@mvd.ru

Отпечатано в группе полиграфической и оперативной печати печати РИО ВИПК МВД России
142007, г. Домодедово, Московская обл., м-н Авиационный, ул. Пихтовая, д. 3

Дата выхода в свет 29.03.2024
Формат 60x84/8
Объем 19,0 усл. печ. л.
Тираж 80 экз. Заказ 5/24
Цена свободная

© ВИПК МВД России, 2024

Registered Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Communications
PI № ФС 77-64728 от 22.01.2016

By the decision of the Higher Attestation Commission of the Ministry of education and science of the Russian Federation the journal «Bulletin of the All-Russian Advanced Training Institute» is included in the List of peer-viewed scientific publications, where basic scientific results of dissertations on competition of scientific degrees of doctor and candidate of sciences must be published

The Journal is included in the Scientific Electronic Library and the system of Russian Science Citation Index.
URL: [http:// www.elibrary.ru](http://www.elibrary.ru)

The journal publishes the results of the original basic and applied research in the following specialties:
5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)
5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences)
5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Distributed in the territory of the Russian Federation by subscription. Subscription index for the United catalog «Press of Russia»: 70899 ind.

Address of the founder, editorial staff, publisher:
142007, Bld. 3, Pikhtovaya str., Aviatsionny District, Domodedovo, Moscow region, Russia,
e-mail: rio_vipk@mvd.ru

Printed in a group of printing and operational printing press publishing department
Advanced Training Institute of the MIA of Russia
142007, Bld. 3, Pikhtovaya str., Aviatsionny District, Domodedovo, Moscow region, Russia

Date of publishing 29.03.2024
Format 60x84/8;
Print output 19,0 leaves;
Circulation 80 copies. Order 5/24
Price free

© Advanced Training Institute of the MIA of Russia, 2024

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ**EDITORIAL BOARD**Председатель:**М. В. Костенников**

заместитель начальника ВИПК МВД России
(по научной работе), доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник органов внутренних дел
Российской Федерации

Члены:**Н. Т. Алиев -**

доктор философии по праву, доцент
(Республика Азербайджан)

В. В. Астанин -

доктор юридических наук, профессор

Г. В. Атаманчук -

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации

А. Т. Байсеитова -

доктор юридических наук,
ассоциированный профессор (доцент)
(Республика Казахстан)

В. В. Бачила -

кандидат юридических наук, доцент (Республика Беларусь)

В. Ю. Бельский -

доктор философских наук, профессор

В. В. Векленко -

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

А. А. Гришковец -

доктор юридических наук, профессор

В. В. Денисенко -

доктор юридических наук, профессор

С. В. Запольский -

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

А. Б. Зеленцов -

доктор юридических наук,
заслуженный юрист Российской Федерации

С. Н. Максимов -

доктор юридических наук, профессор

А. Л. Осипенко -

доктор юридических наук, профессор

К. М. Осмоналиев -

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки и образования РАЕ
(Киргизская Республика)

Ю. Н. Стариков -

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации

Ю. В. Трунцевский -

доктор юридических наук, профессор

В. А. Юсупов -

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

А. Ю. Якимов -

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

Chairman:**M.V. Kostennikov**

Deputy Head of the Advanced Training Institute
of the MIA of Russia (for scientific work),
Doctor of Law, Professor,
Honored employee of Internal Affairs of the Russian Federation

Members:**T.N. Aliyev -**

Doctor of Philosophy in Law, Associate Professor
(Azerbaijan Republic)

V.V. Astanin -

Doctor of Law, Professor

G.V. Atamanchuk -

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of Russia

A.T. Baiseitova -

Doctor of Law, Associate Professor (Republic of Kazakhstan)

V.V. Bachila -

PhD, Associate Professor (Republic of Belarus)

V.Yu. Belsky -

Doctor of Philosophy, Professor

V.V. Veklenko -

Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation

A.A. Grishkovets -

Doctor of Law, Professor

V.V. Denisenko -

Doctor of Law, Professor

S.V. Zapolskiy -

Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation

A.B. Zelencov -

Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation

S.N. Maksimov -

Doctor of Law, Professor

A.L. Osipenko -

Doctor of Law, Professor

K.M. Osmonoliev -

Doctor of Law, Professor, Honored Worker
of Science and Education of RAE (Kyrgyz Republic)

Yu.N. Starilov -

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of Russia

Yu.V. Truntsevsky -

Doctor of Law, Professor

V.A. Yusupov -

Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation

A.Yu. Yakimov -

Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL COLLEGE

<p><u>Председатель:</u> А. А. Сквиртерист начальник ВИПК МВД России</p> <p><u>Главный редактор:</u> С. А. Невский заместитель начальника ВНИИ МВД России – начальник НИЦ № 1, доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации</p> <p><u>Секретарь:</u> А. В. Николаева начальник редакционно-издательского отдела ВИПК МВД России</p>	<p><u>Chairman:</u> A.A. Skivterist chief of Advanced Training Institute of the MIA of Russia</p> <p><u>Editor in Chief:</u> S.A. Nevsky Deputy Head National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation - Head of Research Center № 1, Doctor of Law, Professor, Honored employee of Internal Affairs of the Russian Federation</p> <p><u>Secretary:</u> A.V. Nikolaeva Senior editor of the Record and Issue Office of the Advanced Training Institute of the MIA of Russia</p>
<p><u>Члены:</u></p> <p>И. А. Адмиралова – профессор кафедры подготовки сотрудников полиции по охране общественного порядка и подразделений по вопросам миграции центра подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка ВИПК МВД России, доктор юридических наук, доцент</p> <p>Ю. М. Антонян – главный научный сотрудник НИЦ № 1 ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ</p> <p>А. В. Вилкова – заместитель начальника НИИ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор</p> <p>В. Н. Григорьев – ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор</p> <p>А. В. Гриненко – профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации</p> <p>Ю. Н. Демидов – руководитель Аппарата Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по безопасности и противодействию коррупции, доктор юридических наук, профессор</p> <p>А. С. Дугенец – главный редактор федерального научно-практического журнала «Административное право и процесс», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации</p> <p>Е. Н. Клещина – профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор</p> <p>А. В. Куракин – профессор кафедры подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка и подразделений по вопросам миграции центра подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка ВИПК МВД России, доктор юридических наук, профессор</p> <p>А. Н. Мошков – помощник полномочного представителя Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе</p> <p>В. П. Малахов – профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации</p> <p>С. Н. Мешалкин – начальник 4-го отдела НИЦ № 2 ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, профессор</p> <p>А.Н. Харитонов – профессор кафедры подготовки сотрудников полиции в сфере транспортной безопасности центра подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка ВИПК МВД России, доктор юридических наук, профессор</p>	<p><u>Members:</u></p> <p>I.A. Admiralova - Professor of Chair of migration service staff training of the police training center for public order protection Advanced Training Institute of the MIA of Russia, Doctor of Law, Associate Professor</p> <p>Yu.M. Antonyan - Chief Researcher, Scientific Research Center No. 1 National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the RSFSR</p> <p>A.V. Vilkova - Deputy Head of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Pedagogical Sciences, Profes- sor</p> <p>V.N. Grigoriev - Leading Researcher, Research Institute Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor</p> <p>A.V. Grinenko - Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Process and Criminalistics, MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation</p> <p>Yu.N. Demidov - Head of the Staff of the Committee of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on Se- curity and Anti-Corruption, Doctor of Law, Professor</p> <p>A.S. Dugenets - Chief editor of federal scientific and practical journal «Administrative Law and Process», Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation</p> <p>E.N. Kleschina - Professor of the Department of criminology and criminal Executive law of the Moscow state law University After O.E. Kutafin, Doctor of Law, Professor</p> <p>A.V. Kurakin – Professor of Chair Of Migration Service Staff Training of the Police Training Center For Public Order Protec- tion, Doctor of Law, Professor</p> <p>A.N. Moshkov - Assistant Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Central Federal District</p> <p>V.P. Malakhov - Professor of Theory of State and Law «Moscow Uni- versity of the Ministry of Interior of Russian Federation named after V.Y. Kikob» Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Pro- fessional Education of the Russian Federation</p> <p>S.N. Meshalkin – Head of the 4th department of Research Center № 1, National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor</p> <p>A.N. Kharitonov - Professor of The Training Center for Police Officers in Ensuring Transport Safety, Doctor of Law, Professor</p>

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ) PUBLIK LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCER

- Куракин А.В., Косенкова Н.Г., Зиганшин М.М.
ВОПРОСЫ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
КОРРУПЦИОННЫМ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ..... 8
Kurakin A.V., Kosenkova N.G., Ziganshin M.M.
Issues of disciplinary coercion in the counteraction system corruption offenses
- Сосновская Ю.Н., Бондарь Е.О.
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕХАНИЗМА АДМИНИСТРАТИВНОГО НАКАЗАНИЯ
В ВИДЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ВЫДВОРЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН ИЛИ ЛИЦ
БЕЗ ГРАЖДАНСТВА ЗА ПРЕДЕЛЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 22
Sosnovskaya Y.N., Bondar E.O.
The main problems of implementing the mechanism of administrative punishment in the form of administrative expulsion of foreign citizens or stateless persons from the Russian Federation
- Должникова Е.В.
ОБОСНОВАНИЕ ПРИЗНАКОВ ПРАВОНАРУШЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 6.1.1 КОАП РФ,
В СПЕКТРЕ ЭЛЕМЕНТОВ МЕЖЛИЧНОСТНОГО СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА 29
Dolzhenikova E.V.
Justification of the signs of offense provided for by art. 6.1.1 code of the Russian Federation on administrative offenses, in the spectrum of elements of interpersonal social conflict
- Кобозев А.А., Коробов В.Б.
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ
ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ 34
Kobozev A.A. Korobov V.B.
Legislative regulation of the use of firearms by police officers: problems and solutions
- Жарасов А.С.
ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ СИТУАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА
В МЕХАНИЗМЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ..... 42
Zharasov A.S.
Social emergencies in the mechanism administrative and legal regulation of the activities of internal affairs bodies
- Курилюк Ю.Е.
К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ЛИШЕНИЕ ГРАЖДАНСТВА»,
«ПРЕКРАЩЕНИЕ ГРАЖДАНСТВА» И «ОТМЕНА РЕШЕНИЙ О ПРИЕМЕ В ГРАЖДАНСТВО» 47
Kurilyuk J.E.
On the question of the correlation of concepts "deprivation of citizenship", "termination of citizenship" and "cancellation of decisions on admission to citizenship"
- Харитонов А.Н., Кузнецов В.А., Джаббаров Р.Д.
О СОСТОЯНИИ ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ ПОЛИЦИИ И НАРЯДОВ СОПРОВОЖДЕНИЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ
ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТА В 2023 ГОДУ 53
Haritonov A.N., Kuznecov V.A., Dzhabbarov R.D.
On the state of operational and service activities of the police patrol service units and escort outfits to ensure the protection of public order at transport facilities in 2023
- Попова А.А., Василькив И.Н.
К ВОПРОСУ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СОТРУДНИКОВ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ 61
Popova A.A., Vasilkiv I.N.
On the issue of legal regulation of the official activities of employees of juvenile affairs units

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ CRIMINAL LEGAL SCIENCES

- Антонян Ю.М.
ВОССОЗДАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ И ЕЕ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ 68
Antonyan Y.M.
The reconstruction of russian criminology and its current state
- Михайлова Е.В., Страунинг Ю.А.
ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ..... 81
Mihajlova E.V., Strauning Y.A.
Victimological features of victims of crimes in the field of family and household relations
- Григорьев В.Н., Тарасов М.Ю.
О ПРЕСЕЧЕНИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ
НА ТЕРРИТОРИИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА..... 89
Grigoryev V.N., Tarasov M.Yu.
On suppressing the distribution of narcotic drugs and psychotropic substances in the territory of the union state
- Кашкина Е.В.
ПОНЯТИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ КАК ТРАДИЦИОННОЙ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ ЦЕННОСТИ
И ЕЕ МЕСТО В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 95
Kashkina E.V.
The concept of citizenship as a traditional spiritual and moral value and its place in the criminal legislation of the Russian Federation
- Поздышев Р.С.
АКТИВНАЯ ДЕАНОНИМИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ CANARYTOKENS..... 101
Pozdyshev R.S.
Active deanonymization of a criminal's identity on the internet using canarytokens
- Сидорова Е.З., Усов Е.Г.
ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННЫХ (ЦИФРОВЫХ) ТЕХНОЛОГИЙ 107
Sidorova E.Z., Usov E.G.
Victimological prevention of crimes committed with the use of information (digital) technologies
- Солодовник В.В.
О НЕКОТОРЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО
(ОБВИНЯЕМОГО) ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ В УПРОЩЕННЫХ ФОРМАХ..... 112
Solodovnik V.V.
On some procedural guarantees of ensuring the rights of the suspect (accused) in production in simplified forms
- Харитонов А.Н., Даниленко И.А., Максимов С.Н.
ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА КАК СТАДИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 118
Haritonov A.N., Danilenko I.A., Maksimov S.N.
Initiation of a criminal case as a stage of criminal proceedings
- Лопухов В.В.
СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИДЕОАНАЛИТИКИ
В РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
Lopukhov V.V.
Current opportunities for the use of video analytics crime detection
- Бабушкин А.А.
МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО КОНТРОЛЯ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЗА ЛИЦАМИ, СКЛОННЫМИ К СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ 128
Babushkin A.A.
The place and importance of operational investigative control of internal affairs bodies over persons prone to commit crimes in the state crime prevention system

СОДЕРЖАНИЕ

Абдрахимова Э.О., Климова О.А. ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР ПРОФИЛАКТИКИ В ОТНОШЕНИИ ПЕДОФИЛОВ В РАМКАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ.....	137
<i>Abdryakhimova E.O., Klimova O.A.</i> <i>Issues of improving the effectiveness of preventive measures for pedophiles in the framework of administrative supervision of persons released from prison</i>	
Каунов А.В. НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГЛАСНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ПОМЕЩЕНИЙ, ЗДАНИЙ, СООРУЖЕНИЙ, УЧАСТКОВ МЕСТНОСТИ И ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ.....	142
<i>Kaunov A.V.</i> <i>Directions for improving legal regulation public inspection of premises, buildings, structures, land plots and vehicles</i>	
Лысухо П.И. ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ У СЛУШАТЕЛЕЙ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО ОСНОВНЫМ ПРОГРАММАМ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ, ПРАВООПОНИМАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ	147
<i>Lysukho P.I.</i> <i>The importance of judicial practice for the formation of students enrolled in basic initial training programs, legal understanding and enforcement</i>	
ТРЕБОВАНИЯ РЕДАКЦИИ К СТАТЬЯМ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ВИПК МВД РОССИИ».....	155
REQUIREMENTS TO EDITORIAL JOURNAL ARTICLE	

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-8-21

КУРАКИН АЛЕКСЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ

Всероссийский институт повышения квалификации
сотрудников МВД России¹,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации² (Москва, Россия)

kurakinaleksey@gmail.com

КОСЕНКОВА НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА

Государственный университет управления (Москва, Россия)

mailnk@bk.ru

ЗИГАНШИН МАРАТ МУХАМЕТХАНОВИЧ

zigmarat@mail.ru

Вопросы дисциплинарного принуждения в системе противодействия коррупционным правонарушениям¹

Аннотация. В статье рассматривается понятие дисциплинарного коррупционного правонарушения. Данный вопрос важен с точки зрения применения различных мер дисциплинарного воздействия для противодействия коррупции.

Такая категория, как «коррупционное дисциплинарное правонарушение», предопределяется его функциональностью в деле определения методов принудительного воздействия за

¹Статья подготовлена при информационной поддержке «Компании Консультант Плюс».

нарушение законодательства о противодействии коррупции. Исходя из этого, в работе сформулированы предложения как о необходимости законодательного закрепления «дисциплинарного коррупционного правонарушения», так и о его дифференциации. Важность такой дефиниции, как увольнение в связи с утратой доверия, предопределяется его функциональностью в деле определения оптимальных юридических средств воздействия за совершение дисциплинарных коррупционных правонарушений, в связи с чем в статье сформулированы предложения, касающиеся определения понятия доверия и недоверия на государственной службе. Отмечается, что применение увольнения в связи с утратой доверия должно быть исключительной (редкой) мерой дисциплинарной ответственности.

Ключевые слова: ответственность, ограничение, правонарушение, эффективность, порядок, служащий, наказание, увольнение, доверие, дисциплина.

Для цитирования: Куракин А.В., Косенкова Н.Г., Зиганшин М.М. Вопросы дисциплинарного принуждения в системе противодействия коррупционным правонарушениям // Вестник ВИПК МВД России. – 2024. – № 1 (69). – С. 8-21; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-8-21

KURAKIN ALEKSEY V.

Advanced Training Institute of the MIA of Russia¹,
Financial University under the Government of the Russian Federation² (Moscow, Russia)

KOSENKOVA NATAL'YA G.

State University of Management (Moscow, Russia)

ZIGANSHIN MARAT M.

**ISSUES OF DISCIPLINARY COERCION
IN THE COUNTERACTION SYSTEM CORRUPTION OFFENSES**

Annotation. The article discusses the concept of a disciplinary corruption offense, this issue is important from the point of view of applying various disciplinary measures to combat corruption. Such a category as a "corruption disciplinary offense" is predetermined by its functionality in determining methods of coercive influence for violation of anti-corruption legislation. Based on this, the paper formulates proposals on the need for legislative consolidation of such a category as "disciplinary corruption offense", as well as proposals on its differentiation. The importance of such a definition as dismissal due to loss of trust will be determined by its functionality in determining the optimal legal means of influence for committing disciplinary corruption offenses. Based on this, the paper formulates proposals concerning the definition of trust and distrust in the civil service.

Key words: responsibility, restriction, offense, efficiency, law and order, employee, punishment, dismissal, trust, discipline

For citation: Kurakin A.V., Kosenkova N.G., Ziganshin M.M. Issues of disciplinary coercion in the counteraction system corruption offenses // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. – 2024. – № 1 (69). – P. 8-21; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-8-21

Вопросы обеспечения законности и дисциплины не теряют своей актуальности, соответствующая работа проводится по самым различным направлениям, она, в частности, касается и противодействия коррупции и коррупционным правонарушениям. Коррупция и коррупционное правонарушение – это не тождественные категории. Нужно отметить, что коррупция – это социально правовое явление, в частности включающее разнообразные правонарушения. Как отметил К.С. Бельский, «...коррупция – это система действий государствен-

ного служащего, осуществляемая посредством превратного использования властных полномочий, в том числе путем оказания протекции родственникам и своякам в целях личного обогащения либо укрепления личной власти взамен предоставления другим лицам определенных услуг» [1, с. 22].

В данном определении нет прямого указания на коррупционные преступления, в частности взяточничество, что говорит о том, что большинство коррупционных правонарушений – это правонарушения административно-дисциплинарного характера. В этой связи с практической точки

зрения важно иметь представление о том, как понимать такую категорию, как «дисциплинарное коррупционное правонарушение».

В системе правовых средств противодействия коррупции в служебных и трудовых отношениях с недавнего времени стали широко использоваться меры дисциплинарного характера, например увольнение в связи с утратой доверия и иные дисциплинарные взыскания. Меры дисциплинарного характера в виде дисциплинарных взысканий применяются только при одном основании – совершении дисциплинарного проступка, в нашем случае – коррупционного дисциплинарного правонарушения. Нужно отметить, что законодательство использует термин «коррупционное правонарушение». Так, Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» (далее – Закон № 342-ФЗ) определяет, что «...взыскание в виде замечания или выговора может быть наложено на сотрудника органов внутренних дел при малозначительности совершенного им коррупционного правонарушения» (ст. 51.1). Обращает на себя внимание, что Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее – Закон № 79-ФЗ) при регулировании отношений, связанных с противодействием коррупции на службе мерами дисциплинарного характера, также не содержит термин «коррупционное правонарушение», а использует просто категорию «правонарушение».

В частности, в законе говорится, что «непредставление гражданским служащим сведений о своих расходах, а также о расходах членов своей семьи, либо представление заведомо неполных сведений является правонарушением, влекущим увольнение гражданского служащего с гражданской службы» (ст. 20.1).

Из этого можно сделать вывод, о том, что термин «коррупционное дисциплинарное правонарушение» фактически существует, как в доктрине, так и в правоприменительной практике, а законодательство данную конструкцию просто игнорирует. Как представляется, данный подход не совсем верен. В этой связи рассмотрим ряд точек зрения относительно коррупционного правонарушения в целом и коррупционного дисциплинарного правонарушения в частности. Так, термин «правонарушение» является базовой категорией для доктрины юридической ответственности и наказания, обозначенная дефиниция является общей,

собирающей. Приведем несколько точек зрения из доктрины относительно понятия «правонарушение». Наиболее емкое определение правонарушения выглядит так: «правонарушение – это общественно опасное, виновное, противоправное деяние, наносящее вред личности, собственности государству или обществу в целом» [2, с. 485].

При характеристике правонарушения зачастую указывается на его признаки: «...исходным моментом и определяющим для понимания сущностного в правонарушении является представление о том, что оно характеризуется общественной вредностью и противоправностью» [3, с. 232].

В доктрине в целом имеются схожие точки зрения относительно понятия правонарушения и его признаков, теория данного вопроса разработана весьма содержательно, однако, несмотря на это, действующее законодательство не воспринимает теоретические дефиниции в том объеме, в котором нуждается правоприменительная практика.

Также обратим внимание, что Конституция Российской Федерации использует термин «правонарушение» несколько раз. В Конституции закреплено, что «...каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, а также на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением» (ст. 42). Также Конституция говорит, что «...никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением, если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон» (ст. 54). Таким образом, термин «правонарушение» возведен на конституционный уровень в целом без относительности своего вида и отраслевой принадлежности, за исключением указания, как было сказано, на «экологическое правонарушение».

В законодательстве также используется термин «правонарушение». Так, Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» закрепляет, что «правонарушение – преступление или административное правонарушение, представляет собой противоправное деяние (действие, бездействие), которое влечет уголовную или административную ответственность» (ст. 2). Данный закон в содержание правонарушения включает только преступление и административное

правонарушение. В свою очередь, Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» говорит о «коррупционном правонарушении» в контексте соответствующей обязанности государственного служащего. Так, согласно данному закону «государственный служащий обязан уведомлять об обращениях в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений» (ст. 9). Коррупционное правонарушение – это не только преступление или административное правонарушение, но и иные деяния. Поляков М.М. в свое время отметил, что «...по степени общественно опасных последствий все коррупционные проявления можно разделить на две большие группы: коррупционные преступления и коррупционные правонарушения, включающие коррупционные гражданско-правовые деликты, коррупционные дисциплинарные проступки, а также коррупционные административные правонарушения» [4, с. 9].

Как отметила Е.В. Марьина, «...категория «коррупционное правонарушение» имеет межотраслевой характер и включает: коррупционное административное правонарушение; коррупционное дисциплинарное нарушение; коррупционное гражданское правонарушение; коррупционное неэтичное нарушение, влекущее дисциплинарную ответственность; и коррупционное преступление» [5, с. 8].

Выделение коррупционного неэтичного поведения из системы дисциплинарных правонарушений с теоретической точки зрения является верным, однако с практической позиции это не всегда целесообразно. Нарушение норм профессиональной и служебной этики, требований, предъявляемых к служебному поведению, может иметь коррупционную мотивацию, это может, в частности, выражаться в нарушении запретов, ограничений и обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции. Нужно сказать, что некоторые этические нормы, исходя из своей социальной и профессиональной важности, приобрели юридический статус и стали обязательными для исполнения. В этом контексте можно привести в качестве примера Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, который был одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции 23 декабря 2010 г. Вопросы этики государственной службы

и профессиональному поведению уделяется достаточно серьезное внимание. Как писал в свое время В.Д. Попков, «...все преступные деяния, совершаемые служащими государственного аппарата, являются в то же время нарушениями моральных норм, т.е. аморальными действиями, они осуждаются государством и общественным мнением» [6, с. 120].

Обозначенный подход достаточно широко толкует неэтичное нарушение, при этом надо отметить, что нарушение этических норм далеко не всегда имеет правовой характер. В системе дисциплинарных проступков, как представляется, не всегда нужно выделять в отдельную группу неэтичные нарушения, в том числе и те, которые имеют коррупционный характер. В этой связи такая категория, как «коррупционное дисциплинарное правонарушение», включает самые различные проступки, которые по своим признакам имеют дисциплинарный характер и за которые применяются меры дисциплинарной ответственности.

Коррупционное дисциплинарное правонарушение феномен достаточно новый, он появлялся с развитием законодательства о противодействии коррупции, в особенности с появлением такого дисциплинарного взыскания, как «увольнение в связи с утратой доверия». Несмотря на некоторую специфику коррупционного дисциплинарного правонарушения, данное нарушение является в целом разновидностью дисциплинарного проступка, имеет определенные отличия субъективного порядка. Коррупционное дисциплинарное правонарушение совершается зачастую с прямым умыслом, например с целью скрыть факт неосновательного обогащения, факт получения денежных средств, на которые были произведены соответствующие расходы, данное правонарушение совершается с целью скрыть факт наличия соответствующего имущества и др.

Обратим внимание, что законодательство с недавнего времени закрепляет положение о том, что «не является коррупционным правонарушением деяние, которое совершено неумышленно. Сегодня «госслужащий освобождается от ответственности за несоблюдение ограничений, запретов и неисполнение обязанностей, установленных законом в целях противодействия коррупции, в случае, если несоблюдение таких ограничений, запретов и требований,

а также неисполнение данных обязанностей признается следствием не зависящих от него обстоятельств».

Несмотря на обозначенное положение, при анализе «коррупционного дисциплинарного правонарушения», так или иначе, нужно отталкиваться от понятия «дисциплинарный проступок». Обратим внимание, что в истории законодательства о государственной службе был период времени, когда в законодательстве использовался термин «должностной проступок». Надо отметить, что это не совсем удачная правовая конструкция, поскольку «должностной проступок» является составной частью «дисциплинарного проступка».

Далее рассмотрим, как понимается такая категория, как «дисциплинарный проступок». Коренев А.П. писал, что «...основанием привлечения служащего к дисциплинарной ответственности является дисциплинарный (должностной) проступок, то есть виновное нарушение правил государственной службы, невыполнение или ненадлежащее выполнение служебных обязанностей, упущение по службе, нарушение служебной дисциплины» [7, с. 138]. Безусловно, дисциплинарный проступок – это нарушение служебной дисциплины.

Дисциплинарный проступок – это негативные служебные действия. Именно с данных позиций оценивает дисциплинарный проступок К.С. Бельский. Так, обозначенный автор пишет, что «...негативные служебные действия образуют виновное поведение государственного служащего, они являются правонарушением» [8, с. 41].

Как пишет автор, «в структуру негативных служебных действий включаются: невыполнение своих обязанностей, небрежное или частичное выполнение их, злоупотребление властными полномочиями, превратное пользование властью, коррупция, халатность и др. Особое место среди негативных служебных действий занимают управленческие решения, правильные по форме, но ошибочные по существу, и которые принесли значительный социальный вред обществу. За данные решения никто ответственности зачастую не несет, что создает ситуацию безответственности» (с. 41). Верен тезис о том, что необоснованный формализм в управленческой работе зачастую приводит не к тому результату, который необходим для дела. Противоречия и коллизии в нормативном регулировании провоцируют нарушения юридических норм, а также детерминируют различные злоупотребления, и данное поведение

служащего зачастую не оценивается как дисциплинарное нарушение. Более того, правовая неопределенность также способствует различного рода нарушениям и произвольной оценке управленческого события.

Климкина Е.В. отмечает, что «...дисциплинарный проступок – это противоправное, виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение гражданским служащим должностных обязанностей, возложенных на него законами и иными нормативно-правовыми актами, служебным контрактом и должностным регламентом, за которое уполномоченное лицо обязано применить предусмотренное законом дисциплинарное взыскание» [9, с. 10].

В свою очередь, М.Б. Добробаба пишет, что «...дисциплинарный проступок следует определить как виновное, противоправное деяние государственного служащего, которое заключается в неисполнении или ненадлежащем исполнении им служебных обязанностей, за совершение которого к государственному служащему может быть применено дисциплинарное взыскание» [10, с. 32].

Обозначенные определения дисциплинарного проступка достаточно похожи, в первом случае автор указывает, что за должностной проступок уполномоченное лицо обязано применить дисциплинарное взыскание, другой автор говорит, что за совершение проступка к государственному служащему может быть применено дисциплинарное взыскание. Анализ действующего законодательства дал возможность заключить, что за совершение дисциплинарного проступка нет прямой обязанности назначать дисциплинарное взыскание, чего нельзя сказать о ситуации, связанной с совершением дисциплинарного коррупционного правонарушения. Так, например, Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. «О службе в органах внутренних дел» определяет, что «...руководитель, которому стало известно о возникновении у его подчиненного личной заинтересованности, подлежит увольнению в связи с утратой доверия, если не примет мер по предотвращению данного конфликта» (ст. 82.1).

Приведенные выше определения «дисциплинарного проступка» в целом носят распространенный характер. Очевидно, что к дисциплинарной ответственности может быть привлечено только виновное лицо, дисциплинарный проступок выражается в нарушении служебной дисциплины, служебных должностных обязанностей. Данное деяние может быть выражено

в действии и бездействии, однако далеко не всегда к виновному лицу применяется дисциплинарное взыскание, а без такого воздействия не может быть дана правовая оценка содеянному. Возникает вопрос, почему дисциплинарное взыскание не всегда применяется при совершении дисциплинарного проступка.

Как отметил А.Л. Юсупов, применительно к реализации такого дисциплинарного взыскания, как «увольнение в связи с утратой доверия», «...нормы, устанавливающие саму возможность утраты доверия и связанные с ней последствия, по своей природе создают риски для коррупции. Они позволяют субъекту дисциплинарной власти не только уволить неугодного государственного служащего, но и оставить фактически безнаказанными реальных нарушителей законодательства о противодействии коррупции» [11, с. 9].

Нормы, регулирующие отношения, обусловленные дисциплинарной практикой, в частности связанной с применением взысканий за коррупционные дисциплинарные правонарушения, содержат весьма серьезную правовую неопределенность. Данное обстоятельство требует их кардинального улучшения.

Лещина Э.Л. дает свое определение «дисциплинарному проступку», в частности обозначенный автор пишет, что «...дисциплинарный проступок государственного служащего – это противоправное виновное непроступное нарушение государственным служащим служебной дисциплины, несоблюдение установленных запретов и ограничений, которые в соответствии с законодательством влекут за собой применение мер дисциплинарного принуждения» [12, с. 55].

В данном определении акцент сделан на том, что дисциплинарный проступок – это не преступное поведение, т.е. это деяние, которое не представляет большой общественной опасности. Хотя тут необходимы пояснения. Применительно к дисциплинарному коррупционному правонарушению однозначно так сказать нельзя. Так, за совершение значительного дисциплинарного правонарушения применяется такое взыскание, как «увольнение в связи с утратой доверия», и уволенное по данному основанию лицо помещается в реестр уволенных по утрате доверия и находится в нем пять лет. Данное наказание достаточно строгое, не может применяться за дисциплинарное правонарушение, которое не представляет опасности. В этой связи С.А. Шушпанов отмечает, что «...должностным проступком

считается вредоносное, противоправное, виновное деяние, за которое законодательством предусмотрена дисциплинарная ответственность. Отсюда вытекают и четыре его общих признака, присущие всем правонарушениям и являющиеся основанием дисциплинарной ответственности: общественная опасность (наличие вреда и его общественная оценка); противоправность; виновность; дисциплинарная наказуемость» [13, с. 10].

Как видится, все эти признаки присущи и коррупционному дисциплинарному правонарушению. Как отмечает А.Л. Юсупов, «коррупционный дисциплинарный проступок представляет собой неисполнение или ненадлежащее исполнение государственным служащим или лицом, замещающим государственную должность, по его вине возложенных на него обязанностей, несоблюдение запретов и ограничений, установленных в целях противодействия коррупции, за которое в служебном законодательстве предусмотрена дисциплинарная ответственность» [14, с. 17].

В данном определении правильно указывается на виновность совершения коррупционного дисциплинарного проступка, что важно учитывать, нередки случаи, когда меры дисциплинарной ответственности зачастую применялись формально, исходя из факта самого события. Требования законодательства о противодействии коррупции могут быть нарушены в дисциплинарном порядке по неосторожности, вследствие небрежности или по обстоятельствам, которые не зависят от самого госслужащего. И в этом случае служащий не должен привлекаться к дисциплинарной ответственности.

Сорокин Р.С. представил весьма содержательную позицию относительно дисциплинарного коррупционного правонарушения. В частности, обозначенный автор выделил «коррупционные правонарушения, включающие: неправомерную деятельность по сокрытию иных коррупционных правонарушений, а также создание условий для свободного пользования их результатами» [15, с. 12]. Автор указал на «правонарушения в сфере противодействия коррупции, включающие: нарушения запретов и ограничений; неисполнение обязанностей, установленных в целях профилактики коррупции; коррупционные правонарушения, связанные с непредставлением информации, а также представлением неполной и недостоверной информации, обязательность раскрытия которой

установлена в законодательстве о противодействии коррупции» [15, с. 12].

Позиция автора позволяет сделать вывод, что дисциплинарные коррупционные правонарушения могут быть рассмотрены в широком и узком смысле. В частности, соответствующие правонарушения могут быть направлены на сокрытие коррупционного преступления, например факта получения взятки или иного преступления, в результате которого служащий неосновательно обогатился. В этом случае коррупционное дисциплинарное правонарушение представляет существенную опасность, со всеми вытекающими из этого последствиями. Коррупционное дисциплинарное правонарушение может иметь «автономный дисциплинарный статус», и за его совершение, в зависимости от содержания нарушения, могут быть применены различные меры ответственности, в том числе и увольнение в связи с утратой доверия. Дисциплинарные коррупционные правонарушения – это различной степени опасности, виновные нарушения законодательства о противодействии коррупции, за которые предусмотрены меры ответственности или иного дисциплинарного воздействия в целях укрепления законности и дисциплины.

Из действующего законодательства вытекает очень важный тезис о том, что «коррупционные дисциплинарные правонарушения» могут быть подразделены по различным критериям. Так, Закон № 342-ФЗ говорит о том, что «...взыскание в виде замечания или выговора может быть наложено на сотрудника органов внутренних дел при малозначительности совершенного им коррупционного правонарушения» (ст. 51.1). В свою очередь, Закон № 79-ФЗ определяет, что «взыскание в виде замечания может быть применено к гражданскому служащему при малозначительности совершенного им коррупционного правонарушения» (ст. 59.3).

Таким образом, законодательство о государственной службе использует такую категорию, как «малозначительное коррупционное правонарушение», за совершение которого применяется взыскание, не связанное с увольнением государственного служащего. В связи с этим очень важно иметь критерии, которые относят коррупционное правонарушение к тому или иному виду. Чаннов С.Е. указывает, что «...в некоторых случаях «коррупционные правонарушения», не связанные реально с совершением коррупционных действий, могут, при

наличии смягчающих обстоятельств, рассматриваться как малозначительные» [16, с. 197].

Понятие «малозначительность» служебное законодательство не содержит, в связи с этим посмотрим, как трактуется понятие малозначительности применительно к административному правонарушению. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» говорится, что «малозначительным административным правонарушением является деяние, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, но с учетом характера совершенного правонарушения и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений».

Исходя из данного посыла, можно заключить, что малозначительное коррупционное правонарушение – это дисциплинарное нарушение, которое не представляет существенного нарушения охраняемым общественным отношениям, и в силу этого лицо, которое совершило данное правонарушение, может быть освобождено от применения к нему мер дисциплинарной ответственности. В этом направлении закон должен более четко обозначить свою позицию, более того нужен универсальный подход в деле закрепления критериев малозначительности соответствующего правонарушения, а также его оценки. Сейчас можно видеть, что на гражданской службе за совершение малозначительного коррупционного правонарушения предусмотрено одно дисциплинарное взыскание (ст. 59.3), а на службе в органах внутренних дел за совершение того же деяния предусмотрено два взыскания (ст. 51.1). Такой подход представляется ошибочным.

Для оценки степени опасности дисциплинарного коррупционного правонарушения Минтруд принял соответствующий документ, а именно письмо от 15 апреля 2022 г. № 28-6/10/П-2479 «Об актуализации Обзора практики привлечения к ответственности государственных (муниципальных) служащих за несоблюдение ограничений и запретов, неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции». Обратим внимание, что в постановлении Правительства РФ

от 13 августа 1997 г. «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» говорится о том, что «издание нормативных правовых актов в виде писем, распоряжений и телеграмм не допускается». В этой связи нормативность письма Минтруда вызывает вопросы.

В письме Минтруда «Об актуализации Обзора практики привлечения к ответственности государственных (муниципальных) служащих за несоблюдение ограничений и запретов, неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции» содержится указание на значительные проступки, малозначительные проступки и несущественные проступки. Данная дифференциация представляется правильной, но она должна быть закреплена в законе, а не в документе, который имеет статус письма. Дисциплинарные коррупционные правонарушения имеют различный уровень опасности, за их совершение должны применяться адекватные дисциплинарные взыскания, а в некоторых случаях дисциплинарное воздействие должно ограничиваться профилактической беседой с соответствующим нарушителем. Надо сказать, что обозначенное письмо Минтруда вводит в оборот категории, которые действующее законодательство не использует, а именно: «значительные проступки», «несущественные проступки»; определяет типовую ситуацию применения дисциплинарного взыскания в упрощенном порядке. Соответствующее регулирование должно осуществляться на уровне закона.

По итогу рассмотрения части обозначенной проблемы следует заключить, что в действующем законодательстве необходимо: использовать такую категорию, как «дисциплинарное коррупционное правонарушение»; закрепить систему дисциплинарных взысканий, которые должны применяться за дисциплинарные нарушения законодательства о противодействии коррупции; закрепить категории дисциплинарных коррупционных правонарушений; определить порядок применения дисциплинарных взысканий за коррупционные правонарушения, в том числе в упрощенном порядке, при признании лицом своей вины в совершении данного деяния.

Проблемы увольнения по утрате доверия. Увольнение с государственной службы является юридическим фактом прекраще-

ния служебных правоотношений. Увольнение со службы может быть осуществлено по собственному желанию служащего, по ситуации, которая не зависит от сторон служебного правоотношения, а также по инициативе представителя нанимателя, в частности по утрате доверия. Иными словами, утрата доверия – это недоверие. Категории «доверие» и «недоверие» между собой диалектически взаимосвязаны. На данный счет А.В. Купрейченко указала, что «...доверие и недоверие к определенным людям, группам, системам ценностей, нормам, идеям и т.д. выражает не только текущее состояние отношений с этими объектами, но и направленность субъекта на интенсификацию, углубление отношений, сближение с ними или, напротив, избегание или уничтожение их» [17, с. 46].

«Доверие» и «недоверие» – категории междисциплинарные, они изучаются в различных социальных дисциплинах, подход к пониманию и оценке данных дефиниций в целом идентичен. Применительно к обозначенной проблеме нас интересует прежде всего юридический аспект «доверия» и «недоверия». Категории «доверие» и «недоверие» в различных направлениях действия права имеют дифференцированное функциональное содержание, которое вызвано соответствующим предметом правового регулирования. Однако, независимо от предмета правового воздействия, результат обозначенных состояний в целом идентичен, доверие способствует сближению субъектов правоотношений, а состояние недоверия продуцирует их отторжение. Агафонов М.Ю. пишет, что «...доверие в правовом поле предполагает превентивную оценку действий индивидуума, сочетающую в себе рациональное и эмоциональное начала с явным преимуществом первого. Юридическое доверие возникает и, соответственно, утрачивается в процессе правоотношений, связанных с трудовой деятельностью, находится в сфере компетенции человеческого познания и поэтому нуждается в некоторых доказательствах или основаниях» [18, с. 33].

Учитывая данный тезис, обратим внимание на некоторые его компоненты. Увольнение в связи с утратой доверия является разновидностью утраты юридического доверия, поскольку вследствие данного увольнения прекращается юридическая связь субъектов соответствующих правоотношений и наступает длящееся негативное состояние, обусловленное действием примененного дисциплинарного взыскания.

Увольнение в связи с утратой доверия является именно дисциплинарным взысканием, несмотря на то, что оно не закреплено в общей системе дисциплинарных взысканий. В этой связи при применении увольнения в связи с утратой доверия должны учитываться все общие и специальные принципы действия дисциплинарной ответственности.

Надо обратить внимание, что увольнение по инициативе представителя нанимателя может быть произведено за совершение виновного деяния служащим, вследствие чего имеет место утрата доверия к нему. Увольнение по утрате доверия является, по сути, разновидностью увольнения по отрицательным основаниям, однако имеет свои специфические особенности, вызванные основанием такого увольнения, процессуальным обеспечением увольнения, а также юридическими последствиями. В доктрине указывалось на конкуренцию оснований увольнения по инициативе представителя нанимателя, в связи с чем в различных сегментах государственной службы этот вопрос решается по-разному. Как отмечают Т.А. Батрова и О.В. Корнеева, «...исключение увольнения в связи с утратой доверия из числа грубых нарушений служебной дисциплины некоторое время назад не решило всех проблем на службе в органах внутренних дел. Так, сегодня имеет место конкуренция между увольнением по утрате доверия и основаниями увольнения, которые предусмотрены за грубое нарушение служебной дисциплины в органах внутренних дел» [19, с. 80].

По своей сути увольнение по утрате доверия является разновидностью увольнения за грубое нарушение служебной дисциплины и соотносится с ним как часть и целое. Далеко не каждое увольнение за грубое нарушение служебной дисциплины – это увольнение по утрате доверия. Сама формулировка «увольнение по утрате доверия» не совсем корректна в том смысле, в котором она употребляется в Законе № 79-ФЗ, данная формулировка не отражает всего спектра отношений, в которых имеет место доверие или недоверие. В этой связи было бы верно в служебном законодательстве использовать такую конструкцию, как «дисциплинарное увольнение за нарушение законодательства о противодействии коррупции».

Нужно отметить, что далеко не во всех видах государственной службы имеет место такое основание для увольнения, как

«за грубое нарушение служебной дисциплины». Как видится, дифференциация оснований для применения мер ответственности имеет важное практическое значение, особенно когда речь идет об увольнении, которое вызвано не собственным желанием служащего или сотрудника. Учитывая это, рассмотрим основания увольнения по утрате доверия, но перед этим нужно определить, что понимается под такой категорией, как «доверие» и «недоверие». Сразу нужно отметить, что понятие «доверие» носит неправовой характер, однако в правовом регулировании достаточно часто используется неправовая терминология, которая с течением времени приобретает правовой статус, в частности это может касаться и такой категории, как «доверие». Доверие или состояние доверия пронизывает право, без доверия не может быть договорных отношений, отношений брачно-семейного характера, без доверия невозможно представить развитие трудовых и служебных отношений. Как отмечается в литературе, «...доверие является центральной частью всех человеческих отношений, включая романтические отношения, семейную жизнь, деловые операции, политику и медицинскую практику» [20, с. 74].

Отношения доверия формируются в течение определенного времени, в связи с этим можно сделать вывод, что доверие – это результат социальной коммуникации людей. Отношения доверия не могут быть сформированы под воздействием права или иным административным воздействием. Доверие – это результат свободного волеизъявления людей или иных субъектов права. Доверие, как и многие социальные категории, имеет свой антипод, а именно состояние недоверия, которое вызывается каким-либо отрицательным поведением, например оно может быть вызвано результатом совершения правонарушения. В самом начале развития правовых отношений имеет место состояние доверия, иначе данное отношение просто не было бы начато. Практически в любых отношениях изначально имеет место доверие, можно сказать, действует презумпция доверия, которая постепенно может исчезать в результате поведения, вызывающего недоверие. В этой связи Е.В. Елфимова, Л.И. Миннегалиева и О.Г. Бельдина верно отметили, что «...руководителю достаточно сложно при приеме на работу понять, насколько добросовестно будет относиться к исполнению обязанно-

стей принимаемый работник. Непрофессионализм, конфликтность, нежелание улучшать результаты работы организации, халатность, демонстрация неуважительного отношения к руководству – все это подрывает доверие к работнику, в результате чего работодатель начинает задумываться о том, как избавиться от нерадивого подчиненного» [21, с. 57].

Таким образом, из состояния доверия постепенно появляется состояние недоверия, и, как следствие этого, имеет место «утрата доверия». Относительно понятия «утрата доверия» имеются различные точки зрения. Как отмечают авторы комментария к Закону № 79-ФЗ, «...под утратой доверия к гражданскому служащему можно понимать отношения, возникшие вследствие совершения гражданским служащим действий (бездействия), которые порождают у представителя нанимателя обоснованные сомнения в его честности, порядочности, добросовестности, искренности мотивов его поступков, способности эффективно исполнять свои должностные обязанности» [22].

Как указывает С.В. Суркова, «термин «утрата доверия» является оценочным понятием и применяется в сфере государственной гражданской службы. Под утратой доверия можно понимать отношения, возникшие вследствие совершения служащим действий (бездействия), которые порождают обоснованные сомнения в его честности, порядочности, добросовестности, искренности мотивов его поступков, способности эффективно исполнять свои должностные обязанности» [23].

Утрата доверия в служебных отношениях – это социально-правовое состояние, вызванное совершением служащим противоправного и виновного деяния, связанного с нарушением законодательства о противодействии коррупции, вследствие которого прекращаются юридические отношения и появляются основания для применения дисциплинарного взыскания. Исходя из этого, можно заключить, что состояние утраты доверия предшествует процессу применения дисциплинарного взыскания.

Доверие в трудовых и служебных отношениях нужно рассматривать в нескольких аспектах: 1) в широком плане, о данном состоянии речь идет в обозначенной выше цитате, когда работник не оправдал ожиданий и тем самым утратил доверие (социальный аспект доверия и недоверия); 2) в узком смысле, когда лицо совершает гру-

бое дисциплинарное нарушение, и совершение данного правонарушения ведет к утрате к нему доверия. Вследствие совершения такого правонарушения продолжение трудовых или служебных отношений невозможно. Нужно отметить, что дисциплинарное правонарушение, вызывающее недоверие к работнику (служащему, сотруднику), должно быть оценено именно как грубое (значительное) нарушение. Так, ТК РФ предусматривает расторжение трудового договора по инициативе работодателя в случае совершения виновных действий работником, непосредственно обслуживающим денежные или товарные ценности, если эти действия дают основание для утраты доверия к нему со стороны работодателя (п. 7 ст. 81). Это один из вариантов увольнения в связи с утратой доверия.

Другой вариант соответствующего увольнения связан с грубым нарушением законодательства о противодействии коррупции. Закон № 79-ФЗ закрепляет семь оснований увольнения в связи с утратой доверия (ст. 59.2); Закон № 342-ФЗ также закрепляет аналогичные основания для увольнения в связи с утратой доверия (82.1).

Увольнение по утрате доверия влечет различные правовые последствия: увольнение по ТК РФ (ст. 81) – это один вариант отрицательных последствий; увольнение по Закону № 79-ФЗ – это иные последствия, а именно – помещение в реестр лиц, уволенных по утрате доверия.

Обратим внимание на юридические последствия действия такого дисциплинарного взыскания, как «увольнение в связи с утратой доверия». Закон № 79-ФЗ закрепляет, что гражданский служащий не может находиться на службе и, соответственно, принят на службу в случае утраты представителем нанимателя к нему доверия при несоблюдении ограничений и запретов и неисполнении обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции (п. 10 ст. 16). Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел» закрепляет, что единовременное пособие не выплачивается гражданам, уволенным со службы в органах внутренних дел в связи с несоблюдением сотрудником ограничений и запретов, а также в связи с утратой доверия (п. 8 ст. 3).

Нужно сказать, что к утрате доверия ведет совершение не только коррупционного правонарушения, но и иного корыстного

правонарушения, например мелкое хищение чужого имущества. Иногда состояние утраты доверия формируется под воздействием политических факторов. Исходя из этого, нужно подчеркнуть, что служащий, да и работник бюджетной организации, должны быть политически нейтральными. Так, Закон № 79-ФЗ закрепляет, что «госслужащему запрещается использовать должностные полномочия в интересах политических партий» (п. 13 ст. 17). Закон № 342-ФЗ также определяет, что «сотруднику органов внутренних дел запрещается состоять в политических партиях, материально поддерживать политические партии и принимать участие в их деятельности. При осуществлении служебной деятельности сотрудник не должен быть связан решениями политических партий» (п. 6 ст. 4). За участие в оппозиционной политической деятельности государственный служащий может быть уволен, но это не увольнение в юридическом понимании смысла «по утрате доверия», хотя, конечно, доверие к такому лицу со стороны государства теряется.

Увольнение по утрате доверия влечет для уволенного лица правовые ограничения, ухудшение профессиональной репутации, эмоциональные переживания, как иногда говорят, это увольнение с «волчьим билетом». В условиях информационного обеспечения процесса исполнения дисциплинарного взыскания в виде увольнения по утрате доверия уволенный по данному основанию помещается в соответствующий реестр, который является открытым и с его содержанием может ознакомиться любой заинтересованный в этом человек. Как отмечают Е.В. Черепанова и В.В. Матвеев, «...основная идея введения реестра лиц, уволенных в связи утратой доверия, состоит в том, чтобы создать единую базу данных, содержащую сведения об указанных лицах, что затруднило бы сокрытие ими информации о факте увольнения в связи с утратой доверия» [24, с. 131].

Сотрудники кадровых служб или структур по подбору персонала более или менее крупных организаций сейчас практически в обязательном порядке проверяют оформляемых на работу, особенно тщательно проверка проводится в отношении тех лиц, которые ранее находились на публичной службе и были обязаны соблюдать требования законодательства о противодействии коррупции. Это необходимо, в частности, и для минимизации ситуации, связанной с возникновением конфликта инте-

ресов. Нахождение в реестре лиц, уволенных по утрате доверия, может являться основанием для отказа в приеме на работу. Это не что иное, как поражение в праве. Работодатель отказывает в приеме на работу находящемуся в реестре лицу с целью поддержания своей репутации, а также по сложившемуся стереотипу, что данное лицо и на новом месте работы может допустить грубое нарушение трудовой (служебной) дисциплины или нарушить требования законодательства о противодействии коррупции. По данному вопросу С.А. Куковинцева отмечает, что «...реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия, поможет сориентироваться кадровым работникам при отборе кандидатов на государственную и муниципальную службу – получать достоверную информацию о соблюдении претендентами законодательства о противодействии коррупции. Увольнение в связи с утратой доверия должно негативно отразиться на нарушителе и иметь правовые последствия при его дальнейшем трудоустройстве» [25, с. 57].

Нужно отметить, что уволенное по утрате доверия лицо сейчас уже не может поступить на гражданскую службу, а тем более на милитаризованную службу, в частности на службу в органы внутренних дел. В этой связи возникает вопрос относительно справедливости такого поражения в правах уволенного по утрате доверия, насколько правильно действие таких правовых ограничений вследствие вынесения дисциплинарного (административного) решения. Как верно отметил А.Д. Ильяков, «...включение в реестр лиц с запретом на последующее принятие их на государственную гражданскую службу является по своей сути дисквалификацией, но по решению не суда, а конкретного работодателя» [26, с. 38].

Увольнение по утрате доверия условно можно назвать дисквалификацией, такое наказание есть в КоАП, и оно может применяться к гражданским служащим. Увольнение по утрате доверия является достаточно часто применяемым дисциплинарным взысканием, о чем свидетельствуют цифровые данные реестра лиц, уволенных по данному основанию. По обозначенному вопросу даже издан Информационно-аналитический бюллетень [27], где представлен содержательный анализ уволенных по утрате доверия лиц, показано их должностное положение, дана их возрастная характеристика и др.

Нужно отметить, что основания увольнения по утрате доверия – это, по сути, дисциплинарные коррупционные правонарушения, составы которых определены далеко не оптимально, в частности нет четкого понимания, что такое «конфликт интересов» и каковы его последствия. В реальной действительности и служебной практике много ситуаций, которые можно расценить как «конфликт интересов», а можно и не квалифицировать данную ситуацию как какой-либо конфликт.

До сих пор непонятно, как оценивать «малозначительное коррупционное правонарушение», что значит «предоставление неполных и недостоверных сведений» о доходах и расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера. Насколько они должны быть не полны и не достоверны и почему именно так следует расценивать данную ситуацию. Есть письмо Минтруда от 15 апреля 2022 г. № 28-6/10/П-2479 «Об актуализации Обзора практики привлечения к ответственности государственных (муниципальных) служащих за несоблюдение ограничений и запретов, неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции», в нем представлены типичные или понятные обоснования для применения дисциплинарного взыскания, основанием действия которых являются коррупционные правонарушения. Однако всех вопросов данный документ не решает, огромное количество спорных служебных ситуаций, касающихся обозначенного вопроса, в данном обзоре просто нет. Как видится, в деле применения такого дисциплинарного взыскания, как увольнение в связи с утратой доверия, достаточно много «серых» моментов, субъективных оценок оснований для применения обозначенного взыскания, что является недопустимым.

Анализ оснований увольнения по утрате доверия, то есть анализ составов дисциплинарных правонарушений, которые закреплены в соответствующих статьях (ст. 59.2, 82.1), о которых речь шла выше, говорит о том, что процесс доказывания вины в совершении соответствующих правонарушений весьма непростой. В рамках обычной служебной проверки установить факт совершения коррупционного дисциплинарного правонарушения не всегда возможно. Зачастую нужно обращаться в налоговые органы, пенсионный фонд, органы Росреестра, Госавтоинспекцию, БТИ, кредитные организации, к операторам цифровых финансовых систем, а в некоторых случаях –

направлять запросы в компетентные органы зарубежных государств и др.

Только в этом случае можно получить официальную информацию о том, что служащий утаил имущественный актив, который был приобретен им на средства, законность и обоснованность которых подтвердить он не может. Иными словами, увольнение в связи с утратой доверия предполагает в механизме своего действия серьезное процессуальное содержание. А поэтому к увольнению в связи с утратой доверия по основаниям, предусмотренным законодательством о государственной службе, нужно подходить максимально внимательно, и любая спорная ситуация, правовая неопределенность должны толковаться в пользу лица, в отношении которого ведется соответствующее дисциплинарное производство.

Исходя из этого, согласимся с тем, что «...режим увольнения в связи с утратой доверия представляет собой целенаправленное воздействие административно-правовыми средствами на определенную группу общественных отношений, возникающих в сфере противодействия коррупции» [28, с. 159]. При применении увольнения в связи с утратой доверия необходимо учитывать правовые презумпции. Как отметил М.Ю. Агафонов, «юридическое доверие должно быть основано на презумпции невиновности: служащий не может быть уволен по причине «утраты доверия» без наличия достаточной доказательной базы его правонарушения» [29, с. 166].

Возможно, в некоторых случаях при совершении коррупционного дисциплинарного правонарушения следует применять увольнение за грубое нарушение служебной дисциплины, что не будет влечь отдельных юридических последствий, в частности таких, какие влечет за собой увольнение в связи с утратой доверия. В иных ситуациях для исключения возможного ограничения (поражения) трудовых прав лица, увольнение виновного лица может быть осуществлено и по его собственному желанию, но с ограничением возможности поступать на публичную службу в течение трех лет.

В заключение отметим, что увольнение в связи с утратой доверия является относительно новым дисциплинарным взысканием, оно тесным образом связано с такой категорией, как «коррупционное дисциплинарное правонарушение», которое является основанием для применения обозна-

ченного наказания. Действующее служебное законодательство не содержит понятия «коррупционное дисциплинарное правонарушение», в этой связи оно может быть определено как деяние, связанное с нарушением запретов, ограничений и обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции. Данное правонарушение, с одной стороны, по степени своей общественной опасности не дотягивает до пре-

ступления, с другой стороны, является грубым нарушением требований законодательства о государственной службе, а также законодательства о противодействии коррупции. В этой связи очень важно иметь в системе законодательства такую дефиницию, как «коррупционное дисциплинарное правонарушение».

1. Бельский К.С. Об уточнении понятия «коррупция» // Государство и право. 2012. № 12.
2. Теория государства и права / под ред. В.К. Бабаева. – М., 1999.
3. Общая теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. – М., 1996.
4. Поляков М.М. Административно-правовые способы предупреждения коррупционных правонарушений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009.
5. Марьина Е.В. Коррупционные преступления: отраслевое и межотраслевое согласование норм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2010.
6. Попков В.Д. Этика советской государственной службы. – М., 1970.
7. Коренев А.П. Административное право России. Ч. I. – М., 2000.
8. Бельский К.С. Персональная ответственность в советском государственном управлении. – М., 1988.
9. Климкина Е.В. Административно-правовое регулирование дисциплинарной ответственности государственного гражданского служащего России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.
10. Добробаба М.Б. Проблема понимания дисциплинарного проступка в служебном праве // Административное право и процесс. 2011. № 5.
11. Юсупов А.Л. Утрата доверия как основание дисциплинарной ответственности государственных служащих // Современное законодательство и проблемы регулирования общественных отношений. – Н. Новгород, 2013.
12. Лещина Э.Л. Дисциплинарный (служебный) проступок как основание дисциплинарной ответственности // Административное право и процесс. 2019. № 1.
13. Шушпанов С.А. Должностной проступок как основание дисциплинарной ответственности государственного служащего: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2002.
14. Юсупов А.Л. Дисциплинарная ответственность за нарушения законодательства о противодействии коррупции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2014.
15. Сорокин Р. С. Увольнение с государственной службы как мера противодействия коррупции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2016.
16. Чаннов С.Е. Может ли коррупционный проступок быть малозначительным? // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10.
17. Купрейченко А.В. Психология доверия и недоверия. – М., 2008.
18. Агафонов М.Ю. Использование формулировки «утрата доверия» в качестве основания для расторжения трудовых и служебных отношений в современной Российской Федерации. – Иркутск, 2015.
19. Батрова Т.А., Корнеева О.В. Конкуренция «отрицательных» оснований увольнения сотрудников органов внутренних дел: алгоритм решения проблемы // Журнал российского права. 2017. № 5.
20. Кучеров И.И., Матвеев В.В., Матулис С.Н. Утрата доверия по законодательству Российской Федерации: науч.-практ. пособие / отв. ред. И.И. Кучеров. – М., 2022.
21. Елфимова Е.В., Миннегалиева Л.И., Бельдина О.Г. Увольнение в связи с утратой доверия: правовые аспекты // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2020. № 5.
22. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (постатейный) / Н.И. Воробьев [и др.] // Подготовлен для системы Консультант Плюс, 2014.
23. Суркова С.В. Вопрос-ответ // СПС Консультант Плюс, 2023.

24. Черепанова Е.В., Матвеев В.В. Правовая природа реестра лиц, уволенных в связи с утратой доверия // Журнал российского права. 2021. № 8.

25. Куковинцева С.А. О реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия // Отдел кадров государственного (муниципального) учреждения. 2018. № 2.

26. Ильяков А.Д. Конституционность практики включения в реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия // Современное право. 2019. № 3.

27. Противодействие коррупции. Информационно-аналитический бюллетень (2022) // Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – М., 2023.

28. Кузнецов В.И., Трунцевский Ю.В., Ломакина Л.А. Увольнение государственных гражданских служащих в связи с утратой доверия: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2020. № 1.

29. Агафонов М.Ю. Использование формулировки «утрата доверия» в качестве основания для расторжения трудовых и служебных отношений в современной Российской Федерации. – Иркутск, 2015.

Информация об авторах:

About the authors:

***А.В. Куракин**, профессор кафедры подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка и подразделений по вопросам миграции центра подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка¹, профессор², доктор юридических наук, профессор*

***Н.Г. Косенкова**, доцент кафедры социологии, психологии управления и истории, кандидат искусствоведения*

***М.М. Зиганшин**, кандидат юридических наук*

***A.V. Kurakin**, professor of chair of migration service staff training of the police training center for public order protection¹, professor², doctor of law, professor*

***N.G. Kosenkova**, associate professor of the department of sociology, management psychology and history, phd in art history*

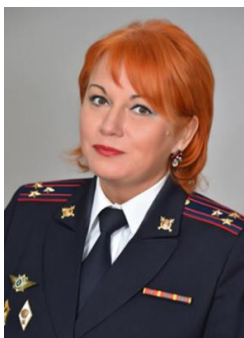
***M.M. Ziganshin**, candidate of law sciences*

Статья поступила в редакцию 12.03.2024

Научная статья

doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-22-28

СОСНОВСКАЯ ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА¹

lisenok1214@yandex.ru

БОНДАРЬ ЕЛЕНА ОЛЕГОВНА²

bondar_elena@mail.ru

^{1, 2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
(Москва, Россия)

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕХАНИЗМА АДМИНИСТРАТИВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ВЫДВОРЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН ИЛИ ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА ЗА ПРЕДЕЛЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Авторами рассматривается механизм реализации административного выдворения иностранных граждан или лиц без гражданства за пределы Российской Федерации как один из видов административного наказания. Раскрываются понятие, содержание и формы такой меры административной ответственности, как административное выдворение.

Определен перечень основных проблем реализации механизма административного наказания в виде административного выдворения иностранных граждан или лиц без гражданства за пределы Российской Федерации, предложены пути их решения.

Ключевые слова и словосочетания: административное выдворение, иностранный гражданин, лицо без гражданства, административно-правовой статус, механизм реализации, административное принуждение, административная ответственность, административное наказание.

Для цитирования: Сосновская Ю.Н., Бондарь Е.О. Основные проблемы реализации механизма административного наказания в виде административного выдворения иностранных граждан или лиц без гражданства за пределы Российской Федерации // Вестник ВИПК МВД России. - 2024. - № 1 (69). - С. 22-28; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-22-28

SOSNOVSKAYA YULIA N.¹

BONDAR ELENA O.²

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikotya (Moscow, Russia)

THE MAIN PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE MECHANISM OF ADMINISTRATIVE
PUNISHMENT IN THE FORM OF ADMINISTRATIVE EXPULSION OF FOREIGN CITIZENS
OR STATELESS PERSONS FROM THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. In the article, the authors consider the mechanism for the implementation of the administrative expulsion of foreign citizens or stateless persons outside the Russian Federation as one of the types of administrative punishment. The authors reveal the concept, content and forms of such a measure of administrative responsibility as administrative expulsion.

The article defines a list of the main problems of implementing the mechanism of administrative punishment in the form of administrative expulsion of foreign citizens or stateless persons from the Russian Federation and suggests ways to solve them.

Key words and word combinations: administrative expulsion, foreign citizen, stateless person, administrative and legal status, implementation mechanism, administrative coercion, administrative responsibility, administrative punishment.

For citation: Sosnovskaya Yu.N., Bondar E.O. The main problems of implementing the mechanism of administrative punishment in the form of administrative expulsion of foreign citizens or stateless persons from the Russian Federation // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. – 2024. – No. 1 (69). – P. 22-28; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-22-28

Свобода передвижения и выбор места жительства человека и гражданина являются приоритетными элементами реализации административно-правового статуса личности на территории нашего государства. Независимо от этого данное право по определенным основаниям может быть ограничено. Ограничение прав и свобод представляют собой юридически предусмотренные запреты и пределы возможностей для уменьшения количества определенных действий, в том числе и противоправных.

Основные направления борьбы с незаконной миграцией как одной из приоритетных угроз национальной безопасности включены в Стратегию национальной безопасности Российской Федерации (далее – РФ) [7]. В современный период общественного развития количество нарушений требований миграционного законодательства иностранными гражданами и лицами без гражданства продолжает расти, государственный контроль и надзор по привлечению данной категории лиц к трудовой деятельности осуществляется не в полном объеме. Последствиями роста миграционных потоков является и увеличение

случаев реализации такого вида административного наказания, как административное выдворение за пределы РФ. Причиной данного феномена являются: неоднозначное определение механизмов по управлению и осуществлению контроля за миграционными потоками; определенное несовершенство миграционного законодательства; слабое обеспечение работодателями социальных прав трудовых мигрантов, а также низкий уровень правовой, социально-экономической, политической и культурной грамотности последних.

Следует отметить, что в рамках реализации в РФ федерального миграционного контроля предусмотрены различные правовые механизмы высылки иностранных граждан и лиц без гражданства, которые совершили правонарушения на территории РФ и нарушили миграционное законодательство [11, с. 18-32].

Административным выдворением является принудительное и контролируемое перемещение иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы РФ. В некоторых случаях, предусмотренных законодательством РФ, – самостоятельный, контролируемый выезд иностранных граждан и лиц

без гражданства с территории нашего государства [4].

Отметим, что данный вид административного наказания не лишен существенных недостатков. В связи с этим анализ его правовой регламентации, а также практики его применения остается одной из приоритетных задач государственного управления, механизм которого требует усовершенствования.

Понятие административного выдворения закреплено в ст. 3.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [4].

Проанализировав содержание данного понятия, отметим, что процедура административного выдворения, которая регламентируется нормами КоАП РФ, относится к категории принудительных мер, применение которых носит односторонний порядок и распространяется на иностранных граждан и лиц без гражданства как участников правовых отношений. Реализация данной меры регламентирована процессуальными положениями и осуществляется государственными органами исполнительной власти, наделенными соответствующими полномочиями.

Административное выдворение как мера административной ответственности применяется в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства и осуществляется за нарушение определенных норм КоАП РФ.

Административное выдворение в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства реализуется исключительно на основании определений (постановлений) судебных органов и их должностных лиц, а также может быть осуществлено ответственным лицом пограничной службы.

После привлечения к данной мере административной ответственности иностранный гражданин и (или) лицо без гражданства в течение определенного срока (5-10 лет) не сможет реализовать право на получение визы, разрешения на временное проживание, а также обратиться с заполненным в установленном порядке заявлением о вступлении в гражданство РФ [10, с. 56-61].

Дела об административных правонарушениях в области миграционного законодательства возбуждаются территориальными органами МВД России с последующей их передачей для рассмотрения в судебные органы. В случае привлечения иностранного гражданина и лица без гражданства к

административной ответственности должностными лицами судебных органов назначается административный штраф с последующим административным выдворением или без него. Однако следует отметить, что в судебных органах в настоящее время отсутствует единый подход по применению административного выдворения мигрантов с территории РФ, совершивших правонарушения [9, с. 195-199].

Определение формы административного выдворения в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства принадлежит судебным органам и их должностным лицам, рассматривающим данное дело, и зависит, в частности, от всех обстоятельств дела и личности правонарушителя, в том числе его материальных и физических возможностей для самостоятельного выезда с территории РФ [12, с. 46-49].

Неисполнение иностранным гражданином и лицом без гражданства административного выдворения в форме контролируемого самостоятельного выезда с территории нашего государства, согласно КоАП РФ, влечет наложение административного штрафа (от 3 до 5 тыс. рублей) с административным выдворением. К примеру, в таких республиках, как Белоруссия и Казахстан, установлена уголовная ответственность иностранного гражданина за невыполнение решения о высылке.

Исключительная особенность административно-правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства на территории РФ, а также массовость их въезда и пребывания в нашем государстве часто порождают проблемы, возникающие при применении мер административного принуждения к ним, и сопровождаются многочисленными коллизиями как материальных, так и процессуальных норм, которые влекут за собой, в том числе, и нарушения прав человека и гражданина. Все это порождает необходимость глубокого изучения возникающих разногласий в правовых актах различных уровней, направленного на обеспечение интересов всех участников в сфере миграционных правоотношений.

Вопрос совершенствования механизмов противодействия нелегальной миграции является одним из приоритетных направлений проводимой РФ миграционной политики, которая направлена на противодействие развитию теневой экономики, снижение количества совершаемых уголовных

преступлений и административных правонарушений как иностранными гражданами и лицами без гражданства, так и в отношении них, а также различных проявлений коррупционной деятельности [13, с. 102-109].

Одним из критериев суверенитета любого государства является право регулирования порядка въезда, выезда и пребывания иностранных граждан на его территории.

В зависимости от многих внутри- и внешнеполитических, экономических и социальных факторов, влияющих на развитие определенного государства, иммиграционная политика может как ужесточаться, так и становиться более лояльной для отдельных категорий иностранцев или лиц без гражданства. В отдельных случаях несколько стран могут прийти к соглашению об унификации своих требований к иностранным гражданам, желающим въехать на их территорию, что сопровождается взаимным частичным или полным признанием решений иммиграционных органов одной из стран. Одним из примеров подобных соглашений является Шенгенское соглашение [3].

Существенную роль в определении административно-правового статуса человека и гражданина, в частности личных прав и свобод, играют положения, регламентированные ст. 22-25 Конституции РФ, к числу которых относятся права на защиту: индивидуальной неприкосновенности и личной свободы; личной и семейной жизни в отношении посягательств на их тайну, честь и достоинство; конфиденциальности частной и деловой переписки, а также любых иных видов коммуникации, в том числе телефонных разговоров; неприкосновенности частной собственности, в том числе жилища [1].

Данный правовой комплекс является гарантом неприкосновенности частной жизни и обеспечивает ее защиту от внешних посягательств и инсинуаций, предотвращая вторжение в область личных свобод.

Любая форма административного выдворения за пределы РФ иностранных граждан и лиц без гражданства является своего рода вторжением в сферу личных и правовых интересов, которое сопровождается чаще всего наложением определенных ограничений на свободное передвижение и выбор места жительства, в связи с чем использование данной меры должно быть максимально объективным и

иметь под собой достаточные правовые основания. Аналогичный подход должен также распространяться при реализации процедуры помещения и содержания иностранных граждан и лиц без гражданства в специализированные учреждения для последующего выдворения их за пределы РФ, поскольку подобные действия также могут рассматриваться как ограничения прав и свобод, установленных законом.

Институт административного выдворения, регулирующий рассматриваемые нами правовые аспекты, предусматривает возможность ограничения свободы передвижения иностранных граждан и лиц без гражданства в целях обеспечения контроля за реализацией назначенного наказания. По мнению Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), данная мера входит в юрисдикцию раздела «F» п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция), и в соответствии с этим порядок ее реализации должен соответствовать не только нормативным правовым актам РФ, но и требованиям, закрепленным в рамках международного законодательства [2].

Определенные проблемы реализации механизма административного наказания в виде административного выдворения иностранных граждан или лиц без гражданства за пределы РФ рассматривались, в том числе, и Конституционным Судом РФ. Так, Конституционным Судом РФ 5 марта 2014 г. вынесено определение № 628, согласно которому установлено, что положения, закрепленные в рамках ст. 8 Конвенции, не являются противоречащими возможности государства осуществлять систематический контроль за порядком пребывания граждан, являющихся подданными зарубежных стран, на собственной территории [8]. ЕСПЧ, в свою очередь, постановил, что, несмотря на тот факт, что положения Конвенции не могут рассматриваться в качестве абсолютной гарантии, исключающей возможность административного выдворения иностранных граждан и лиц без гражданства, принятие подобных решений должно быть продиктовано наличием обоснованных причин, связанных с необходимостью защиты общественных, в частности, и государственных интересов.

Таким образом, применение меры административной ответственности в форме административного выдворения с территории

РФ иностранного гражданина и лица без гражданства не является актом, который вступает в противоречие с нормами международного законодательства, в частности с положениями ст. 8 Конвенции, до тех пор, пока данные действия находят свое отражение в содержании п. 2 указанной нами правовой нормы. Исходя из этого, Конституционный Суд РФ определил, что судебные инстанции не вправе ограничиваться базовыми, формальными поводами при избрании подобной меры административного принуждения. От них требуется объективная, справедливая оценка фактических обстоятельств, характеризующих как самого правонарушителя, так и совершенное им правонарушение, которая позволяет признать применение указанной санкции обоснованным и справедливым. Отметим, что применение подобных мер ответственности, с поправкой на специфику норм, закрепленных в рамках Конвенции, способно спровоцировать избыточное вмешательство органов государственной власти в осуществление человеком и гражданином права на частную жизнь, не соответствующее потребностям защиты государственных интересов.

Считается целесообразным нормативно обеспечить возможность обязательного лечения ВИЧ-инфицированных иностранных граждан и лиц без гражданства, подвергшихся принудительному выдворению и находящихся в центрах временного содержания иностранных граждан (далее – ЦВСИГ).

Кроме того, существует проблема, касающаяся реализации права на образование несовершеннолетних, помещенных в ЦВСИГ для дальнейшего административного выдворения или депортации вместе с родителями. Основная суть права на образование заключается в улучшении доступа к образованию для всех на основе принципа равенства и недопущения дискриминации, свободы выбора формы и содержания обучения. Согласно ст. 43 Конституции РФ каждый имеет право на образование. В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» регулируется получение образования иностранными гражданами и лицами без гражданства только в образовательных организациях.

В целях совершенствования реализации механизма административного наказания в

виде административного выдворения иностранных граждан или лиц без гражданства за пределы целесообразно: закрепить норму, которая бы предусматривала при невозможности исполнения решения (определения, постановления) суда об административном выдворении или депортации обязанность определенного, уполномоченного органа обратиться в суд с ходатайством о прекращении исполнительного производства; разработать методические рекомендации, которые были бы направлены на преодоление определенным образом формализма при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с такой мерой административной ответственности, как выдворение, которые ориентировали бы судебные органы на обязательную объективную оценку четкой исполнимости наказания.

Личные права иностранных граждан и лиц без гражданства при осуществлении административного выдворения, а именно право на свободу и личную неприкосновенность и право на уважение семейной жизни иностранных граждан, подвергшихся административному выдворению, нередко подвергаются ущемлению. Однако при надлежащем и всеобъемлющем изучении правоприменителем всех фактов и обстоятельств, касающихся правонарушителя, данных нарушений можно избежать.

Таким образом, принудительное административное выдворение иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы РФ, по сути, является вторжением в сферу личностных и правовых интересов, сопровождающихся наложением ограничений в отношении права на свободу передвижения, в связи с чем использование данной меры должно быть максимально объективным и иметь под собой достаточные основания.

Анализ реализации механизма административного наказания в виде административного выдворения иностранных граждан или лиц без гражданства за пределы РФ позволяет определить перечень основных проблем, характерных для данной области. К этим проблемам следует отнести: недостаточность бюджетного финансирования, необходимого для организации административного выдворения иностранных граждан и лиц без гражданства; недостаточная коммуникабельность ЦВСИГ, в которых данная категория лиц должна

находится до реализации процедуры административного выдворения; отсутствие четко закрепленных сроков реализации процедуры выдворения мигрантов-правонарушителей; сложности, вызванные излишним бюрократизмом процессуальных процедур.

Отметим, что видится целесообразным дополнение КоАП РФ положениями ст. 27.20, разъясняющими комплекс вопросов, связанных с содержанием иностранных граждан и лиц без гражданства, в отношении которых принято судебное решение об административном выдворении их с территории РФ, в ЦВСИГ.

Видится целесообразным закрепить в ст. 4.10 КоАП РФ возможность применения к иностранным гражданам и лицам без гражданства иных административных санкций в качестве альтернативы принудительному административному выдворению за пределы РФ. В ситуациях, когда в рамках рассматриваемого правонарушения обнаружены специфические обстоятельства,

исключающие возможность реализации вынесенного судом постановления в отношении иностранного гражданина и лица без гражданства (к примеру, в силу фактического отсутствия страны, готовой взять на себя обязательства по его приему), избранная мера должна быть заменена на альтернативную санкцию, предусмотренную нормами КоАП РФ.

Важно отметить, что на современном этапе развития нашего государства весьма актуально усовершенствование нормативно-правовой базы, регламентирующей миграционную политику на территории РФ, вследствие чего следует привести административно-правовые нормы, регламентирующие данную область, к единообразию, что позволит избежать противоречивых толкований одних и тех же понятий, искажения толкования закона, а также предотвратит неверное применение правовых норм.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собр. зак-ва РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // Собр. зак-ва РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.

3. Шенгенское соглашение 1985 г. «О постепенной отмене проверок на общих границах» [Электронный ресурс] // URL: <https://eulaw.edu.ru/spisok-dokumentov-po-pravu-evropejskogo-soyuza/shengenskoe-soglashenie-1985-g/> (дата обращения: 06.02.2024).

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собр. зак-ва РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

5. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ // Собр. зак-ва РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

6. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ // Собр. зак-ва РФ. 1996. № 34. Ст. 4029.

7. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собр. зак-ва РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Китайской Народной Республики Чжэн Ха на нарушение его конституционных прав частью 1.1. статьи 18.8. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 05.03.2014 № 628 // СПС «Консультант-Плюс».

9. Капранова Ю.В., Осяк А.Н. Конституционное измерение института административного выдворения // Регулирование миграционных процессов на юге России: политические, юридические и правоохранные аспекты: сб. матер. всерос. науч.-теор. конф. – Ростов н/Д, 2016.

10. Правовой анализ мер принуждения, связанных с перемещением иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации / О.В. Карпов, С.В. Ледащев, О.Р. Рузевич, О.Н. Дядькин // Современное право. 2021. № 5.

11. Костенников М.В., Куракин А.В., Саидов З.А. Государственное регулирование миграции: принципы и вопросы эффективности // Вестник ВИПК МВД России. 2020. № 2 (54).

12. Костыря А.С. Административное выдворение, депортация и реадмиссия: сравнительно-правовой анализ // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2017. № 2 (30).

13. Мишняева Е.А. Административно-правовое регулирование внутренней миграции и обеспечение экономической безопасности // Вестник ВИПК МВД России. 2019. № 1 (49).

Информация об авторах:

Ю.Н. Сосновская,
доцент кафедры административного права,
кандидат юридических наук, доцент

Е.Н. Бондарь,
заместитель начальника
кафедры административного права,
кандидат юридических наук, доцент

About the authors:

Yu.N. Sosnovskaya,
associate professor of the department of administrative law, candidate of law, associate professor

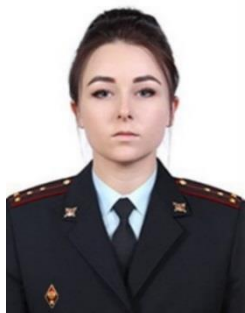
E.N. Bondar,
deputy head of the department
of administrative law,
candidate of law, associate professor

Статья поступила в редакцию 01.03.2024

Научная статья

doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-29-33

ДОЛЖНИКОВА ЕКАТЕРИНА ВИКТОРОВНА¹

katyadoll1994@mail.ru

Научный руководитель:

ТРУФАНОВ МИХАИЛ ЕГОРОВИЧ²

^{1,2} Краснодарский университет МВД России (Краснодар, Россия)

ОБОСНОВАНИЕ ПРИЗНАКОВ ПРАВОНАРУШЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 6.1.1 КОАП РФ, В СПЕКТРЕ ЭЛЕМЕНТОВ МЕЖЛИЧНОСТНОГО СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

Аннотация. В статье проанализировано содержание побоев как социального конфликта, при обострении которого противоречия обретают форму активных действий в виде побоев и иных насильственных действий, причиняющих физическую боль в целях ущемления интересов противоборствующей стороны. На этом основании выделены признаки, присущие административным побоям, обосновывающие вывод, заключающийся в авторском определении побоев, предусматривающих административную ответственность. Определен перечень характеристик, дополняющих указанные признаки. Автором акцентируется внимание на отраслевом приоритете норм права, предусматривающих административную и уголовную ответственность за причинение побоев. Актуальность темы обозначена статистическими данными исследования, согласно которым состав административного правонарушения, предусматривающий ответственность за нанесение побоев, является одним из часто совершаемых административных правонарушений.

Ключевые слова и словосочетания: побои, административная ответственность за побои, уголовная ответственность за побои, личное достоинство, физическая неприкосновенность, правовой конфликт, социальный конфликт.

Для цитирования: Должникова Е.В. Обоснование признаков правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП РФ, в спектре элементов межличностного социального конфликта // Вестник ВИПК МВД России. - 2024. - № 1 (69). - С. 29-33; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-29-33

DOLZHIKOVA EKATERINA V.¹

Scientific adviser: **TRUFANOV MIHAIL E.²**

^{1,2} Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnodar, Russia)

JUSTIFICATION OF THE SIGNS OF OFFENSE PROVIDED FOR BY ART. 6.1.1 CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION ON ADMINISTRATIVE OFFENSES, IN THE SPECTRUM OF ELEMENTS OF INTERPERSONAL SOCIAL ONFLICT

Annotation. The article analyzes the content of beatings as a social and legal conflict, on the basis of which the signs inherent in administrative beatings are highlighted, justifying the conclusion

that the author's definition of beatings involves administrative liability. In addition, a list of characteristics that complement these characteristics has been defined. The author focuses on the industry priority of legal norms providing for administrative and criminal liability for assault. Statistical data indicates the relevance of the research topic, according to which the composition of an administrative offense providing for liability for battery is one of the most frequently committed administrative offenses.

Key words and word combinations: beatings, administrative liability for beatings, criminal liability for beatings, personal dignity, physical integrity, legal conflict, social conflict.

For citation: Dolzhnikova E.V. Justification of the signs of offense provided for by art. 6.1.1 Code of the Russian Federation on administrative offenses, in the spectrum of elements of interpersonal social conflict // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. – 2024. – No. 1 (69). – P. 29-33; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-29-33

На основании внесённых изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) [1] и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [2], связанных с охраной личной неприкосновенности граждан, в настоящее время ответственность за побои предусмотрена рядом общих правовых положений, содержащихся в ст. 6.1.1 КоАП РФ, ст. 116, 116.1 УК РФ. В период с июля 2016 года по декабрь 2023 года прошло достаточное количество времени, позволяющее исследовать принятые изменения, касающиеся ответственности за причинение побоев. Безусловно, побои до сих пор являются одним из часто совершаемых административных правонарушений, на что указывает официальная статистическая информация Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Так, только за 2022 год судами было рассмотрено 170 111 дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ, а за первое полугодие 2023 года – 76 084 административных дел [3].

В практической деятельности органов внутренних дел весомое значение, как верно отмечает И.А. Адмиралова, имеет процесс уяснения порядка применения правовых норм [4, с. 7-12]. Приоритет реализации норм, предусматривающих ответственность за причинение побоев, определён по остаточному принципу, то есть прежде всего проверяется очевидность признаков, характерных для состава деяния, предусмотренного ст. 116 УК РФ. Если признаки данного состава не обнаружены, необходима обязательная проверка на наличие признаков состава, установленного ст. 116.1 УК РФ. И только в том случае, если нет ни указанных в ст. 116 мотивов, ни

закреплённых в ст. 116.1 признаков специального субъекта, деяние возможно рассматривать применительно к составу, предусмотренному ст. 6.1.1 КоАП РФ. Такая последовательность в правотворчестве указывает на то, что Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации найдено компромиссное решение по законопроекту, внесённому Верховным Судом Российской Федерации, основной смысл которого позволил частично декриминализировать побои, предусмотренные уголовным законодательством, и при этом сохранить действие уголовного законодательства за нанесение побоев, опосредованныхотягчающими обстоятельствами. В итоге, как отмечает А.С. Рубцова, «произошло расщепление ранее существующего состава побоев на два – ст. 116 УК РФ «Побои» и ст. 116.1 УК РФ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию»» [5, с. 322]. Спектр такой динамики в границах уголовно-правового и административно-правового регулирования общественных отношений некоторыми специалистами увязывается исключительно с интересами политической целесообразности.

Характеризуя современную тенденцию перевода некоторых составов преступлений в категорию административного правонарушения, можно согласиться с мнением М.И. Калеандрова, согласно которому федеральный законодатель имеет полное право осуществлять данный процесс, являющийся в ряде случаев целесообразным, отвечающим общественным интересам [6, с. 9]. Социальная природа правонарушений в реальной действительности находит проявление в исторической изменчивости своего содержания. Категории противоправного поведения, возникшие в конкретной динамике российской государственной

общности, изменяются в сочетании с переменами, свойственными тому или иному этапу развития общества.

Процесс построения правового государства сопровождается разработкой новых и модернизацией ранее введенных в действие законов и иных нормативных правовых актов, избыливающих новыми юридическими терминами, вариативные комментарии к которым порой только усложняют процедуру их использования. По нашему мнению, одной из важнейших конституционно-правовых предпосылок для властного противодействия побоям посредством введения административной ответственности выступает содержание ст. 21 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой Российская Федерация является правовым государством, и на его территории личное достоинство охраняется органами государственной власти. Нанесение побоев либо выполнение иных насильственных действий, причиняющих только физическую боль, не влекущую последствия, предусмотренные ст. 115 УК РФ, остались вне содержания конституционных позиций, формируемых ст. 21 Основного закона. То есть действия, нарушающие естественное течение жизненного цикла, нормальные его условия, оказывающие негативное влияние на такие социальные сферы, как семья, быт, досуг, обучение, оказались в условиях правового пробела, сохранявшегося вопреки конституционной дефиниции о том, что «никто не должен подвергаться насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению» [7]. Именно в п. 2 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2021 г. № 11-П отмечено, что «посягательство на личность, её права и свободы, а тем более физическую неприкосновенность является одновременно и посягательством на человеческое достоинство» [8]. Соответственно, сложившаяся ситуация требует ответа на вопрос, что более значимо для российского общества – сохранение отраслевой чистоты уголовной ответственности или достижение необходимого уровня эффективности правоприменительной деятельности, основанного на справедливом распределении репрессивного и репарационного ресурсов.

В то же время следует понимать, что фундаментальные проблемно-ориентированные переходы, свойственные современному отечественному развитию, реализуются по сложнейшему сценарию, в условиях непоследовательности и противоречивости, которые сопровождаются проблемами и препятствиями как в материальной, так и в социальной и духовной сферах жизни. Последний период времени характеризуется для нашей страны в целом серьёзными изменениями в системе производственных отношений. Так как правовые позиции, напрямую вытекающие из содержания Конституции Российской Федерации, утвердили множественность форм собственности, среди которых новацией для российского общества стала частная собственность, интересы, основанные на ней, довольно часто сопровождаются межличностными конфликтами. Усиление социальной напряжённости, сопровождаемой ростом количества побоев, не содержащих признаков преступления, очевиден. Анализируя признаки, свойственные побоям как социальному конфликту, выражающемуся в столкновении физических лиц и их мнений на основе несовпадения их потребностей и интересов, можно отметить, что, на первый взгляд, противоречия, предшествующие социальному конфликту в виде побоев, являются общими как для противоправных действий, предусматривающих ответственность в Уголовном кодексе (ст. 116), так и противоправного поступка, за совершение которого наступает административная ответственность (ст. 6.1.1 КоАП РФ). При этом обострение противоречий участников конфликта и динамика их взаимодействия достаточно ярко отражают тот или иной признак правонарушения.

Ещё раз обратимся к вышеуказанной принципиальной последовательности практических действий, направленных на обнаружение состава преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, перетекающих в проверку наличия признаков состава, предусмотренного ст. 116.1 УК РФ, и далее – в квалификацию действий в соответствии со ст. 6.1.1 КоАП РФ. Опираясь на мнение доктора юридических наук В.Н. Курченко о том, что «правонарушение – социальный и «правовой конструкт» [9, с. 19], полагаем возможным подчеркнуть позицию, согласно которой в ст. 2.1 КоАП РФ административное правонарушение основывается на

признаках противоправности, виновности и наказуемости. Иначе говоря, официально, по определению административного правонарушения, оно не является общественно опасным. В то же время, по мнению С.М. Зырянова, «анализируя положения КоАП РФ, а равно КоАП РСФСР или проекты нового кодекса, мы попадаем в своего рода когнитивный диссонанс: с одной стороны, формально деяние не опасно, но, с другой стороны, оно уже очевидно опасное по существу» [10, с. 43-46]. Также указывает на этот признак профессор М.В. Костенников, подчеркивая, что установленная юридическая ответственность за совершение административных правонарушений доказывает, что они представляют опасность для личности, общества и государства и несут вредные последствия [11, с. 72-80]. Таким образом, принимая их формальную определенность, согласимся с утверждением о действительности первоначальных противоречий, которые для физических лиц не образуют общественной опасности в силу того, что совокупность противоречий реально ещё не формирует понятия конфликтных отношений. На этот счёт Д.В. Кривоносовой высказано мнение о том, что «соотношение категорий «конфликт» и «противоречие» даёт основания полагать, что конфликт не синоним противоречия, а относительно самостоятельный процесс. Конфликт возникает, развивается на базе противоречия (совокупности противоречий). Но противоречие трансформируется в конфликт только в случае взаимодействия сторон – носителей противоположных интересов, т.е. при совершении каких-либо действий, направленных на удовлетворение интересов одной стороны за счёт ущемления интересов другой» [12, с. 74]. Другими словами, побои – это взаимодействие участников конфликта, вытекающее из смысла и структуры противоречий, которые накладывают отпечаток на специфику их динамики.

Таким образом, конфликтное взаимодействие, формирующееся из столкновения интересов, опосредованных хулиганскими побуждениями, либо мотивами политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды, а также мотивами ненависти и вражды в отношении какой-либо социальной группы, бесспорно отличается каче-

ством общественно опасного деяния, характерного для преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ. В таком сочетании, согласно тексту постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2021 г., «побои могут признаваться признаком и иных преступлений, которые запрещены самостоятельными нормами УК РФ (ст. 131, 156, 161, 213 и др.). Тем самым федеральный законодатель подчеркивает степень общественной опасности побоев в контексте иных составов преступлений» [13].

Сходство регламентирующего потенциала в административном и уголовном праве, влияющее на функциональную глубину, находит свое отражение в наличии существенного массива противоправных действий, близких по составу, но предусмотренных УК РФ или КоАП РФ.

С учетом сказанного, в качестве оптимального набора характеристик административных побоев можно указать следующие:

- 1) для конфликта в виде побоев необходимо, как минимум, две стороны;
- 2) административное правонарушение возникает только в том случае, когда хотя бы одна из сторон конфликта стремится к унижению достоинства соперника, воспрепятствованию или контролю его действий;
- 3) побои – результат взаимодействия противоборствующих физических лиц;
- 4) побои можно констатировать в том случае, когда острое напряжение в противоречиях перерастает в открытый осознанный всеми участниками конфликт.

Анализ представленных характеристик позволяет под побоями, предусматривающими административную ответственность, понимать социальное взаимодействие двух и более физических лиц, основанное на противоречии интересов, выразившееся в совершении удара либо иных насильственных действий, причиняющих физическую боль, но не повлекших последствий, предусмотренных ст. 115 УК РФ, и не содержащее признаков преступления, специфическими целями которого выступает удовлетворение потребностей одного участника за счет ущемления (ограничения) интересов другого.

Отметим, что всякое определение обладает условной степенью относительности. В данном случае считаем необходимым также отметить:

1) характеристика побоев в качестве социальной аномалии обуславливает наступление деструктивных последствий, которые позволяют утверждать, что данный вид конфликта разрушает сложившийся правовой порядок и, соответственно, обладает конкретным уровнем общественной опасности;

2) чтобы событие данного правонарушения стало реальным, участники побоев

должны осознавать ситуацию как конфликтную;

3) при анализе инцидента необходимо, в первую очередь, установить отраслевой приоритет норм права, на основании которых могут возникнуть соответствующие юридические последствия за нанесение побоев.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»: федеральный закон от 03.07.2016 № 326-ФЗ // Собр. зак-ва РФ. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4294.

3. [Электронный ресурс] // URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7041>.

4. Адмиралова И.А. Особенности правоприменительного процесса в сфере административной деятельности полиции по обеспечению прав и свобод граждан // Актуальные проблемы административной деятельности органов внутренних дел (посвящается 25-летию юбилею кафедры административной деятельности органов внутренних дел): материалы межвуз. науч.-практ. конф., 29 сентября 2017 г. – СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018.

5. Рубцова А.С. Проблемы охраны здоровья и телесной неприкосновенности личности в свете частичной декриминализации побоев // Адвокат. 2017. № 3.

6. Калеандров М.И. О линейке понятий «административное правонарушение», «уголовный проступок» и «преступление» // Мировой судья. 2017. № 7.

7. Ст. 21 Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.10.2022).

8. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400464561/#review> (дата обращения: 11.07.2023).

9. Курченко В.Н. Парадигма административной преюдиции в уголовном праве // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 2.

10. Зырянов С.М. Еще раз об общественной опасности административного правонарушения // Административное право и процесс. 2017. № 6.

11. Костенников М.В. К вопросу об определении оснований административной ответственности – в продолжение дискуссии // Теория и практика административного права и процесса: материалы IX всероссийской науч.-практ. конф., посвященной памяти профессора В.Д. Сорокина (Небугские чтения), пос. Небуг Туапсинского района Краснодарского края, 2-4 октября 2014 г.

12. Кривоносова Д.В. Теоретико-правовые основания подхода к пониманию // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 12.

13. По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.04.2021 № 11-П // Собр. зак-ва РФ. 2021. № 16. Ст. 2874.

Информация об авторе:

Е.В. Должникова, адъюнкт кафедры административной деятельности органов внутренних дел

М.Е. Труфанов, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел, доктор юридических наук, профессор

About the author:

E.V. Dolzhnikova, adjunct of the department of administrative affairs of the department of internal affairs

M.E. Trufanov, professor of the department of administrative activities of the department of internal affairs, doctor of law, professor

Статья поступила в редакцию 06.03.2024

Научная статья

doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-34-41

КОБОЗЕВ АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России (Московская область, Россия)

aleksey-kobozev@mail.ru

КОРОБОВ ВИКТОР БОРИСОВИЧ

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России (Москва, Россия)

kvbdoc@yandex.ru

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются основания применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции, установленные федеральным законодательством, и проблемы правоприменения ими данного полномочия при исполнении служебных обязанностей.

Для этого проанализированы соответствующие положения Федерального закона «О полиции» и гл. 8 Общей части УК РФ «Обстоятельства, исключающие преступность деяния». Особое внимание уделено соотношению норм административного законодательства и норм уголовного права, их роли в обеспечении законности при пресечении преступлений и значении в определении правомерности применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия.

По результатам анализа авторами обосновывается вывод о том, что одной из действенных мер повышения эффективности противодействия преступности является устранение существующих коллизий и нормативных неопределенностей законодательства в сфере применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия.

Ключевые слова и словосочетания: преступность; сотрудник полиции; Уголовный кодекс РФ; Федеральный закон «О полиции»; Конституция Российской Федерации; основания применения огнестрельного оружия; противодействие; причинение вреда; огневая подготовка; обстоятельства, исключающие преступность деяния.

Для цитирования: Кобозев А.А., Коробов В.Б. Законодательное регулирование применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия: проблемы и пути решения // Вестник ВИПК МВД России. – 2024. – № 1 (69). – С. 34-41; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-34-41

KOBOZEV ALEKSEY A.

Advanced Training Institute of the MIA of Russia (Moscow region, Russia)

KOROBOV VIKTOR B.

National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation (Moscow, Russia)

LEGISLATIVE REGULATION OF THE USE OF FIREARMS
BY POLICE OFFICERS: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Annotation. The article examines the grounds for the use of firearms by police officers, established by federal law, and the problems of their enforcement of this authority in the performance of official duties.

For this purpose, the relevant provisions of the Federal Law «On Police» and Chapter 8 of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation «Circumstances excluding criminality of an act» are analyzed. Special attention is paid to the correlation between the norms of administrative legislation and the norms of criminal law, their role in ensuring the rule of law in the suppression of crimes and their importance in determining the legality of the use of firearms by police officers.

Based on the results of the analysis, the authors substantiate the conclusion that today one of the effective measures to increase the effectiveness of crime prevention is the elimination of existing conflicts and regulatory uncertainties of legislation in the field of use of firearms by police officers.

Key words and word combinations: crime; police officer; The Criminal Code of the Russian Federation; Federal Law «On Police»; The Constitution of the Russian Federation; grounds the use of firearms; counteraction; causing harm; fire training; circumstances precluding the criminality of the act.

For citation: Kobozev A.A., Korobov V.B. Legislative regulation of the use of firearms by police officers: problems and solutions // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. – 2024. – № 1 (69). – С. 34-41; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-34-41

Высокий уровень преступности, сохраняющийся на протяжении последних нескольких лет, обуславливает рост случаев применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия. Прежде всего это связано с тем, что современная криминальная обстановка помимо негативных количественных изменений характеризуется возрастанием степени общественной опасности преступных посягательств, усилением их агрессивности и жестокости, наращиванием противодействия силам обеспечения правопорядка [1, с. 130-132].

В 2022 году впервые за последние годы зафиксирован прирост количества убийств и покушений на убийства (+4,0% к АППГ; всего – 7 628 фактов), организованными группами или преступными сообществами совершено 26 796 тяжких и особо тяжких преступлений (+21,4% к АППГ) [2, с. 10, 25]. Одновременно в 2022 году существенно увеличилось число террористических актов (до 127; +209,8% к АППГ) [3 с. 44], количество разбойных нападений – на 36,0% (34 преступления) и фактов незаконного приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки или ношения оружия, его основных частей и боеприпасов – на 13,5% (109 преступлений) [2, с. 4].

Указанные тенденции продолжились и в 2023 году. В прошлом году организованными группами или преступными сообществами совершено 30,8 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (+11,4% к 2022 г.)

[3, с. 5], зарегистрировано 2 382 преступления террористического характера (+6,7% к 2022 г.) [4, с. 4].

По справедливому мнению криминологов, в 2022 году рост числа преступлений террористического характера и экстремистской направленности явился следствием новых угроз и вызовов со стороны Украины в связи с проведением специальной военной операции на территориях вошедших в состав Российской Федерации Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей [3, с. 43].

Следствием негативных изменений криминальной ситуации, безусловно, является рост числа правонарушений, пресечение которых предполагает применение сотрудниками полиции огнестрельного оружия. Это наглядно подтверждается данными о применении в 2022 году сотрудниками органов внутренних дел (далее – ОВД) Российской Федерации оружия. В указанном периоде сотрудниками ОВД при исполнении служебных обязанностей огнестрельное оружие применялось 1 198 раз, или на 8,6% чаще, чем в 2021 году (1 103 раза) [5, с. 61].

Это означает, что сложившиеся сегодня обстоятельства требуют принятия дополнительных мер по предупреждению и нейтрализации угроз в сфере внутренней безопасности, включая применение огнестрельного оружия при пресечении и раскрытии преступлений на основе принципа

соразмерности их общественной опасности и силы сопротивления задерживаемых лиц.

Данная проблема не нова и существует еще со времен формирования советской рабочей милиции в составе НКВД. «Вопрос о применении оружия, – отмечал почти столет назад А. Мемнонов, – это один из самых больших, важных и спорных вопросов не только нашей повседневной практики, но и теории» [6, с. 27]. Исследуя причины гибели сотрудников полиции России и США в конце XX – начале XXI в., А.К. Киселев приходит к выводу, что ситуация в этом плане особенно не изменилась ни с 1991 (после распада СССР) (здесь и далее курсив наш – А.К., В.К.), ни с 2012 года [7, с. 270], когда завершился первый этап реформирования МВД России, в ходе которого «милиция» была переименована в «полицию».

Учитывая изложенное, законодательное регулирование применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия как специальной меры противодействия преступности, с одной стороны, заслуживает теоретико-конструктивного переосмысления с позиции новой криминогенной обстановки, с другой стороны, ставит данную проблему в разряд актуальных направлений совершенствования деятельности государства по противодействию преступности.

В этой связи хотелось бы привести некоторую аргументацию о роли законодательного регулирования применения сотрудниками национальной полиции огнестрельного оружия через призму законотворческой деятельности государства в сфере противодействия общеуголовной преступности.

В настоящее время возможность применения оружия уполномоченными на это лицами в ходе реализации ими правоохранительных функций предусматривается широким перечнем федеральных законов. В первую очередь, это обусловлено тем, что «в современных условиях противостоять угрозам в любой сфере жизни общества существенно безвредными способами невозможно», но «наиболее рельефно обозначенная проблема, – резонно отмечает В.И. Михайлов, – проявляется при причинении вреда общественным отношениям,

находящимся под защитой уголовного закона, в результате применения правоохранительными органами и специальными службами оружия, ... и т.п.» [8, с. 90].

Здесь необходимо ясно представлять, что правомочие на применение огнестрельного оружия, с одной стороны, как никакое другое, серьезно вторгается в сферу прав и свобод граждан и связано с высоким риском наступления тяжких и необратимых последствий вплоть до лишения человека жизни, с другой – является радикальным средством защиты прав и интересов правопослушных граждан и сотрудников правоохранительных структур от общественно опасных посягательств со стороны лиц, дерзко нарушающих уголовное законодательство. При этом закономерным последствием применения огнестрельного оружия является причинение уголовно-релевантного вреда. В данном случае налицо парадоксальная ситуация, когда один из субъектов соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина (сотрудник полиции) сам же их грубо нарушает.

Вопросы, связанные с признанием деяния, причиняющего вред объекту уголовно-правовой охраны (в частности, жизни и здоровью), преступным или непроступным, традиционно относят к сфере уголовно-правового регулирования. Дело в том, что глава 8 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) содержит перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния, который, как следует из текста закона, носит закрытый характер [9]. Однако ни правомерное применение оружия, ни исполнение закона в качестве обстоятельств, исключающих преступность деяния, УК РФ не рассматривает.

Как верно заметил по этому поводу А.П. Дмитренко, «законодатель, существенно расширив перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния, отнес к ним деяния, обладающие совершенно иной социально-правовой природой, что создало дополнительные трудности для правоприменителей. Вместе с тем такое обстоятельство, исключающее преступность деяния, как осуществление

¹ Ст. 37 «Необходимая оборона», 38 «Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление», 39 «Крайняя необходимость», 40 «Физиче-

ское или психическое принуждение», 41 «Обоснованный риск», 42 «Исполнение приказа или распоряжения».

принадлежащего лицу права (в рассматриваемом контексте права сотрудника полиции на применение огнестрельного оружия), не нашло своего законодательного закрепления в главе 8 УК РФ» [10, с. 3].

Анализ действующего законодательства свидетельствует, что применение огнестрельного оружия сотрудником полиции для пресечения преступлений регламентировано не только Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Закон о полиции) [11], но и рядом федеральных конституционных законов и других федеральных законов. Причем такой подход к правовому регулированию данной меры государственного принуждения нормативно закреплен ч. 1 ст. 18 Закона о полиции.

Так, например, ст. 30 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» [12] определено, что установленные федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации порядок и условия применения оружия изменению в условиях чрезвычайного положения не подлежат. Отдельные аспекты применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции определены нормами федеральных законов от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [13]¹ и от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [14]².

Для целей настоящей работы отдельного внимания заслуживает ч. 1 ст. 23 Закона о полиции, которая наделяет сотрудника полиции правом лично или в составе подразделения (группы) применять огнестрельное оружие в качестве меры пресечения тяжких и особо тяжких противоправных деяний, в том числе для пресечения попытки завладения огнестрельным оружием, транспортным средством полиции, специальной и боевой техникой, состоящими на вооружении (обеспечении) полиции; для отражения группового или вооруженного нападения на здания, помещения, сооружения и иные объекты государственных и муниципальных органов, общественных объединений, организаций и граждан;

для задержания лица, оказывающего вооруженное сопротивление, а также лица, отказывающегося выполнить законное требование о сдаче находящихся при нем оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, ядовитых или радиоактивных веществ и т.д.

Кроме того, четким ориентиром для оценки правомерности применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия является законодательное определение понятий вооруженного сопротивления и вооруженного нападения, под которыми согласно ч. 2 ст. 23 Закона о полиции считаются сопротивление и нападение, совершаемые с использованием оружия любого вида, либо предметов, конструктивно схожих с настоящим оружием или внешне неотличимых от него, либо предметов, веществ и механизмов, при помощи которых могут быть причинены тяжкий вред здоровью или смерть.

В то же самое время применение сотрудником полиции огнестрельного оружия в соответствии с Законом о полиции тесно связано с положениями УК РФ о необходимой обороне, крайней необходимости, причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление. Поэтому на практике нередко возникают вопросы о соотношении указанных законодательных актов в вопросах правового регулирования оснований и порядка применения полицией рассматриваемой меры государственного принуждения [15, с. 41-46; 16, с. 38-40].

С позиции теории права УК РФ и Закон о полиции являются равнозначными по своей юридической силе нормативными правовыми актами. Нормы последнего, регламентирующие, в частности, основания применения полицией мер государственного принуждения, имеют самостоятельное значение.

Однако, по мнению ряда исследователей, положения гл. 8 УК РФ являются *общими*, тогда как нормы иных отраслей права, регулирующие правоотношения, возникающие в связи с причинением вреда объекту уголовно-правовой охраны, – *специальными*. Отстаивающий эту точку зрения А.П. Дмитренко считает, что «эти нормы детализируют общие, корректируют

¹ Ч. 3 ст. 43 «Применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в местах содержания под стражей».

² Ст. 22 «Правомерное причинение вреда».

временные и пространственные условия их реализации, способы правового воздействия на поведение личности» применительно к конкретным ситуациям. Являясь средством конкретизации общих норм, – небезосновательно подчеркивает автор, они не могут противоречить положениям уголовного закона» [17, с. 124].

Аналогичного мнения придерживается и А.В. Никуленко, отмечая, что «положения уголовного законодательства о правомерном причинении вреда при всех обстоятельствах, исключающих преступность деяния, должны в полной мере распространяться на специально уполномоченных должностных лиц (в том числе сотрудников полиции и других правоохранительных органов) без каких-либо изъятий и дополнительной уголовно-правовой или иной регламентации» [18, с. 184]. Свою точку зрения исследователь обосновывает требованиями ст. 2 Федерального закона от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» [19], что в случае конкуренции с «отраслевыми» нормативными актами уголовно-правовые нормы имеют над ними приоритет.

Как видим, специфической особенностью института «Применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия» является его тесное соприкосновение с отношениями, поставленными под охрану уголовного закона.

Изучение и анализ содержания норм, предусматривающих обстоятельства, исключающие преступность деяния, и практики их применения показало, что конструкция большинства из них является недостаточно эффективной. Это становится одной из причин совершения квалификационных ошибок, в результате которых лица, действовавшие, по их мнению, правомерно, привлекаются к уголовной ответственности. Так, например, по результатам оперативно-служебной деятельности МВД России в 2021 году, 140 случаев применения

огнестрельного оружия признаны неправомерными, что составляет 78,6% от общего количества случаев неправомерного применения сотрудниками ОВД физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия [20, с. 7].

Подобная практика, разумеется, относится к грубым нарушениям законности. А все эти чрезвычайные происшествия являются следствием, во-первых, недостаточной огневой подготовки сотрудников полиции, поскольку в ходе освоения ими теоретического раздела огневой подготовки в рамках профессиональной служебной и физической подготовки, осуществляемой по месту службы, изучаются вопросы практики применения оружия (боеприпасов) и гарантии личной безопасности вооруженного сотрудника¹, и, во-вторых, несовершенства отдельных законодательных предписаний по применению огнестрельного оружия субъектами правоохранительной деятельности.

Не стоит забывать и о том, что рассматриваемые пробелы и противоречия в федеральном законодательстве негативно сказываются на правовой защищенности сотрудников полиции, которая априори приводит к их уклонению от активного пресечения тяжких и особо тяжких преступных посягательств ввиду опасений быть обвиненными в причинении чрезмерного вреда [21, с. 153-158; 22, с. 106-108].

Наделяя сотрудников полиции правом на применение оружия, законодатель одновременно устанавливает основания, порядок, пределы (запреты и ограничения) его применения². При рассмотрении положений указанных правовых норм Закона о полиции обнаруживается следующее.

Во-первых, основания и порядок применения полицейскими огнестрельного оружия законодателем четко и последовательно урегулированы через призму особенностей выполняемых ими правоохранительных задач.

Во-вторых, одним из центральных вопросов законодательной регламентации

¹ Пп. 120.1, 170.4 Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, утв. приказом МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 (зарегистрирован в Минюсте России 12.03.2024, рег. № 77488) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru>, 13.03.2024 № 0001202403130011.

² Ст. 18 «Право на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия», 19 «Порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия», 23 «Применение огнестрельного оружия» Закона о полиции.

применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия является вопрос о социальных и правовых основаниях допустимости причинения вреда правоохраняемым интересам при его использовании. В качестве примеров таких правовых норм можно назвать ч. 3 ст. 19 и ч. 6 ст. 23 Закона о полиции.

Первая из указанных норм обязывает сотрудника полиции при применении огнестрельного оружия действовать с учетом создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяется огнестрельное оружие, характера и силы оказываемого ими сопротивления. При этом сотруднику полиции предписано стремиться к минимизации любого ущерба. Вторая норма запрещает сотруднику полиции применять огнестрельное оружие при значительном скоплении граждан, если в результате его применения могут пострадать случайные лица. Фактически данные нормы устанавливают правовые пределы активности сотрудника полиции в ходе принудительного воздействия в виде применения огнестрельного оружия.

По справедливому суждению специалистов в сфере административного права, с точки зрения строгого соблюдения установленных нормами Закона о полиции правил, «сотрудники полиции не вправе применять огнестрельное оружие для задержания лица, пытающегося скрыться от сотрудника полиции, застигнувшего его при совершении, например, кражи продуктов из магазина самообслуживания, карманной кражи и других преступлений, очевидно не относящихся к категориям тяжких или особо тяжких» [23, с. 411].

Поэтому прав А.И. Каплунов, и в этом его следует полностью поддержать, что «интенсивность («вредоносность») ответных действий сотрудника, а в конечном счете их законность, будут зависеть от правильной оценки (учета) им «обстановки», «характера и степени опасности действий», которые пресекаются, «оказываемого сопротивления» и стремления к «минимизации любого ущерба» [24, с. 80].

И еще один момент. «Порядок, основания, запреты и ограничения применения огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных органов, – обращают внимание И.С. Назарова и В.М. Шеншин, – направлены на предотвращение случаев

произвола со стороны сотрудников и способствуют обеспечению незыблемости конституционных ценностей, прежде всего приоритета прав и свобод человека и гражданина» [25, с. 120]. Вот что пишет об этом упоминавшийся выше А.И. Каплунов: «Применение оружия – это не любой выстрел, произведенный из табельного огнестрельного оружия на службе, этот выстрел является вынужденной ответной реакцией на противоправные действия в предусмотренных законом случаях» [26, с. 92].

Таким образом, в целях неукоснительного выполнения установок ст. 2, ч. 1 ст. 45 Конституции Российской Федерации о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства [27], правомерность применения сотрудниками оружия при выполнении служебных обязанностей занимает важное место в практике оперативно-служебной деятельности полиции.

В то же время анализ законодательства и научной литературы по данному вопросу позволяет прийти к выводу, что предписания Закона о полиции о применении огнестрельного оружия порой входят в противоречие с положениями уголовного закона об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, а установленные ими основания и порядок применения оружия существенно влияют на пределы правомерности причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны.

Так, по результатам анализа правовых актов, регламентирующих основания и порядок применения оружия, С.В. Винник обратил внимание на то, что посредством значительного изменения пределов допустимого вреда предписания иного отраслевого законодательства, в ряде случаев, «входят в очевидное противоречие с уголовным законом» [28, с. 76]. По мнению Н.Н. Цуканова, «наличие подобных противоречий обусловлено общим характером норм УК РФ об обстоятельствах, исключающих преступность деяния: будучи ориентированными на неопределенно широкий круг лиц, они не учитывают и не могут учитывать специфику ситуаций, в которых сотрудник полиции имеет полномочия на применение оружия» [29, с. 70].

И последнее замечание. Не вдаваясь в более подробный анализ противоречий положений УК РФ и Закона о полиции, заметим, что в целях их устранения в ряде трудов представителей отечественной уголовно-правовой науки имеются разумные предложения о внесении соответствующих дополнений в Общую часть УК РФ. Подтверждением этого аргумента является позиция Т.Ю. Орешкиной, которая, отмечая отсутствие системности в построении института разрешенного причинения вреда, считает целесообразным дополнить гл. 8 УК РФ ст. 39.2 «Причинение вынужденного вреда при выполнении задания по предупреждению или раскрытию преступления». «Его определение – подчеркивает автор, должно быть сформулировано с акцентом на вынужденность такого вреда (если без его причинения нельзя спасти более ценное благо), с указанием на общественно полезную цель раскрытия преступлений или их предупреждения» [30, с. 106-107].

Подводя итог сказанному, следует заключить следующее.

1. В настоящее время сотрудникам российской полиции приходится сталкиваться с новыми криминальными вызовами, детерминированными ростом организованной преступности, наращиванием вооруженности преступных сообществ, активизацией противодействия преступного элемента при пресечении совершаемых ими

противоправных деяний или их задержании.

2. Сложившиеся условия осуществления силами правопорядка оперативно-служебной деятельности требуют принятия дополнительных мер по предупреждению и нейтрализации угроз в сфере внутренней безопасности, включая применение огнестрельного оружия при пресечении и раскрытии преступлений как действенной, а подчас единственно возможной меры государственного принуждения.

3. Добиться позитивных результатов в противодействии организованной преступности только за счет совершенствования деятельности правоохранительных органов невозможно. Необходимо участие государства в совершенствовании правового обеспечения успешной и эффективной деятельности правоохранительных органов, в том числе сотрудников полиции – наиболее многочисленного звена в системе органов правопорядка, с учетом новых социально-экономических и политических реалий.

4. Как показывает настоящее исследование, сегодня одной из действенных мер повышения эффективности противодействия преступности является совершенствование федерального законодательства, регламентирующего применение сотрудниками полиции огнестрельного оружия.

1. Кобозев А.А. Роль огневой подготовки в служебной деятельности сотрудников правоохранительных органов Российской Федерации в современных условиях // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 2 (40); doi: 10.54217/2411-1627.2023.40.2.015.

2. Состояние преступности в России за 2022 год. – М.: ФКУ «ГИАЦ МВД России», 2023.

3. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2022 года и ожидаемые тенденции ее развития: аналитический обзор / М.В. Гончарова, С.А. Невский, М.М. Бабаев [и др.]. – М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2023.

4. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года. – М.: ФКУ «ГИАЦ МВД России», 2024.

5. Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 2022 год: сб. аналитических и информационных материалов. – М.: ГУРЛС МВД России, 2023.

6. Мемнонов А. О применении оружия // Административный вестник: ежемесячный журнал НКВД РСФСР. 1928. № 4.

7. Киселев А.К. Современная история: еще раз о причинах гибели полицейских // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 1 (39).

8. Михайлов В.И. Правомерный вред – методологическая основа допустимости применения вредоносных мероприятий в оперативно-служебной деятельности правоохранительных органов и специальных служб // Журнал российского права. 2018. № 7.

9. Собр. зак-ва РФ. 1996. № 25. Ст. 2954 (с изм. и доп.).

10. Дмитренко А.П. Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном праве России: основы теории, законодательной регламентации и правоприменения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М.: Моск. ун-т МВД России, 2011.
11. Собр. зак-ва РФ. 2011. № 7. Ст. 900 (с изм. и доп.).
12. Собр. зак-ва РФ. 2001. № 23. Ст. 2277 (с изм. и доп.).
13. Собр. зак-ва РФ. 1995. № 29. Ст. 2759 (с изм. и доп.).
14. Собр. зак-ва РФ. 2006. № 11. Ст. 1146 (с изм. и доп.).
15. Бурчикаускас В.А. Порядок, условия и основания применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции: проблемы правового регулирования и уголовно-правовой оценки последствий его применения // Научный портал МВД России. 2023. № 3 (63).
16. Гулый А.А., Денисенко М.В. Уголовно-правовая оценка превышения мер, необходимых для задержания преступника // Российский следователь. 2023. № 2.
17. Дмитренко А.П. Указ. раб.
18. Никуленко А.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации: дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2019.
19. Собр. зак-ва РФ. 1996. № 25. Ст. 2955 (с изм. и доп.).
20. Обзор практики применения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия при выполнении оперативно-служебных задач. – М.: ДГСК МВД России, 2022.
21. Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Девиантное поведение сотрудников органов внутренних дел: опыт диалектической оценки // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1 (1); doi: 10.35750/2713-0622-2021-1-151-163.
22. Никуленко А.В., Смирнов М.А. Проблемы правовой оценки причинения вреда сотрудниками полиции, Росгвардии, военнослужащими Федеральной службы безопасности России и Вооруженных Сил Российской Федерации при проведении контртеррористических операций // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (97); doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-101-109.
23. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» (постатейный) / Ю.Е. Аврутин, С.П. Булавин, Ю.П. Соловей, В.В. Черников. – М.: Проспект, 2015.
24. Каплунов А.И. О критериях определения правомерности применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия, повлекшего причинение вреда гражданам и организациям // Административное право и процесс. 2018. № 7.
25. Назарова С.И., Шеншин В.М. Правовые аспекты применения мер принуждения сотрудниками правоохранительных органов // Право в Вооруженных Силах. 2017. № 7.
26. Каплунов А.И. Об оценке субъектами контроля и надзора законности и правомерности применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 6; doi: 10.52452/19931778-2022-6-91.
27. Рос. газ. 1993. 25 дек.
28. Винник С.В. Особенности квалификации причинения вреда при превышении пределов необходимой обороны специальными субъектами // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 6.
29. Цуканов Н.Н. О соотношении норм закона «О полиции» и УК РФ в регулировании права сотрудника полиции применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие // Административное право и процесс. 2012. № 3.
30. Орешкина Т.Ю. Глава Уголовного кодекса РФ об обстоятельствах, исключающих преступность деяния: проблемы формирования // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 6.

Информация об авторах:

About the authors:

А.А. Кобозев, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела, доктор юридических наук, доцент, почетный сотрудник МВД России

В.Б. Коробов, главный научный сотрудник НИЦ № 2, доктор социологических наук, профессор

A.A. Kobozev, senior researcher at the research department, doctor of law, associate professor, honorary employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia

V.B. Korobov, chief researcher at sic no. 2, doctor of sociological sciences, professor

Статья поступила в редакцию 26.02.2024

Научная статья

doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-42-46

ЖАРАСОВ АЛИМЖАН САГЫЗЖАНОВИЧ

Департамент г. Алматы
(Алматы, Республика Казахстан)

hose1975@inbox.ru

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ СИТУАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В МЕХАНИЗМЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. Мировая практика свидетельствует, что терроризм и экстремизм, нападения на государственные учреждения и представителей власти, массовые беспорядки и погромы, диверсии и др. могут иметь место как в ведущих, так и в развивающихся странах мира. Специальным государственным и правоохранительным органам приходится действовать в крайне опасных условиях и обстановке. В статье исследуется место чрезвычайных ситуаций социального характера в механизме административно-правового регулирования деятельности органов внутренних дел. Делается вывод о том, что рассматриваемые чрезвычайные ситуации выступают в качестве юридического факта в виде противоправных деяний, обладающих повышенной степенью общественной опасности, порождающих возникновение специфических административных правоотношений, складывающихся в сфере реализации органами внутренних дел государственно-властных полномочий, не характерных для повседневной правоохранительной деятельности. Анализируются критерии, отличающие чрезвычайные ситуации социального характера от повседневной криминогенной обстановки, а также дается авторское определение чрезвычайной ситуации социального характера.

Ключевые слова и словосочетания: социальное противоречие, конфликт, общественная опасность, деяния, преступления, чрезвычайная ситуация, специфические полномочия, меры пресечения, специальные подразделения.

Для цитирования: Жарасов А.С. Чрезвычайные ситуации социального характера в механизме административно-правового регулирования деятельности органов внутренних дел // Вестник ВИПК МВД России. – 2024. – № 1 (69). – С. 42-46; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-42-46

ZHARASOV ALIMZHAN S.

Department of Almaty (Almaty, Republic of Kazakhstan)

SOCIAL EMERGENCIES IN THE MECHANISM ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Annotation. World practice shows that terrorism and extremism, attacks on government institutions and government officials, riots and pogroms, sabotage and sabotage can take place in both leading and developing countries of the world. Special state and law enforcement agencies have to act under extremely dangerous conditions and conditions. The article examines the place of social

emergencies in the mechanism of administrative and legal regulation of the activities of internal affairs bodies. The conclusion is made that the considered emergencies act as a legal fact in the form of illegal acts with an increased degree of public danger, giving rise to specific administrative legal relations that develop in the sphere of implementation by internal affairs bodies of state authority, which are not typical for everyday law enforcement activities. The criteria that distinguish social emergencies from everyday criminal situations are analyzed, and the author's definition of a social emergency is also given.

Key words and word combinations: social contradiction, conflict, public danger, acts, crimes, emergency, specific powers, preventive measures, special units.

For citation: Zharasov A.S. Social emergencies in the mechanism administrative and legal regulation of the activities of internal affairs bodies // Vestnik Advanced Training Institute of MIA of Russia. – 2024. – № 1 (69). – P. 42-46; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-42-46

Чрезвычайные ситуации социального характера являются фактическим обстоятельством (юридическим фактом), порождающим возникновение особых административно-правовых отношений, связанных с реализацией органами внутренних дел специфических государственно-властных полномочий, а в некоторых случаях – с переходом всей системы государственного управления на особый режим функционирования.

Нормативное закрепление чрезвычайных ситуаций социального характера отражено в ЗРК № 387-II «О чрезвычайном положении» от 08.02.2003 [1].

Так, чрезвычайная ситуация социального характера – это чрезвычайная ситуация, обусловленная возникновением на определенной территории противоречий и конфликтов в сфере социальных отношений, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, причинение вреда здоровью, значительный имущественный ущерб или нарушения условий жизнедеятельности населения (п. 1 ст. 1) [1].

Первым критерием, определяющим специфику чрезвычайной ситуации социального характера, является то, что она выражается в наличии противоречий и конфликтов в сфере социальных отношений.

Как пишет Н.А. Рытова, «главным элементом социальной системы является индивидуум. Индивидуумы вступают в социальные отношения сами с собой, с социальной системой и реальной действительностью по поводу удовлетворения интересов, которые мотивируют их потребности в обеспечении жизнедеятельности. Эти интересы являются главными социальными противоположностями, а результаты их единства и борьбы – главными социальными противоречиями» [2, с. 227].

«Социологическая трактовка позволяет рассматривать социальное противоречие как взаимодействие противоположных общественно значимых отношений, связанных с несовпадением интересов и целей различных социальных групп и слоев. Социальное противоречие – непереносимое условие самодвижения и саморазвития социальной системы» [3, с. 994].

Исходя из анализа рассматриваемых определений, можно сделать вывод о том, что социальное противоречие – это несовпадение социальных интересов различных субъектов общественных отношений, т.е. сами по себе социальные противоречия не несут в себе общественную опасность, поскольку проявляются не в конкретном поведении, а в субъективных оценках приоритетности определенных интересов различных субъектов или социальных групп.

Социальные противоречия являются неотъемлемой характеристикой любой социальной системы. Для нормального функционирования общества значение имеет не само наличие социальных противоречий, а способы их разрешения, проявляющиеся в конкретном поведении субъектов общественных отношений. И если поведение этих субъектов в ходе разрешения данных противоречий соответствует социальным нормативным регуляторам, в т.ч. и праву, то и общество в целом функционирует и развивается устойчиво. В свою очередь, конфликтная форма разрешения социальных противоречий несет в себе определенную общественную опасность.

«Конфликт – это разрыв и прекращение социальной связи между социальными объектами, основным признаком конфликта является возникающее на одной

или на обеих сторонах возмущение вследствие нарушения императивных норм» [4, с. 150].

«Под конфликтом надо понимать именно противоборство сторон, т.е. ситуацию, когда обе стороны совершают определенные действия, направленные друг против друга» [5, с. 17-18].

Таким образом, социальный конфликт является способом разрешения социальных противоречий, выражающимся в поведении социальных субъектов, выходящих за рамки нормативных регуляторов. «Социальный конфликт – это процесс противодействия социальных субъектов, который направлен на разрешение противоречий в их интересах и целях. Основными компонентами социального конфликта являются наличие двух или более сторон, ведение сторонами противодействия, оценка противодействия сторон внешним наблюдателем» [6, с. 197]. «Конфликт – это противоречие на стадии его реального разрешения вовлеченными в него субъектами [7, с. 253].

При этом, как отмечает М.М. Ахмедов, «классовые конфликты, которые ранее доминировали в качестве источника развития обществ, постепенно уступают главенствующее место этническим и конфессиональным противоречиям во многих регионах мира. Последние, будучи тесно взаимосвязаны, обретают характер этноконфессиональных противоречий, переходящих в конфликты идеологического и политического плана» [7, с. 11].

Немаловажно подчеркнуть, что социальный конфликт может возникать как между гражданами, гражданами и организациями, так и между подвластным субъектом государственно-управленческих отношений и государством как специфическим их субъектом.

Говоря о социальных конфликтах, в разрешении которых участвует государство в лице его органов и должностных лиц, следует отметить, что такие конфликты, в большинстве случаев, связаны с нарушением именно норм права, т.е. выражаются в совершении противоправных деяний. Иными словами, в подобного рода конфликтах социальное противоречие выражается в различиях государственных интересов и интересов подвластного субъекта (как отдельного индивидуума, так и определенной социальной группы). При этом для разрешения данного противоречия

осуществляется попытка нарушения подвластным субъектом государственно-управленческих отношений государственных запретов и совершение им противоправных деяний.

Таким образом, чрезвычайная ситуация социального характера связана, в первую очередь, с фактическим совершением определенных противоправных деяний.

Рассматривая *второй критерий* отличия чрезвычайной ситуации социального характера от повседневной криминогенной обстановки, следует отметить, что исследуемые противоправные деяния характеризуются повышенной степенью общественной опасности, т.е. ситуация характеризуется совершением деяний, несущих явную существенную угрозу охраняемым законом общественным отношениям.

Анализируя чрезвычайные ситуации социального характера, на пресечение и ликвидацию которых направлена государственно-властная деятельность, отметим, что органы внутренних дел Республики Казахстан предупреждают и осуществляют ликвидацию чрезвычайных ситуаций, вызванных массовыми беспорядками; межнациональными и межконфессиональными конфликтами; блокадой или захватом отдельных местностей, особо важных и стратегических объектов; организацией и деятельностью незаконных вооруженных формирований (ч. 2 ст. 3-2) [1].

Чрезвычайные ситуации могут быть связаны с совершением таких деяний, как вооруженный мятеж (ст. 181 УК), диверсия (ст. 184 УК), захват заложника (ст. 261 УК), нападение на здания, сооружения, средства сообщения и связи или их захват (ст. 269 УК), массовые беспорядки (ст. 272 УК) и др.

Одними из особенностей рассматриваемых преступлений является то, что в связи с их высокой степенью общественной опасности, они:

- 1) не характерны для повседневной криминогенной обстановки;
- 2) требуют реализации специфических государственно-властных полномочий органами внутренних дел, отличных от повседневной государственной правоохранительной деятельности.

Третьим отличием чрезвычайной ситуации социального характера является явное наличие социального конфликта, выра-

жающееся в непосредственном совершении рассматриваемых противоправных деяний. Указанное свидетельствует о том, что основной задачей органов внутренних дел при ее возникновении является ее пресечение, то есть деятельность, направленная на недоведение до конца уже реализуемого противоправного умысла в целях предотвращения таких социально опасных последствий, как причинение вреда жизни, здоровью граждан, умышленное уничтожение или повреждение имущества в крупном размере, нарушение функционирования органов государственного управления, объектов жизнеобеспечения и др.

Недопущение наступления указанных последствий в рассматриваемых условиях возможно посредством применения исключительно таких мер государственного принуждения, как специальные меры пресечения (применение физической силы, специальных средств и (или) оружия). При этом особо следует подчеркнуть, что на стадии пресечения рассматриваемых противоправных деяний применяются исключительно административные меры, связанные с реализацией полицией специфических государственно-властных полномочий.

Указанное актуализирует наличие в структуре органов внутренних дел подразделений, специально создаваемых для осуществления рассматриваемого вида правоохранительной деятельности, что обусловлено необходимостью специальной подготовки сотрудников, наличия специальных средств, вооружения и техники, особых подходов к государственно-управленческой деятельности при пресечении и ликвидации чрезвычайных ситуаций социального характера.

Кроме всего изложенного, чрезвычайная ситуация социального характера характеризуется ее экстренностью и ограниченностью во времени.

Так, повседневная криминогенная обстановка не предусматривает экстренных мер государственного реагирования и предполагает осуществление сотрудниками органов внутренних дел своих повседневных полномочий в соответствии с должностными обязанностями.

В случае же возникновения рассматриваемых чрезвычайных ситуаций возникает

необходимость привлечения специальных подразделений органов внутренних дел для реализации тех государственно-властных полномочий, которые в повседневной деятельности не реализуются. Помимо этого, любая чрезвычайная ситуация социального характера имеет конкретное время ее возникновения и конкретное время ее окончания вследствие реализации комплекса специфических государственно-властных полномочий правоохранительных органов. Более того, в ряде случаев возникновения чрезвычайных ситуаций социального характера появляется необходимость перехода всей системы органов внутренних дел на особый порядок выполнения правоохранительных задач, особый режим службы их сотрудников, привлечения сотрудников ОВД к выполнению правоохранительных функций, не свойственных их обычной повседневной служебной деятельности.

Таким образом, чрезвычайные ситуации социального характера являются фактическим обстоятельством (юридическим фактом), порождающим возникновение специфических административно-правовых отношений, связанных с реализацией органами внутренних дел специфических государственно-властных полномочий.

Резюмируя, представляется целесообразным предложить авторское определение чрезвычайных ситуаций социального характера – *возникшие вследствие существования социальных противоречий на определенной территории или в государстве в целом социальные конфликты, выражающиеся в совершении противоправных деяний, не характерных для повседневной криминогенной обстановки в силу своей повышенной общественной опасности и являющихся фактическим основанием (юридическим фактом), порождающим необходимость реализации специфических государственно-властных полномочий государственными правоохранительными органами, выражающихся в осуществлении специальных управленческих и оперативно-тактических мероприятий с привлечением специальных сил и средств для их пресечения и ликвидации их последствий.*

1. О чрезвычайном положении: закон Республики Казахстан от 08.02.2003 № 387-ІІ. – Астана.
2. Рытова Н.А. Сущность и виды социальных противоречий: производственные, социально-экономические противоречия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 2.
3. Социология: Энциклопедия / сост.: А.А. Грицанов [и др.]. – Минск: Книжный Дом, 2003.
4. Звоницкая А.С. Опыт теоретической социологии. Т. 1. Социальная связь. – М., 1914.
5. Максименко В.Г. Особенности, противоречия и тенденции развития среды процессов разрешения современных социальных конфликтов // Вестник Военного университета. 2007. № 2 (10).
6. Осипов Г.В. Конфликтолог – профессия XXI века. – СПб: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2014.
7. Нагайцев В.В. Методология диагностического исследования социальных конфликтов // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2.
8. Ахмедов, М.М. Социальное противоречие: эволюция понятия и роли в обществе: автореф. дис. ... канд. философ. наук. – Махачкала: Дагестанский государственный университет, 2005.

Информация об авторе:

About the author:

А.С. Жарасов, заместитель командира СОБР *A.S. Zharasov, deputy commander of the SRRU*

Статья поступила в редакцию 01.03.2024

Научная статья

doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-47-52

КУРИЛЮК ЮЛИЯ ЕВГЕНЬЕВНА

МИРЭА - Российский технологический университет
(Москва, Россия)

kurilyuk@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ЛИШЕНИЕ ГРАЖДАНСТВА», «ПРЕКРАЩЕНИЕ ГРАЖДАНСТВА» И «ОТМЕНА РЕШЕНИЙ О ПРИЕМЕ В ГРАЖДАНСТВО»

Аннотация. В настоящей статье автором предпринято исследование содержания понятий лишения гражданства, его прекращения и отмены решений о приеме в гражданство. Цель исследования – сопоставить объем и содержание указанных терминов, сделать выводы о возможности использования их в законодательстве и на практике. Основным методом, используемым при написании настоящей работы, выступил общенаучный метод сравнения, заключающийся в сопоставлении редакций правовых норм в законодательстве о гражданстве в разные периоды на современном этапе развития российского государства. Кроме того, использовались такие общенаучные методы научного познания, как дедукция, анализ и синтез, частнонаучные методы: исторический и аксиологический, специальные: формально-юридический и метод юридической герменевтики. Автор приходит к выводу о невозможности отождествления исследуемых понятий, необходимости дать четкое определение отмене решений о приеме в гражданство, предпочтительности в ряде случаев использования этого термина вместо понятия прекращения гражданства, необходимости учета позиций Конституционного Суда Российской Федерации о возможности отмены решений о приеме в гражданство лишь при предоставлении таких ложных сведений, которые повлияли на принятие данного решения, о необходимости рассмотрения всех вопросов отмены решений о приеме в гражданство и прекращения гражданства исключительно в судебном порядке и недопустимости фактического лишения гражданства лиц, ставших российскими гражданами в порядке признания.

Ключевые слова и словосочетания: гражданство, лишение гражданства, прекращение гражданства, отмена решений о приеме в гражданство, предоставление заведомо ложных сведений, закон о гражданстве, Конституционный Суд Российской Федерации.

Для цитирования: Курилюк Ю.Е. К вопросу о соотношении понятий «лишение гражданства», «прекращение гражданства» и «отмена решений о приеме в гражданство» // Вестник ВИПК МВД России. – 2024. – № 1 (69). – С. 47-52; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-47-52

KURILYUK JULIA E.

MIREA – Russian Technological University (Moscow, Russian Federation)

ON THE QUESTION OF THE CORRELATION OF CONCEPTS "DEPRIVATION OF CITIZENSHIP", "TERMINATION OF CITIZENSHIP" AND "CANCELLATION OF DECISIONS ON ADMISSION TO CITIZENSHIP"

Annotation. In this article, the author has undertaken a study of the content of the concepts of deprivation of citizenship, termination of citizenship and cancellation of decisions on admission to

citizenship. The purpose of the article is to compare the scope and content of these terms, to draw conclusions about the possibility of using them in legislation and in practice. The main method used in this work is the general scientific method of comparison, which consisted in comparing the editions of legal norms in the legislation on citizenship in different periods at the present stage of development of the Russian state. In addition, such general scientific methods of scientific cognition as deduction, analysis and synthesis, private scientific methods: historical and axiological, special: formal legal and the method of legal hermeneutics were used. The author concludes that it is impossible to identify the concepts under study, the need to give a clear definition of the cancellation of decisions on admission to citizenship, the preference in some cases for using this term instead of the concept of termination of citizenship, the need to take into account the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the possibility of canceling decisions on admission to citizenship only when providing such false information that influenced the decision this decision, on the need to consider all issues of cancellation of decisions on admission to citizenship and termination of citizenship exclusively in court and the inadmissibility of the actual deprivation of citizenship of persons who have become Russian citizens by way of recognition.

Key words and word combinations: citizenship, deprivation of citizenship, termination of citizenship, cancellation of decisions on admission to citizenship, provision of deliberately false information, the law on citizenship, the Constitutional Court of the Russian Federation.

For citation: Kurilyuk J.E. On the question of the correlation of concepts "deprivation of citizenship", "termination of citizenship" and "cancellation of decisions on admission to citizenship" // *Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia*. – 2024. – № 1 (69). – P. 47-52; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-47-52

Гражданство – это не просто связь лица с государством, но связь, во-первых, правовая, а во-вторых, устойчивая. Смысл первой характеристики состоит в том, что все положения о гражданстве закреплены в нормативных правовых актах государства и могут быть изменены только в порядке, предусмотренном для изменения соответствующего вида нормативного правового акта. Устойчивость гражданства характеризуется, во-первых, длительностью такого правоотношения. Именно оно обычно служит иллюстрацией для юридического факта-состояния [1, с. 23]. Чаще всего гражданство возникает у человека с момента рождения и не меняется до самой его смерти. Во-вторых, на устойчивость гражданства также указывает запрет лишать гражданства, чётко регламентированная процедура выхода из гражданства, невозможность отказа от имеющегося гражданства при отсутствии гарантий приобретения иного гражданства.

Не так давно вступил в силу Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [2] (далее – Закон 2023 года), который отказался от использования терминологии ранее действовавшего Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации от 31.05.2002 № 62-ФЗ [3] (далее – Закон 2002 года).

Закон 2023 года оперирует новым понятийным аппаратом, также в нем изменилось правовое регулирование в отношении разрыва правовой связи лица и государства по инициативе последнего. Так, если еще недавно ученые прямо указывали на то, что «государство не может быть инициатором прекращения отношения состояния лица в гражданстве» [4, с. 77], ссылаясь на принцип запрета лишения гражданства, закрепленный в ч. 3 ст. 6 Конституции Российской Федерации [5] (далее – Конституция), сейчас понятие прекращения гражданства прямо прописано в Законе 2023 года. Закон 2002 года при этом оперировал понятием «отмена решения о приеме в гражданство». Данный термин по-прежнему упоминается в новом Законе 2023 года, однако лишь в одной статье (п. 2 и 4 ч. 4 ст. 38), при этом в ней его содержание уже не раскрывается. Кроме того, термины «лишение гражданства», «прекращение гражданства» и «отмена решений о приеме в гражданство» с 2017 года, когда ст. 22 Закона 2002 года была изложена в новой редакции, позволяющей отменять решения о приеме в гражданство не только по причине подачи подложных документов и представления не соответствующих действительности сведений, но и ввиду совершения ряда преступлений против общественной безопасности и общественного

порядка и против государственной власти, отождествлялись и в средствах массовой информации, и даже в научных публикациях [6, с. 78, 79, 82], а также порождали новые термины, которые не были известны законодательству тогда и не известны в настоящее время, например, «отмена гражданства» [7, с. 134-138].

В связи с этим представляется необходимым сравнить понятия лишения гражданства, прекращения гражданства и отмены решения о приеме в гражданство, выделить их ключевые характеристики, изложить правовое регулирование в соответствующих законодательных актах, найти сходство и подчеркнуть различия, по итогам сделав вывод о том, какую терминологию предпочтительнее использовать законодателю.

Термин «лишение гражданства» находит свое отражение в Конституции, в ранее упомянутой ч. 3 ст. 6. Так, обладающий высшей юридической силой нормативный правовой акт нашего государства прямо указывает на запрет лишения кого бы то ни было российского гражданства. Данное положение отличает Конституцию Российской Федерации от конституций советского периода. Так, в Конституции СССР 1977 г. [8] в числе полномочий Президиума Верховного Совета предусматривалось решение вопросов о лишении гражданства СССР (п. 10 ст. 121), в части возможности утраты гражданства ст. 33 Конституции СССР 1977 г. отсылала к Закону СССР от 23.05.1990 № 1518-1 «О гражданстве СССР» [9], в ст. 20 которого лишение гражданства прямо предусматривалось в качестве основания прекращения советского гражданства.

Соглашаясь с исследователями в том, что правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) позволяют выявить конституционно-правовой смысл отраслевого законодательства [10, с. 19], отметим, что КС РФ в своих решениях подчеркивал невозможность лишения гражданства в настоящее время. Законно приобретенное гражданство не может быть утрачено по инициативе государства, так как это будет нарушением ст. 21 Конституции, поскольку человек в таком случае выступит не как полноценный субъект правоотношений, но как объект воздействия со стороны государства,

что не может не подорвать достоинства личности [11].

Может ли быть изменено положение современной российской Конституции, запрещающей лишение российского гражданства? Полагаем, даже с принятием идеи об отсутствии чего бы то ни было неизменного в законодательстве, следует помнить о таком важном конституционном свойстве, как стабильность. Соглашаясь в целом с точкой зрения о том, что «стабильность Конституции не означает ее неизменности» [12, с. 55], отметим, что в силу положений ст. 135 Конституции ст. 6, содержащаяся в гл. 1 нормативного акта высшей юридической силы, не может быть изменена путем поправок. Любая ее переработка будет означать необходимость принятия новой конституции, чему будет предшествовать разработка федерального конституционного закона о Конституционном Собрании, голосование обеих палат Федерального Собрания по предлагаемым изменениям, созыв Конституционного Собрания, решение им вопроса о необходимости принятия предлагаемых изменений, разработка проекта новой конституции, сложная процедура ее принятия. Очевидно, что это долгий и весьма непростой процесс, который если и может быть начат, то лишь в силу причин гораздо более глобальных и требующих своего урегулирования на высшем уровне, чем необходимость узаконивания инициативы со стороны государства в разрыве связи со своими гражданами.

Отметим также, что, по нашему мнению, недопустимо называть лишением гражданства иные процедуры, влекущие его утрату, в силу прямого противоречия тексту конституционных норм.

Однако запрет лишения гражданства не означает для государства окончательность принятого им решения о приеме лица в гражданство, если позже выяснится, что такое решение выносилось на основе информации, не соответствующей действительности. Так, возможность отмены решений о приеме в национальное гражданство допускается в законодательстве большинства стран [13, с. 62]. Единственная оговорка для законодательства, вытекающая из ряда актов международного права, – запрет для государств отменять решения о приеме в гражданство произвольно, то есть без существенных правовых оснований.

Помимо сложности разграничения термина «лишение гражданства» с подобными понятиями, означающими разрыв правовой связи между человеком и государством, довольно непросто разграничить термины «прекращение гражданства» и «отмена решений о приеме в гражданство». В этом главным образом повинен федеральный законодатель: рассматриваемые понятия на протяжении современного регулирования института гражданства неоднократно подменялись друг другом.

Так, Закон Российской Федерации «О гражданстве Российской Федерации» от 28.11.1991 № 1948-1 [14] (далее – Закон 1991 года) рассматривал отмену решения о приеме в гражданство, закрепленную в п. «б» ч. 1 ст. 22, как основание прекращения гражданства. В Законе 2002 года прекращение гражданства и отмена решений о приеме в гражданство разграничены не просто в различных статьях – это разные главы Закона. На наш взгляд, такое разграничение логично. Когда обнаруживается факт представления заведомо ложных сведений, речь идет не о завершении факта связи лица и государства, а о при признании такой связи отсутствующей с самого начала. Такой подход коррелирует с положениями, к примеру, гражданского законодательства, в соответствии с которым сделка признается недействительной с момента ее совершения (ст. 167 Гражданского кодекса Российской Федерации [15]).

При этом Закон 2023 года снова относит сообщение заведомо ложных сведений к основаниям прекращения гражданства (ст. 22). Таким образом, через два десятка лет действия Закона 2002 года воля законодателя снова претерпела изменения.

Одновременно Закон 2023 года предусматривает в ст. 38 и отмену решения о приеме в гражданство: решение об этом может быть принято при обжаловании действий органов, ведающих вопросами гражданства. Является ли в понимании законодателя отмена такого решения прекращением гражданства или выступает самостоятельной процедурой, в Законе не разъясняется. Определения, что законодатель предлагает понимать под отменой решения о приеме в гражданство, в новом Законе 2023 года не содержится.

По нашему мнению, прекращение гражданства по определению означает признание факта существования длящихся хоть

какое-то время правоотношений. Отмена же решения о приеме в гражданство нивелирует факт наличия правоотношения между лицом и государством, предполагает, как будто такого правоотношения и не было, возвращает ситуацию в первоначальное состояние, до возникновения правовой связи между лицом и государством, до порождения их взаимных прав и обязанностей.

Представляется, что за представлением лицом подложных документов или сообщением о себе заведомо ложных сведений должно следовать не прекращение гражданства, а отмена решения о приеме лица в гражданство. Таким образом, законодателю необходимо заново разграничить эти понятия.

Любая ли недостоверная информация, представленная лицом, подавшим документы на получение гражданства, должна влечь отмену решения? Разумеется, вопрос является тонким и щепетильным, в том числе с политической точки зрения. Однако полагаем, что здесь необходимо разграничивать умышленное сокрытие важной информации или намеренное введение органов государственной власти, ответственных за принятие решений о приеме в гражданство, в заблуждение, и собственное заблуждение лица, к примеру, как в ситуации, изложенной в Определении КС РФ от 12.02.2019 № 267-О [16], когда мужчина руководствовался законами шариата, считал себя разведенным и именно поэтому неверно указал свой семейный статус в заявлении о приеме в гражданство. Кроме того, необходимо обратить внимание на другое Определение КС РФ [17], в котором суд подчеркнул, что не любые заведомо ложные сведения могут повлечь отмену решения о приеме в гражданство, а лишь те, что создали возможность для принятия положительного решения по заявлению лица.

Кроме того, в части оснований прекращения гражданства в соответствии с Законом 2023 года, вызывает опасение тот факт, что законодателем не предусмотрен судебный порядок рассмотрения вопроса о прекращении гражданства вследствие совершения лицом действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации. Отметим, что речь в данном случае не идет о преступлении – данное основание прекращения гражданства

от совершения преступления прямо отграничено (пп. «а» и «б» п. 2 ч. 1 ст. 22 Закона 2023 года). Представляется, что судебный порядок тут все-таки необходим для обеспечения права лица защищать свои интересы всеми законными способами.

Кроме того, на наш взгляд, законодателю необходимо пересмотреть позицию, заключающуюся в возможности принудительного прекращения гражданства лиц, приобретших его в порядке признания. Введение в Закон 2023 года данного основания приобретения гражданства – также возврат к варианту правового регулирования отношений гражданства Законом 1991 года. Выходит, что в силу отсутствия среди оснований приобретения гражданства признания гражданином в Законе 2002 г., более 20 лет граждане, которые до 6 февраля 1992 г. были гражданами СССР, считались гражданами России по рождению, таким образом, факт их связи с государством не подлежал отмене ни при каких обстоятельствах, а сейчас они считаются получившими гражданство лишь в порядке признания. Следовательно, на большинство населения страны распространяются положения о возможности прекращения их гражданства, например, если будет расценено, что они создают угрозу национальной безопасности, о чем решение, опять-таки, выносится не в судебном порядке, а принимается органами федеральной службы безопасности. Разумеется, связь лица и государства, охватываемая понятием гражданства, предполагает лояльность гражданина. Но со стороны государства должны быть обеспечены гарантии ее устойчивости. Прием в гражданство предполагает подписание человеком заявления, в котором он берет на себя определенные обязательства. Поэтому отмена решений о приеме в гражданство в случае нарушения лицом своих обязательств может считаться законной. На момент признания гражданами России в 1992 году многим из ныне живущих еще не исполнилось 18 лет. Следовательно, обязательство, аналогичное тому, что дается при приеме в гражданство, не имело бы в их отношении юридической силы. Таким образом, следует признать, что любое прекращение гражданства таких лиц станет лишением гражданства, что прямо запрещено Конституцией.

Подводя итог настоящего сравнительного исследования, необходимо остановиться на выводах и предложениях,

направленных на совершенствование законодательства о гражданстве и устранение логических и правовых противоречий.

1. Понятия «лишение гражданства», «прекращение гражданства» и «отмена решений о приеме в гражданство» не являются тождественными, недопустимо подменять одним термином другой.

2. Лишение гражданства недопустимо в силу однозначно и прямо прописанного конституционного запрета. Называть другие основания утраты российского гражданства его лишением – прямое противоречие Конституции.

3. Законодателю следует разграничить в тексте Закона 2023 года прекращение гражданства и отмену решений о приеме в гражданство, исходя из того, что прекращение гражданства будет означать признание со стороны государства периода определенной продолжительности, когда отношения гражданства существовали. Отмена же решения о приеме в гражданство позволит вернуть правоотношения к их исходной точке, нивелировав любые последствия незаконного приобретения гражданства.

4. Законодателю необходимо пересмотреть позицию по отмене решений о приеме в гражданство: не следует отменять решения, если сведения были не представлены ошибочно, в силу заблуждения, и, будучи представленными, не влияли бы на принятие решения. Это позволит учесть позицию КС РФ о возможности отмены решений о приеме в гражданство лишь при предоставлении таких ложных сведений, которые повлияли на принятие такого решения.

5. Для принятия всех решений об отмене решений о приеме в гражданство либо о прекращении гражданства необходим судебный порядок.

6. Недопустимо прекращение гражданства лиц, получивших его в порядке признания.

Развитие законодательства о гражданстве в любом государстве – это логичный, динамический процесс, обусловленный как внутренними факторами развития государства, так и влиянием внешней политики, развитием и изменением миграционных отношений, необходимостью ответа на внутренние и внешние угрозы. В регулировании гражданства государству необходимо соблюдать баланс между достижением необходимых для него целей и обеспечением прав и свобод тех, кто устойчиво связан с ним правовой нитью гражданства.

1. Новикова Ю.С. Правовое состояние как категория права: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005.

2. СЗ РФ. 2023. № 18. Ст. 3215.

3. СЗ РФ. 2002. № 22. Ст. 2031.
4. Петренко Н.И., Ровенская А.С. Некоторые аспекты института гражданства в Российской Федерации // Марийский юридический вестник. 2017. № 2 (21).
5. Официальный Интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
6. Гищенко П.И. Трансформация института гражданства в современных условиях глобализации: сравнительно-правовой анализ // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2023. № 1 (65).
7. Казакова В.Л. Отмена гражданства как проблема современной теории конституционного права и объект конституционного-правового регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6.
8. Ведомости СНД и ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.
9. Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 23. Ст. 435.
10. Яловенко Т.С. Правовой статус решений Конституционного Суда Российской Федерации // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2021. № 2 (58).
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.1996 № 12-П // Собр. зак-ва РФ. 1996. № 21. Ст. 2579.
12. Некрасов С.И. Стабильность Конституции Российской Федерации в системе свойств основного закона: новые смыслы в свете конституционной реформы // Образование и право. 2002. № 2.
13. Пронякина С.Ю. Лишение гражданства как особое основание прекращения правовой связи с государством // Юридические исследования. 2021. № 10. DOI: 10.25136/2409-7136.2021.10.36630.
14. Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 6. Ст. 243.
15. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. зак-ва РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
16. Документ опубликован не был. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
17. Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2019 № 2-О // Документ опубликован не был. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

Информация об авторе:

About the author:

Ю.Е. Курилюк, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, магистр юриспруденции

J.E. Kurilyuk, associate professor of the department of public law disciplines, candidate of law, master of jurisprudence

Статья поступила в редакцию 02.02.2024

Научная статья

УДК 351.81

doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-53-60

ХАРИТОНОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ¹

Anxaritonov@mail.ru

КУЗНЕЦОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ²

Vkuznetcov82@mvd.ru

^{1,2} Всероссийский институт повышения квалификации
сотрудников МВД России (Московская область, Россия)

ДЖАББАРОВ РУСТАМ ДЖАББАРОВИЧ

Главное управление на транспорте МВД России (Москва, Россия)

rdzhabbrov@mvd.ru

О СОСТОЯНИИ ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ ПОЛИЦИИ И НАРЯДОВ СОПРОВОЖДЕНИЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТА В 2023 ГОДУ

Аннотация. В статье рассматриваются итоги работы подразделений патрульно-постовой службы полиции и нарядов сопровождения. Определено, что к положительным результатам оперативно-служебной деятельности можно отнести снижение противоправных деяний на объектах транспорта, чему способствовала эффективная профилактическая работа патрульно-постовой службы полиции и нарядов сопровождения. Отрицательными показателями служебной деятельности являются безынициативность со стороны сотрудников при выявлении и раскрытии преступлений, отсутствие действий со стороны руководства по стимулированию личного состава. На основе проведенного анализа внесены предложения по совершенствованию деятельности указанных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации на транспорте.

Ключевые слова и словосочетания: органы внутренних дел на транспорте, патрульно-постовая служба полиции, наряды сопровождения, Росгвардия, профилактика правонарушений, преступления на транспорте, незаконный оборот наркотиков, подвижной состав.

Для цитирования: Харитонов А.Н., Кузнецов В.А., Дзhabбаров Р.Д. О состоянии оперативно-служебной деятельности подразделений патрульно-постовой службы полиции и нарядов сопровождения по обеспечению охраны общественного порядка на объектах транспорта в 2023 году // Вестник ВИПК МВД России. – 2024. – № 1 (69). – С. 53-60; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-53-60

HARITONOV ALEKSANDR N.¹

KUZNECOV VLADIMIR A.²

^{1,2}Advanced Training Institute of the MIA of Russia (Moscow region, Russia)

DZHABBAROV RUSTAM D.

The Main Department of Transport of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russia)

**ON THE STATE OF OPERATIONAL AND SERVICE ACTIVITIES
OF THE POLICE PATROL SERVICE UNITS
AND ESCORT OUTFITS TO ENSURE THE PROTECTION
OF PUBLIC ORDER AT TRANSPORT FACILITIES IN 2023**

Annotation. The article discusses the results of the work of the police patrol units and escort squads. It was determined that the positive results of operational activities include a reduction in illegal acts at transport facilities, which was facilitated by the effective preventive work of the police patrol service and escort squads. Negative performance indicators include lack of initiative on the part of employees in identifying and solving crimes, lack of action on the part of management to stimulate personnel. Based on the analysis, proposals were made to improve the activities of these units of the internal affairs bodies of the Russian Federation in transport.

Key words and word combinations: internal affairs bodies in transport, police patrol service, escort squads, National Guard, crime prevention, transport crimes, drug trafficking, rolling stock.

For citation: Haritonov A.N., Kuznecov V.A., Dzhabbarov R.D. On the state of operational and service activities of the police patrol service units and escort outfits to ensure the protection of public order at transport facilities in 2023 // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. – 2024. – № 1 (69). – С. 53-60; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-53-60

Стабильная работа транспортного комплекса является важнейшим фактором, определяющим как работу института государственной власти в целом, так и деятельность правоохранительных органов в частности. От бесперебойной деятельности транспортного комплекса зависит экономическое благополучие государства. Наличие и качество функционирования транспортной инфраструктуры является одним из ключевых факторов, определяющих уровень развития экономики и социальной сферы страны [1, с. 47]. В этой связи роль правоохранительных органов по обеспечению правопорядка на объектах транспортной инфраструктуры играет существенную роль. Их эффективность можно оценить по результатам деятельности патрульно-постовой службы полиции за 2023 год.

Деятельность подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транс-

порте в 2023 году осуществлялась в условиях изменений федерального законодательства, реализации требований Директивы МВД России от 03.11.2022 № 1дсп, Наставления об организации в органах внутренних дел Российской Федерации деятельности по обеспечению правопорядка на улицах и в иных общественных местах [2], Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России [3], распоряжений МВД России и разработанных на их основе плановых организационно-практических мероприятий.

Органами внутренних дел на транспорте во взаимодействии с территориальными органами МВД России, подразделениями Росгвардии, транспортными администрациями, иными заинтересованными структурами и ведомствами осуществляется комплекс организационно-практических мероприятий, направленных на обеспечение общественного порядка, недопущение вме-

шательства посторонних лиц в деятельность объектов транспортной инфраструктуры.

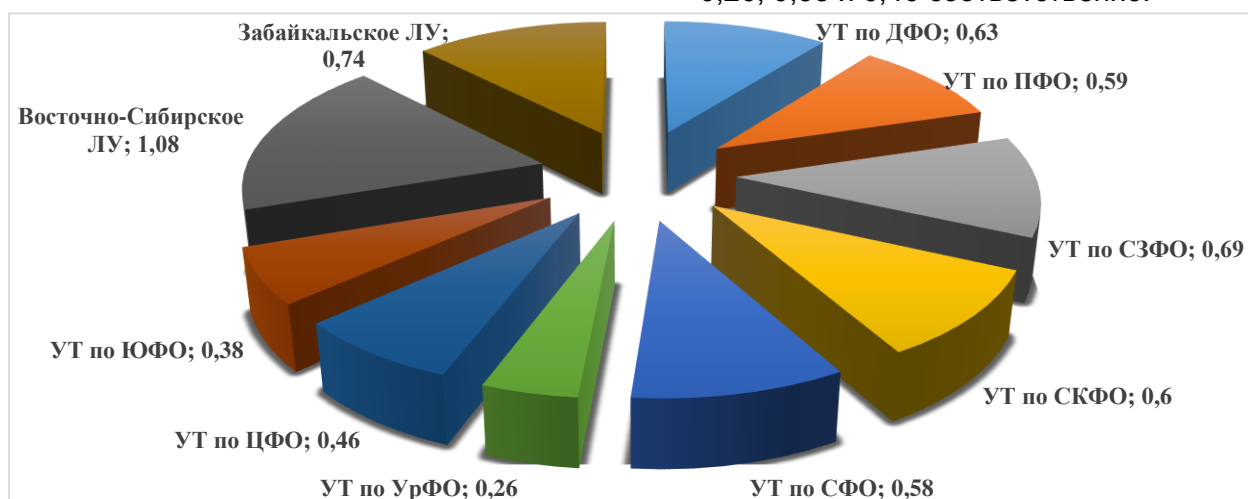
Значительную роль в профилактике преступности на объектах транспорта обеспечила проводимая работа по выявлению и пресечению административных правонарушений. В 2023 году нарядами патрульно-постовой службы полиции было выявлено свыше 426 тыс. фактов совершения административных правонарушений, из них более 136 тыс. – нарядами сопровождения.

Основную долю от выявленных составили административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность, число которых составило 164 304. Наибольшее количество правонарушений, а именно 121 177 – в области антиалкогольного законодатель-

ства. Большое внимание также было уделено профилактике нарушений федерального закона о запрете курения табака, в результате которой выявлено 147 053 правонарушения.

По-прежнему доля раскрытых преступлений полицейскими строевыми подразделениями органов внутренних дел на транспорте остается значительной. Так, в 2023 году количество раскрытых преступлений составило 4 320, что более чем в 2,5 раза превышает аналогичный показатель в целом по МВД России.

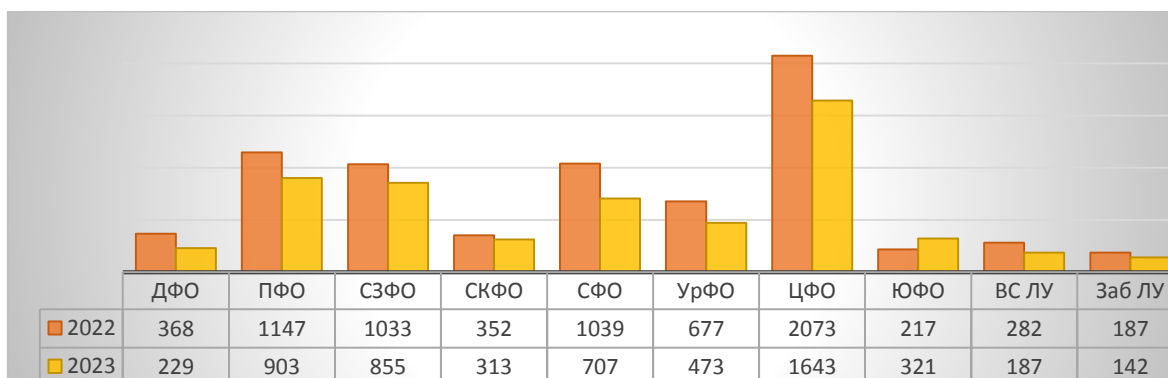
Нагрузка по раскрытым преступлениям на 1 полицейского составила 0,55. Ниже среднетранспортного значения сработали в управлениях на транспорте по Уральскому федеральному округу, Южному федеральному округу и Центральному округу – 0,26, 0,38 и 0,46 соответственно.

В целях повышения эффективности принимаемых мер в 2023 году в планы-расчеты использования сил и средств по обеспечению правопорядка на улицах и иных общественных местах внесено 885 корректировок, из них: на стационарных объектах – 313, по организации сопровождения поездов дальнего следования – 365, пригородного сообщения – 207.

Следствием проводимой планомерной профилактической работы сотрудниками

патрульно-постовой службы полиции явилось общее снижение количества преступлений, зарегистрированных в общественных местах на 21,7%, в том числе совершенных на улицах, площадях, в парках, скверах – на 53,9%, тяжких и особо тяжких – на 54,6%, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – на 29,6%, краж – на 11,8%.

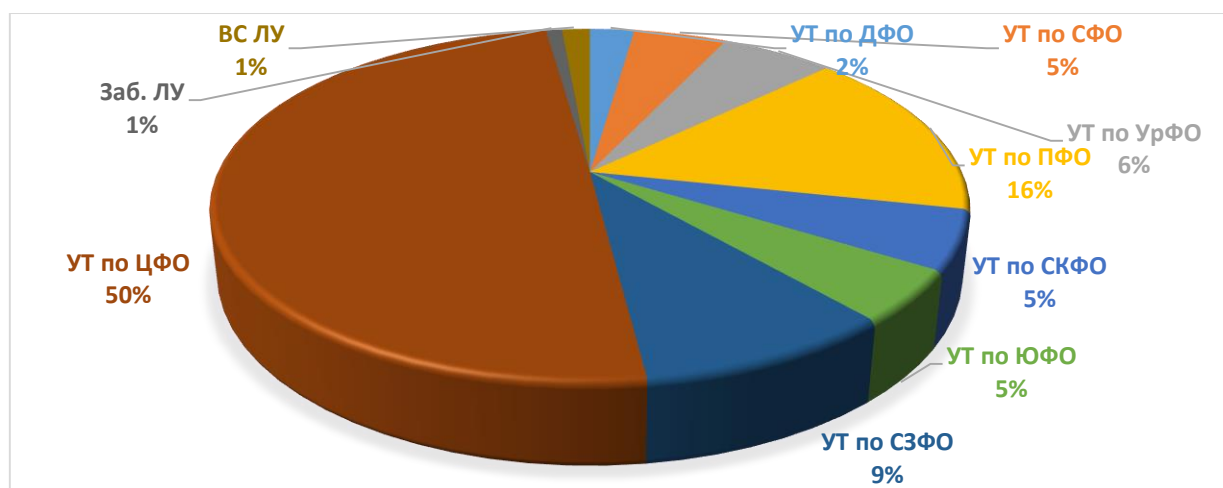
Одним из приоритетных направлений деятельности транспортной полиции является обеспечение общественного порядка и безопасности в подвижном составе в пути его следования, создание безопасных условий проезда пассажиров и поездных бригад.

Всего в 2023 году по участкам оперативного обслуживания органов внутренних дел на транспорте проследовало свыше 2 млн железнодорожных пассажирских составов, в том числе более 670 тыс. – дальнего следования и 1,6 млн – пригородного сообщения.

В этой связи для сопровождения подвижного состава среднесуточно выделялось 863 чел., в том числе в поезда дальнего следования – 517, пригородного сообщения – 346.

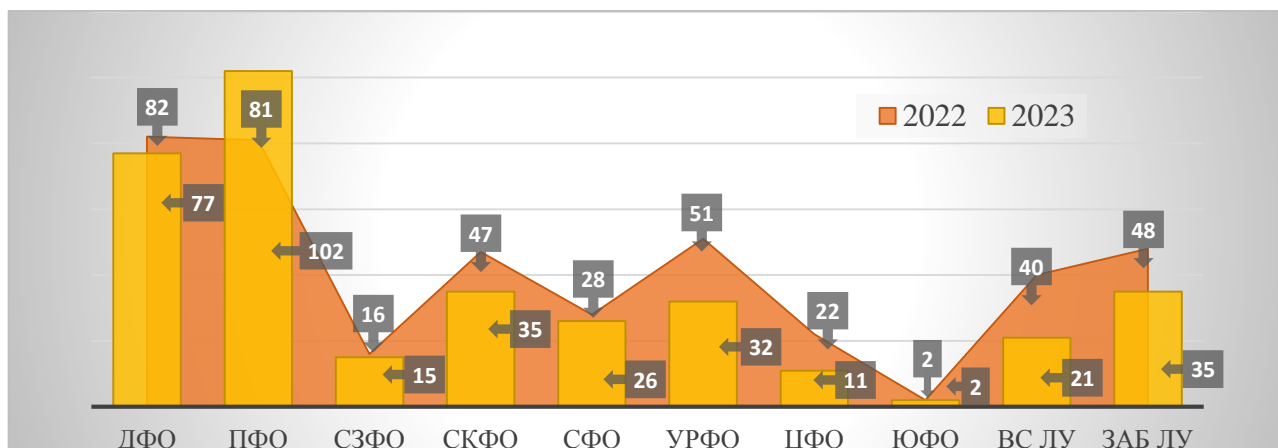
Так, на сопровождение в среднем по транспорту задействовалось 8,6% личного состава патрульно-постовой службы полиции. Ниже среднетранспортного значения показатели в управлениях на транспорте по Северному федеральному округу (5,7%), Северо-западному федеральному округу (6,8%) и Дальневосточному федеральному округу (7,5%). За последние пять лет количество выделяемого личного состава уменьшилось на 12%.

В прошедшем году нарядами полиции обеспечено сопровождение более 500 тыс. поездов, общая доля от проследовавших составила 21,2%. В соответствии с показателями эффективности в сфере профилактики правонарушений [4] указанная деятельность оценена «эффективно».

Принимаемые меры профилактического характера в целом способствовали оздоровлению криминогенной обстановки в сфере пассажирских перевозок. Общее количество совершенных преступлений в подвижном составе сократилось на 16%, в том числе в поездах дальнего следования – на 13,4%, пригородного сообщения – на 19,3%.

Состояние правопорядка в сопровождаемом полицией подвижном составе характеризуется снижением на 14,6% количества зарегистрированных преступлений, в том числе на 10,3% – в поездах дальнего следования, на 47,9% – пригородного сообщения.

Из 76 совершенных преступлений против личности, в сопровождаемых нарядами полиции поездах допущено 6 фактов (или 7,9%). Постатейная разбивка основных составов выглядит следующим образом:

ст. УК РФ	в несопровождаемых нарядами полиции поездах		в сопровождаемых нарядами полиции поездах	
	кол-во преступлений	%	кол-во преступлений	%
105 УК РФ	6	100%	0	-
111 УК РФ	9	100%	0	-
112 УК РФ	11	100%	0	-
115 УК РФ	9	100%	0	-
116 УК РФ	13	86,7%	2	13,3%
119 УК РФ	3	100%	0	-
131 УК РФ	1	100%	0	-
213 УК РФ	15	78,9%	4	21,1%

Из 1 419 преступлений против собственности, в сопровождаемых нарядами полиции поездах зарегистрировано 58 фактов (или 4,1%), из них:

ст. УК РФ	в несопровождаемых нарядами полиции поездах		в сопровождаемых нарядами полиции поездах	
	кол-во преступлений	%	кол-во преступлений	%
158 УК РФ	1280	95,8%	56	4,2%
159 УК РФ	6	85,7%	1	14,3%
161 УК РФ	41	100%	0	-
162 УК РФ	18	100%	0	-
163 УК РФ	3	100%	0	-
167 УК РФ	5	83,3%	1	16,7%

При этом только каждое седьмое преступление, совершенное в поездах, выявляется сотрудниками полиции инициативно. Пассивность в работе нарядов отмечается практически во всех управлениях на транспорте по федеральным округам, линейных управлениях.

Так, количество инициативно выявленных преступлений в подвижном составе снизилось на 7,7%, в том числе в поездах дальнего следования – на 4,3%, пригородного сообщения – на 34%.

Возросло количество выявленных нарядами сопровождения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков на 7,9%. Здесь с положительной стороны следует отметить управление на транспорте по Приволжскому федеральному округу, где рост инициативно выявленных преступлений составил 72,2%.

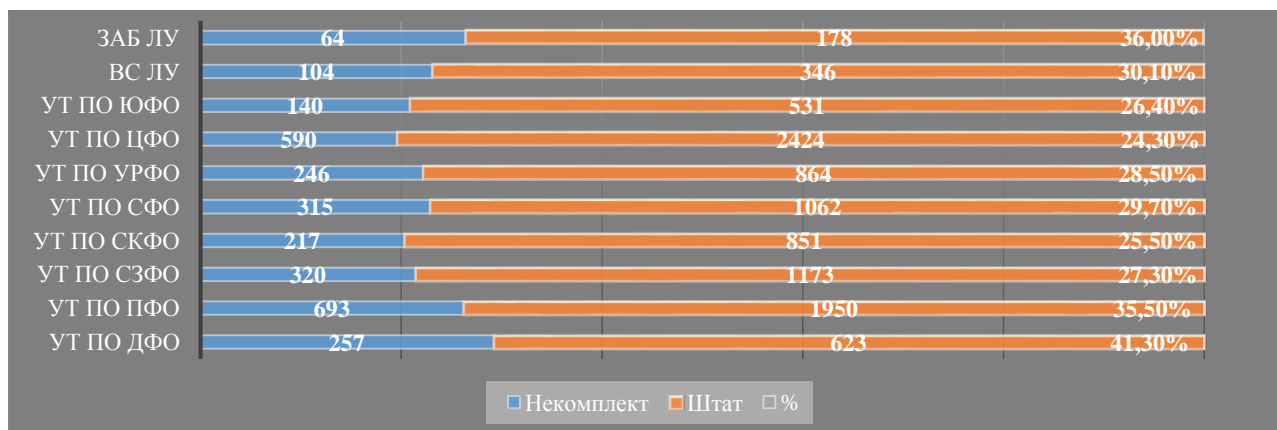
Отдельного внимания заслуживает работа нарядов полиции линейного отдела на ст. Кавказская, которыми по итогам 2023 года в поездах дальнего следования

выявлено 49 фактов незаконного хранения наркотических средств, по 27 из которых возбуждены уголовные дела по ст. 228 УК РФ.

К негативным моментам управленческого характера можно отнести факты нерационального использования личного состава патрульно-постовой службы полиции. Так, Управлением на транспорте по Центральному федеральному округу организовано сопровождение ряда поездов одновременно несколькими нарядами полиции. При этом 19 октября 2023 г. на участке, сопровождаемом двумя нарядами полиции, зарегистрирована кража личного имущества.

Не меньшее негативное влияние на эффективность служебной деятельности оказывает текущий некомплект личного состава ППСП, который по итогам 2023 года составил 29,5% (2 946 чел.), что на 3,9% или на 527 человек больше, чем в прошлом году (2 419 чел.).

Практически во всех управлениях на транспорте по федеральным округам, линейных управлениях некомплект личного состава патрульно-постовой службы полиции превышает 25%, а в отдельных управлениях с учетом высокой нагрузки при несении службы некомплект является критическим.

Так, в Управлении на транспорте по Дальневосточному федеральному округу некомплект составляет 41,3% (257 ед.), в Забайкальском линейном управлении – 36% (64 ед.), в Управлении на транспорте по Приволжскому федеральному округу – 35,5% (693 ед.), в Восточно-Сибирском линейном управлении – 30,1% (104 ед.).

Несмотря на значительный некомплект в строевых подразделениях патрульно-постовой службы полиции, отдельные руководители управлений на транспорте не используют в полной мере возможности стимулирования личного состава. Например, не во всех подразделениях предусмотрены надбавки к должностному окладу сотрудникам патрульно-постовой службы полиции за выполнение задач, связанных с сопровождением подвижного состава. Так, в Восточно-Сибирском линейном управлении до настоящего времени не реализованы мероприятия об установлении данной надбавки в соответствии с требованиями п. 16 приказа МВД России от 25.07.2017 № 522 [5].

Так, из имеющейся штатной численности патрульно-постовой службы полиции (278 ед.) надбавка к должностному окладу установлена только 36 сотрудникам. При этом штатным расписанием [6], в нарушение требований приказа МВД России от 4 июля 2014 г. № 563 [7], предусмотрено

отдельное строевое подразделение патрульно-постовой службы полиции по сопровождению пассажирских поездов.

Также на неудовлетворительном уровне проводилась работа по присвоению квалификационных званий сотрудникам патрульно-постовой службы полиции. Из 7 056 действующих сотрудников квалификационные звания присвоены только 1 107, что составляет всего 15,6%.

В этой связи Главным управлением на транспорте МВД России направлялось указание о проработке вопроса дополнительных выплат для сотрудников патрульно-постовой службы полиции с органами исполнительной власти всех субъектов Российской Федерации, на территории которых функционируют подразделения транспортной полиции.

С учетом дефицита штатной численности в подразделениях патрульно-постовой службы полиции требует дальнейшей проработки вопрос использования потенциала военнослужащих войск национальной гвардии, в том числе отрядов мобильных особого назначения, а также общественных формирований правоохранительной направленности в охране общественного порядка [8] на объектах транспортной инфраструктуры.

Так, в 2023 году военнослужащие Росгвардии, включая ОМОН, по линии охраны общественного порядка задействовались в проведении более чем 14 тыс. специальных мероприятий. С их участием пресечено свыше 2,8 тыс. административных правонарушений, задержано 784 лица за совершение преступлений. Из незаконного оборота изъято: 55 единиц огнестрельного оружия, 12 514 единиц бое-

припасов, более 10,42 кг взрывчатых веществ и более 79,8 кг наркотических средств.

На объектах транспортной инфраструктуры было привлечено более 15,8 тыс. народных дружинников из числа членов казачьих обществ, а также свыше 5,1 тыс. членов казачьих обществ, которыми совместно с сотрудниками органов внутренних дел на транспорте задержано 30 лиц за совершение преступлений, пресечено более 8,5 тысяч административных правонарушений.

К сожалению, вопрос соблюдения законности сотрудниками органов внутренних дел на транспорте по-прежнему требует постоянного контроля со стороны руководства. Несмотря на снижение на 42,11% количества возбужденных в отношении сотрудников патрульно-постовой службы полиции уголовных дел, продолжают выявляться факты превышения служебных полномочий и причинения вреда здоровью граждан.

Так, 1 сентября 2023 г. возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 111 УК РФ в отношении сержанта полиции А.Н. Муравьева, полицейского 2-го отделения отдельного взвода патрульно-постовой службы ЛОП на ст. Арзамас Нижегородского линейного управления, который в ходе конфликта с гражданином оттолкнул его от себя. В результате гражданин упал на спину, ударился головой об асфальт, потерял сознание и впоследствии от полученных повреждений скончался.

18 сентября 2023 г. возбуждено уголовное дело по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ в отношении сержанта полиции П.А. Ключа, полицейского 2-го отделения 1-го взвода отдельной роты патрульно-постовой службы полиции Кузбасского линейного управления, который при сопровождении задержанных применил к ним физическую силу,

вследствие чего они получили травмы различной степени тяжести.

С учетом результатов практической деятельности подразделений патрульно-постовой службы полиции, в целях дальнейшего совершенствования их деятельности по обеспечению общественного порядка на объектах транспорта и в подвижном составе, считаем целесообразным провести следующие мероприятия:

1. Разработать и осуществить комплекс организационно-практических мероприятий, направленный на повышение роли сотрудников патрульно-постовой службы полиции в пресечении преступлений, совершаемых в общественных местах, обратив особое внимание на профилактику убийств, грабежей и разбоев.

2. Продолжить практику взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, на территории которых функционируют органы внутренних дел на транспорте, по вопросам установления дополнительных региональных выплат для сотрудников патрульно-постовой службы полиции.

3. Реализовать комплекс дополнительных мер, направленных на снижение некомплекта.

4. Принять меры по укреплению дисциплины и законности среди личного состава ППСП в повседневной деятельности и вне службы. В рамках служебной подготовки необходимо проводить дополнительные занятия по неукоснительному соблюдению правил дорожного движения, а также применения физической силы и специальных средств.

1. Секушина И.А. Модернизация транспортной инфраструктуры РФ: промежуточные итоги и новые вызовы // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2022. № 4.

2. Об утверждении Наставления об организации в органах внутренних дел Российской Федерации деятельности по обеспечению правопорядка на улицах и в иных общественных местах: приказ МВД России от 25 ноября 2019 г. № 879.

3. Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России: приказ МВД России от 28 июня 2021 г. № 495.

4. О показателях оценки эффективности в сфере профилактики правонарушений: распоряжение МВД России от 30 июня 2017 г. № 1/7983.

5. Об утверждении Перечня должностей сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, при замещении которых выплачивается ежемесячная надбавка за особые условия службы, и размеров надбавки по этим должностям: приказ МВД России от 25 июля 2017 г. № 522.

6. Приказ Восточно-Сибирского ЛУ от 13.01.2012 № 3.

7. Об организационно-штатном построении строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции: приказ МВД России от 4 июля 2014 г. № 563.

8. В соответствии с положениями федеральных законов от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» (с изм. и доп.) и от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» (с изм. и доп.).

Информация об авторах:

About the authors:

***А.Н. Харитонов**, профессор кафедры подготовки сотрудников полиции в сфере транспортной безопасности центра подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка, доктор юридических наук, профессор*

***В.А. Кузнецов**, заместитель начальника кафедры подготовки сотрудников полиции в сфере транспортной безопасности центра подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка*

***Р.Д. Джаббаров**, старший инспектор по особым поручениям*

***A.N. Haritonov**, professor of the department of police training in the field of transport security at the police training center for public order units, doctor of law, professor*

***V.A. Kuznetsov**, deputy head of the department of police training in the field of transport security at the police training center for public order units*

***R.D. Dzhabbarov**, chief inspector for special assignments*

Статья поступила в редакцию 14.02.2024

Научная статья

doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-61-67

ПОПОВА АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА¹

nastyavsckb@mail.ru

ВАСИЛЬКИВ ИРИНА НИКОЛАЕВНА²

^{1,2} Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России (Московская область, Россия)

К ВОПРОСУ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового регулирования служебной деятельности сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних, их права и обязанности.

Авторы акцентируют внимание, что правовое регулирование служебной деятельности играет важную роль в предупреждении совершения правонарушений и преступлений несовершеннолетними.

Детально анализируется нормативно-правовая база, на основе которой осуществляется предупредительное воздействие и принимаются эффективные меры профилактического характера с целью недопущения нарушения несовершеннолетними законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова и словосочетания: сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних, правовое регулирование, несовершеннолетние, преступления, правонарушения, профилактика.

Для цитирования: Попова А.А., Василькив И.Н. К вопросу правового регулирования служебной деятельности сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних // Вестник ВИПК МВД России. – 2024. – № 1 (69). – С. 61-67; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-61-67

POPOVA ANASTASIA A.¹

VASILKIV IRINA N.²

^{1,2}Advanced Training Institute of the MIA of Russia (Moscow region, Russia)

ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION
OF THE OFFICIAL ACTIVITIES OF EMPLOYEES
OF JUVENILE AFFAIRS UNITS

Annotation. The article deals with the issues of legal regulation of the official activities of employees of juvenile affairs units.

The author emphasizes that the legal regulation of official activity plays an important role in preventing the commission of offenses and crimes by minors. Attention is drawn to the rights and obligations of employees of juvenile affairs units.

In addition, the regulatory legal framework is considered in detail, thanks to which it is possible to carry out preventive measures and effective preventive measures in order to prevent minors from violating the legislation of the Russian Federation.

Key words and word combinations: employees of juvenile affairs units, legal regulation, minors, crimes, offenses, prevention.

For citation: *Popova A.A., Vasilkiv I.N. On the issue of legal regulation of the official activities of employees of juvenile affairs units // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. – 2024. – No. 1 (69). – P. 61-67; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-61-67*

Осуществление функции государственного руководства в области профилактических мероприятий среди несовершеннолетних в основном возложено на подразделения по делам несовершеннолетних (далее – ПДН).

Профилактический комплекс мероприятий, направленный на предотвращение незаконных действий, совершаемых несовершеннолетними, характеризуется:

плановой направленностью;

стабильностью;

бесперывностью;

последовательностью предупреждающего действия.

Правовое регулирование ПДН играет важную роль в предупреждении совершения правонарушений и преступлений несовершеннолетними.

В установленных документах содержатся ответы на вопросы для разрешения предупредительного воздействия, а также меры, способы, определенный круг действий осуществления эффективной профилактики среди несовершеннолетних, уделяется отдельное внимание правам и обязательствам субъектов предупреждения.

Основные императивные нормы международного права заложены в ст. 5 Конституции Российской Федерации, определено сотрудничество в сфере предотвращения незаконных действий, совершаемых несовершеннолетними [1, с. 380-381].

В Конвенции ООН о правах ребенка, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 5 декабря 1989 г., установлено, что, как

только ребенок родился, он считается обладателем всех общечеловеческих прав, которые неотъемлемы и имеют статус норм международного права.

Органы внутренних дел осуществляют профилактическую работу, основанную на сложившемся порядке организации ПДН, законодательно закрепленном в следующих нормативно правовых актах:

Федеральном законе «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (далее – Закон о полиции);

Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – ФЗ № 120);

Федеральном законе от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»;

Указе Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 250 «Вопросы организации полиции»;

приказе МВД России от 1 сентября 2012 г. № 839 «О совершенствовании деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей»;

приказе МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» (далее – Инструкция) и других нормативных правовых актах.

Обратим внимание на важное предписание, закрепленное в гл. 3 Закона о полиции,

обязующее не допускать и прекращать преступления и административные правонарушения, выявлять обстоятельства, содействующие их осуществлению, и устанавливать меры, устраняющие данные условия.

Именно поэтому сотрудник ПДН, реализовывая профилактическую работу с несовершеннолетними, их ближайшими родственниками и законными представителями, должен учитывать мотивацию совершения правонарушений несовершеннолетними [3, с. 297], а также такие обстоятельства, как «неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего», включающие в себя нарушение либо отсутствие необходимого физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития несовершеннолетнего, соединенного с жестоким обращением с ним [4, с. 37].

Кроме того, использование карательной парадигмы в решении проблем преступности несовершеннолетних неэффективно как с экономической точки зрения, так и социальной [2, с. 137].

ФЗ № 120 регулирует сферу работы подразделений органов внутренних дел по предотвращению правонарушений и преступлений, совершаемых среди несовершеннолетних, помимо этого в нем закреплены такие функции, как:

проведение отдельных предупредительных мероприятий с ближайшими родственниками или законными представителями несовершеннолетних, которые не осуществляют единую целенаправленную деятельность по развитию, воспитанию, обучению несовершеннолетних, а также не создают нормальных условий жизни и не способны материально обеспечивать их, своим образом жизни оказывают отрицательное воздействие на решения несовершеннолетних или жестоко обращаются с ними;

определение лиц, вовлекающих несовершеннолетних совершать преступления, правонарушения и другие противоправные действия, лиц, которые не осуществляют единую целенаправленную деятельность по развитию, воспитанию, обучению несовершеннолетних, а также не создают нормальных условий жизни и не способны материально обеспечивать их, своим образом жизни оказывают отрицательное воздействие на решения несовершеннолетних

или жестоко обращаются с ними, и в определенной очередности включают предписания о применении к ним мер, установленных законами Российской Федерации;

проведение в пределах своих полномочий мероприятий по поиску несовершеннолетних, объявленных в розыск, а также несовершеннолетних, которым необходима помощь государства, после чего с учетом установленной процедуры направление их в определенные организации, занимающиеся вопросами предупреждения безнадзорности и совершения преступлений среди несовершеннолетних;

уточнение соответствия действительности поступившей информации об осуществлении несовершеннолетними административных правонарушений, противоправных действий, уточнение сведений о ближайших родственниках или законных представителях несовершеннолетних, которые не осуществляют единую целенаправленную деятельность по развитию, воспитанию, обучению несовершеннолетних, а также не создают нормальных условий жизни и не способны материально обеспечивать их, своим образом жизни оказывают отрицательное воздействие на решения несовершеннолетних или жестоко обращаются с ними;

осуществление подготовки материалов для определения в перспективе несовершеннолетних, совершивших правонарушения, в специализированные организации;

осуществление подготовки материалов для дальнейшего направления письменных распоряжений в суд о применении к несовершеннолетним, их ближайшим родственникам или законным представителям мер, установленных законом;

проявление инициативы о применении к несовершеннолетним определенных на законодательном уровне мер воздействия;

доведение информации до соответствующих организаций о безнадзорности, совершении незаконных действий несовершеннолетними и условиях, благоприятно воздействовавших на их совершение;

доведение информации ближайшим родственникам или законным представителям о препровождении в ПДН несовершеннолетних по причине безнадзорности, беспризорности или нарушения закона.

Обратим внимание, что ФЗ № 120 является основополагающим нормативным

правовым актом, регулирующим работу системы профилактики. Согласно ФЗ № 120 одним из субъектов профилактики является ПДН, работа которого состоит:

а) из предупреждающих индивидуальных бесед с несовершеннолетними:

– не достигшими на момент реализации административного правонарушения или преступления возраста, с которого предусмотрена ответственность;

– в случае освобождения от уголовной ответственности по амнистии или изменения условий по причине примирения с потерпевшим, или благодаря использованию в принудительном порядке принудительных средств воспитательного воздействия;

– не достигшими на момент реализации уголовного преступления возраста, с которого предусмотрена ответственность за преступление, или с отстающими в психическом развитии, не относящимся к психическому расстройству, совершившими преступление;

– в случае, если назначена любая мера пресечения, кроме заключения под стражу;

– условно-досрочно освобожденными от уголовного наказания по амнистии или акту о помиловании;

– освобожденными из организаций уголовно-исполнительной системы, из специализированных закрытых учебно-воспитательных организаций, в случае нарушения ими условий содержания, нарушения закона или если после освобождения они пребывают в неблагоприятных условиях, требующих содействия в реабилитации и поддержке;

– условно осужденными, мера наказания которых не будет относиться к лишению свободы;

б) предупреждающих действий с ближайшими родственниками и законными представителями несовершеннолетних, способствующими своими жизненными устоями, временем препровождения отрицательно влиять на поступки несовершеннолетних, допускающими жестокое обращение с ними или не осуществляющими единой целенаправленной деятельности по развитию, воспитанию, обучению несовершеннолетних, а также не способными создать нормальные условия жизни, материально обеспечивать их;

в) предупреждающих действий, связанных с несовершеннолетними, их ближай-

шими родственниками и законными представителями, не обозначенными выше, однако в отношении них существует необходимость в проведении предупреждающих действий для профилактики нарушений закона, а также возможной поддержки и реабилитации.

Осуществление вышеназванной работы ПДН допустимо только с разрешения начальника территориального органа или его заместителя.

Рассматривая решения задач при реализации предупредительных действий среди правонарушителей и безнадзорных несовершеннолетних, выделим главные из них:

недопущение безнадзорности, нарушений закона среди несовершеннолетних, выяснение и прекращение условий, способствующих таким обстоятельствам;

защита прав и законных интересов несовершеннолетних;

установление и устранение случаев вовлечения несовершеннолетних в реализацию общественно опасных деяний и незаконных действий, склонение их к суициду [5].

Следует отметить, что предотвращение безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних основано на таких принципах, как:

соблюдение закона;

демократия;

уважение личности несовершеннолетнего;

поддержка семьи и взаимодействие с ней;

индивидуальный подход с учетом закрытой информации о несовершеннолетнем;

поддержка государством организаций органов местного самоуправления и общественных объединений в целях недопущения безнадзорности и реализации общественно опасных действий, совершаемых несовершеннолетними;

обеспечение уверенности в ответственности должностных лиц и граждан за неисполнение прав и законных интересов несовершеннолетних.

В этой связи М.В. Костенников отмечает, что административная деятельность носит ответственный характер, а поэтому в этой деятельности выделяется принцип взаимной ответственности должностных лиц и граждан [6, с. 53].

Вышеобозначенные условия осуществления персональных предупреждающих

действий, проводимых с несовершеннолетними и их ближайшими родственниками или иными законными представителями, возможны, если они содержатся в таких документах, как:

обращение в письменном виде несовершеннолетнего или его ближайших родственников в организации, занимающиеся вопросами недопущения безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, о помощи и поддержке им в вопросах, относящихся к компетенции данных организаций;

решение, определение или постановление суда;

решение комиссии по делам несовершеннолетних, прокурора, начальника следственного подразделения, следователя, органа дознания или начальника органа внутренних дел;

документация, установленная ФЗ № 120, на основании которой несовершеннолетнего помещают в организации системы предотвращения безнадзорности и совершения незаконных действий несовершеннолетних;

решение, заверенное руководителем организации системы предотвращения безнадзорности и незаконных действий, совершаемых несовершеннолетними, по итогу проверки жалоб, письменных обращений или других заявлений.

Права несовершеннолетних, содержащихся в организациях системы предотвращения безнадзорности и незаконных действий, совершаемых несовершеннолетними, закреплены в ФЗ № 120. Одним из них является информирование ближайших родственников или законных представителей о доставлении несовершеннолетнего в организацию, занимающуюся вопросами недопущения безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних.

При направлении сведений о доставлении несовершеннолетнего в данную организацию учитывается место, где проживают ближайшие родственники или законные представители. С учетом этих данных сведения о доставлении направляются не позднее 12 часов с того времени, как его туда поместили.

В случае отсутствия информации о ближайших родственниках или законных представителей, сообщать о доставлении несовершеннолетнего в организацию системы

предотвращения безнадзорности и незаконных действий, совершаемых несовершеннолетними, необходимо в течение 3 дней в орган опеки и попечительства по последнему месту жительства несовершеннолетнего.

Важным моментом являются законодательно закрепленные права несовершеннолетних, помещенных в организацию системы предотвращения безнадзорности и незаконных действий, совершаемых несовершеннолетними, а именно:

разъяснение причин своего пребывания в организации системы предотвращения безнадзорности и правонарушений, совершаемых несовершеннолетними;

разъяснение прав, которыми они обладают, и обязанностей соблюдения ограничений, установленных распорядком дня;

не соглашаться и возражать против решений сотрудников вышеназванной организации, оспаривать их действия в вышестоящие органы данной организации, прокуратуру и суд;

гуманное отношение, не умаляющее их достоинство;

помощь в общении с семьями посредством телефонной связи и неограниченного количества встреч;

прием бандеролей, передач, принятие и отправка писем без ограничения в количестве;

бесплатная юридическая помощь и др.

Кроме того, на законодательном уровне закреплена система содержания в специальных организациях несовершеннолетних, нуждающихся в реабилитации.

Безусловно, в специальных учебно-воспитательных организациях открытого типа (далее – СУВУОТ) и закрытого типа (далее – СУВУЗТ) и центрах временного содержания для несовершеннолетних (далее – ЦВСН) существует система наказаний в виде таких мер, как:

предупреждение;

выговор;

строгий выговор.

Дополнительными мерами наказаний являются:

доведение информации до ближайших родственников или законных представителей;

отчисление.

Такие дополнительные меры наказаний возможны в отношении несовершеннолетних, находящихся в СУВУОТ и СУВУЗТ.

Процедуру применения мер взыскания к несовершеннолетним предусматривают соответствующие нормативно-правовые документы, которые регулируют работу организации системы предупреждения безнадзорности и незаконных действий несовершеннолетних.

В части запретов, касающихся несовершеннолетних, не допустимы следующие действия:

причинение физического и психического вреда;

какое-либо воздействие на несовершеннолетнего без учета его возрастного параметра;

применение антипедагогических методов воспитания, которые оскорбляют человеческое достоинство;

ограничение во взаимоотношениях с ближайшими родственниками или законными представителями, ограничение или лишение контактов с ними;

сокращение объема питания;

лишение прогулок.

Отдельно акцентируем внимание на расширенный перечень функций, выполняемых ПДН, которые закреплены в Инструкции.

Так, ПДН принимает участие в организации подготовки документов для возможной реализации помещения несовершеннолетних в ЦВСН в следующих случаях:

– есть решение о помещении несовершеннолетнего в СУВУЗТ, принятое судом;

– ожидается принятие судебного решения о помещении несовершеннолетнего в СУВУЗТ в ситуации, когда несовершеннолетний не подлежит уголовной ответственности и может оказаться помещенным в ЦВСН на период до 30 дней, если:

жизнь и здоровье несовершеннолетнего нуждаются в защите;

назрела необходимость в предостережении рецидива незаконных действий;

у несовершеннолетнего отсутствует постоянное место жительства или нахождения;

по неуважительным обстоятельствам два или более раза несовершеннолетний не является в суд или на медицинское освидетельствование либо скрывается;

несовершеннолетний самовольно оставил СУВУЗТ;

несовершеннолетний нарушил закон в возрасте, с которого еще не наступает уголовная ответственность за реализацию не-

законных действий, в случае, если ему требуется защита жизни и здоровья или нужно предотвратить рецидив нарушения закона, кроме того, если сложилось, что личность несовершеннолетнего или место его нахождения не установлены, или у него нет места жительства в районе, где им было осуществлено нарушение закона, и из-за отдаленности места его постоянного жительства он не может быть передан в течение 3 часов ближайшим родственникам или законным представителям;

несовершеннолетний нарушил закон в возрасте, с которого еще не наступает административная ответственность за реализацию незаконных действий, кроме того, если сложилось, что личность несовершеннолетнего или место его нахождения не установлены, или у него нет места жительства в районе, где им было осуществлено нарушение закона, и из-за отдаленности места его постоянного жительства он не может быть передан в течение 3 часов ближайшим родственникам или законным представителям;

несовершеннолетний совершил действия, нарушающие административное законодательство, кроме того, если сложилось, что личность несовершеннолетнего или место его нахождения не установлены, или у него нет места жительства в районе, где им было осуществлено нарушение закона, и из-за отдаленности места его постоянного жительства он не может быть передан в течение 3 часов ближайшим родственникам или законным представителям.

Подводя итог, обратим внимание, что мы рассмотрели основы правовой базы, регулирующей служебную деятельность сотрудников ПДН. Полагаем, что регламентация осуществляемой профилактической работы по недопущению несовершеннолетними противоправных действий на законодательном уровне подробно разъясняет организационно-правовые основы деятельности ПДН.

В свою очередь, индикатором государственного руководства в области работы сотрудников органов внутренних дел служит общественное мнение, являющееся основной оценкой служебной деятельности.

В этой связи существенным моментом являются тенденции роста положительных оценок населением работы полиции в 2022 году по сравнению с 2021 годом по показателям эффективности работы органов внутренних дел Российской Федерации (с 44,4 до 49,2%) и доверия сотрудникам полиции (с 45,4 до 51,7%) [7, с. 53].

1. Павлова Л.В. Индивидуальная профилактическая работа подразделений по делам несовершеннолетних как административно-правовой способ защиты прав ребенка // Уголовно-исполнительное право. 2017. № 4.
2. Салеева Ю.Е., Салеев Т.Ф. Дискурс об уголовной ответственности и наказании несовершеннолетних в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2.
3. Малюшина Ю.А., Федорова О.Б. Психологические аспекты состава преступления и классификация несовершеннолетних правонарушителей // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2.
4. Федорова Е.А., Зыкова Е.Д. Особенности квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Вестник Сибирского юридического института МВД России 2020. № 4 (41).
5. Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845.
6. Костенников М.В. К вопросу о функциональности и принципах административной деятельности полиции // Вестник ВИПК МВД России. 2022. № 3 (63).
7. Невский С.А., Черкасов Р.В., Яковлев О.В. Изучение общественного мнения о деятельности полиции Российской Федерации (организация мониторинга и его результаты) // Научный портал МВД России. 2023. № 2 (62).

Информация об авторах:

About the authors:

А.А. Попова, доцент кафедры кадрового обеспечения и управления персоналом в органах внутренних дел центра кадрового, психолого-педагогического и медицинского обеспечения деятельности органов внутренних дел, кандидат юридических наук

И.Н. Василькив, старший преподаватель кафедры кадрового обеспечения и управления персоналом в органах внутренних дел центра кадрового, психолого-педагогического и медицинского обеспечения деятельности органов внутренних дел

A.A. Popova, associate professor of the department of personnel support and personnel management in the internal affairs bodies of the center for personnel, psychological and pedagogical and medical support of the activities of the internal affairs bodies, candidate of law

I.N. Vasilkiv, senior lecturer of the department of personnel support and personnel management in the internal affairs bodies of the center for personnel, psychological and pedagogical and medical support of the activities of the internal affairs bodies

Статья поступила в редакцию 25.01.2024

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-68-80

АНТОНЯН ЮРИЙ МИРАНОВИЧ

Всероссийский научно-исследовательский институт
МВД России (Москва, Россия)

antonyaa@yandex.ru

ВОССОЗДАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ И ЕЕ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Аннотация. В статье представлен общий обзор достижений и упущений современной отечественной науки криминологии. Отмечается рубеж, с которого начинается воссоздание этой науки в 50-х годах прошлого столетия, в связи с чем анализируется научное творчество А.Б. Сахарова, И.И. Карпеца, А.А. Герцензона, В.Н. Кудрявцева и других исследователей, воссоздавших российскую криминологическую науку. В настоящее время наблюдается снижение активности в познании явлений криминологического ряда, несовершенство методов сбора эмпирической информации, недостаточное использование достижений других наук.

Ключевые слова: криминология, преступность, личность преступника, преступное поведение.

Для цитирования: Антонян Ю.М. Воссоздание отечественной криминологии и ее современное состояние // Вестник ВИПК МВД России. – 2024. – № 1 (69). – С. 68-80; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-68-80

ANTONYAN YURI M.

National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation (Moscow, Russia)

THE RECONSTRUCTION OF RUSSIAN CRIMINOLOGY AND ITS CURRENT STATE

Annotation. The article presents a general overview of the achievements and omissions of the modern Russian science of criminology. The milestone is marked from which the reconstruction of this science begins in the 50s of the last century, in connection with which the scientific work of A.B. Sakharov, I.I. Karpets, A.A. Herzenzon, V.N. Kudryavtsev and other researchers who recreated Russian criminological science is analyzed. Currently, there is a decrease in activity in cognition of

criminological phenomena, imperfection of methods for collecting empirical information, insufficient use of achievements of other sciences.

Key words and word combinations: criminology, criminality, criminal personality, criminal behavior.

For citation: Antonyan Yu.M. The reconstruction of Russian criminology and its current state // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. – 2024. – № 1 (69). – P. 68-80; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-68-80

Криминология, как и многие другие науки, была разгромлена сталинским режимом еще в 30-х годах. Криминологические исследования лишились своей организационной базы в Москве и других городах. Публикации на криминологические темы отсутствовали.

Возродиться криминологические исследования начали, причем очень робко, с конца 1950-х годов с разрешения партийных властей. Такие исследования стали проводиться во Всесоюзном научно-исследовательском институте криминалистики Прокуратуры СССР, в Институте государства и права Академии наук СССР, во Всесоюзном институте юридических наук, в Научно-исследовательском институте милиции МВД СССР (ныне - ВНИИ МВД России). Этими учреждениями был осуществлен ряд интересных криминологических изысканий. Их проведение особенно активизировалось после того, как постановлением Совета Министров СССР от 30 мая 1963 г. был создан Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. Этот институт на многие годы стал лидером в криминологической науке. Разработкой проблем преступности стали заниматься в высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Свердловска, Саратова, Киева, Воронежа и других городов, а также в союзных учреждениях прокуратуры и органов внутренних дел.

Криминологические работы тех лет отличались тем, что, во-первых, их результаты были получены с помощью весьма несовершенных методических способов и на столь же ущербной методологической базе. Во-вторых, они часто представляли собой статистические обзоры в тех скудных пределах, в каких статистика была дозволена для всеобщего и даже ведомственного потребления. Все публикации, которые строились на материалах сплошной статистики, выходили в свет только с грифом «секретно». В-третьих, познание природы и особенно причин преступности в те годы осуществлялось чрезвычайно робко,

в узких демагогических рамках, разрешенных правящей партией. Поэтому соответствующие труды в основном носили описательный, а не объяснительный характер. В них подчеркивалась принципиальная возможность ликвидации преступности с построением коммунизма, всячески сглаживались серьезные противоречия в СССР, зато огромное внимание уделялось преступности и ее причинам в капиталистических странах, что всегда считалось прекрасной возможностью показать гибельность капиталистического пути развития и разоблачить буржуазные нравы.

Так, еще в 1951 году вышла книга А.А. Герцензона «Преступность в странах империализма». Теперь она уже забыта, но в послевоенный период это все-таки была первая большая криминологическая работа. Не следует забывать об этом важном обстоятельстве, хотя это была книга-разоблачение капитализма.

Подлинной вехой в истории криминологии стала книга выдающегося ученого А.Б. Сахарова «О личности преступника и причинах преступности в СССР», увидевшая свет в 1961 году. Конечно, и она была не свободна от идеологических напластований, но, несмотря на это, она уже явилась серьезным шагом вперед. И сейчас, читая ее через более чем полвека после опубликования, явственно ощущаешь, как теоретическая мысль мучительно находит пути решения проблем, прокладывая путь новым творческим поискам. Уверен, что монографию А.Б. Сахарова следует считать днем рождения отечественной криминологии.

Сахаров А.Б. различает уровни причинности в криминологии. Первый – это личность, индивидуальное преступное поведение и среда. Здесь внимание сосредоточено на специфике личности преступника и социально-психологических вопросах, причем надо отметить, что проблема личности поставлена во всей возможной (на тот период времени) полноте, и эта личность признается автором основным источ-

ником преступных действий. Криминогенный потенциал личности определяется как индивидуалистическая установка, якобы неизбежная при классово антагонистической организации общества. Естественно, что такое утверждение оказалось тупиком, из которого, в сущности, невозможно выбраться, хотя некоторая попытка и была предпринята: наличие индивидуалистической установки у отечественных преступников объяснялось отставанием сознания от бытия, влиянием капиталистического мира и экономическими условиями жизни людей.

Следует особо остановиться на отставании индивидуального сознания от бытия, возведенном в ранг одного из законов общественного развития. Это было великодушным изобретением советских «мыслителей», я даже не допускаю, что к этому могли приложить руку серьезные философы. Такое отставание было универсальным способом объяснить любой неблагоприятный поступок – от скопидомства до убийства. Но при этом, однако, неясно, от какого именно бытия имеет место отставание – неужели от нищенской тоталитарной жизни?

Общий вывод здесь был таков: глубина, стойкость, направленность антиобщественных взглядов и установок в сочетании с факторами внешней среды объясняют не только возможность антиобщественных проявлений, но и степень их общественной опасности, легкость, с которой субъект избирает подобный образ действий. Этой концепции можно дать очень высокую оценку, в первую очередь, имея в виду полноту охвата факторов, определяющих преступное поведение. В пользу такой оценки говорит и тот факт, что названный взгляд неоднократно повторен во множестве работ, хотя иногда и в несколько иных выражениях и с несущественными добавлениями. Но суть осталась прежней, что не может не вызывать сожаления, поскольку свидетельствует о том, что криминология в значительной своей части топталась на месте.

Много внимания уделил А.Б. Сахаров микросредовым факторам преступного поведения, впервые выделив семью, школу и неформальные малые группы в качестве самостоятельных объектов криминологических исследований. Было подчеркнута криминогенное значение недостатков в административно-хозяйственной и правоохранительной деятельности, организации

быта и досуга людей, особенно молодежи, упущений в законодательстве.

Вскоре появились и другие работы, оставившие заметный след в криминологической науке. К ним относятся монографии: А.А. Герцензона «Введение в советскую криминологию» (1965) и «Уголовное право и социология» (1970), В.Н. Кудрявцева «Причинность в криминологии» (1968), И.И. Карпеца «Проблема преступности» (1969), Н.Ф. Кузнецовой «Преступление и преступность» (1969), А.М. Яковлева «Преступность и социальная психология» (1970), В.К. Звирбуля «Деятельность прокуратуры по предупреждению преступности» (1971), А.А. Жалинского «Теоретические основы предупреждения преступности» (1974). Каждая из них вносила весомый вклад в криминологическую теорию, все они составили ту часть криминологии, без которой она немыслима как наука. Теоретические труды тех лет впервые показали обществу и государству, на чем должна строиться стратегия и тактика борьбы с преступностью, какие возможности может предоставить криминология для обеспечения законности и правопорядка в стране, чем важна эта наука для общества. После долгих лет сталинских репрессий криминология стала призывать к тому, чтобы видеть в преступнике прежде всего человека, который далеко не всегда может управлять своим поведением. Криминология способствовала смягчению общественных нравов и гуманизации общества. Представления об эффективности уголовных наказаний во многом стали формироваться под воздействием результатов криминологических изысканий. Криминология активно содействовала появлению на свет новых наук, прежде всего социологии уголовного права и криминальной (судебной) психологии.

Каждая из перечисленных работ конца 1960-х годов заслуживает самостоятельного (и благодарного) анализа. Не случайно и сегодня их индекс цитируемости остается высоким. Но нельзя более обстоятельно не остановиться на вышедшем в 1966 году учебнике «Советская криминология» – первом в СССР и в России. Его без преувеличения можно назвать классическим, прежде всего имея в виду структуру этого труда, которая по сей день соответствует основным направлениям криминологических творческих усилий и учебной работе.

Как свидетель тех лет замечу, что тогда в криминологии работать было очень интересно, поскольку все казалось новым, неизведанным, ждущим открытий. Некоторые результаты воспринимались как сенсации, имеющие огромное значение для страны.

В первые годы воссоздания отечественной криминологии особое внимание уделялось методике эмпирических исследований. Именно методике, а не методологии, которой, естественно, считалась марксистско-ленинская материалистическая диалектика. Но ею в криминологии, в общем-то, не интересовались, хотя указания на ее методологическую бесценную значимость фигурировали во всех работах вплоть до коммунистического краха. Разрабатывались и совершенствовались практически только социологические методы, прежде всего анализа статистики и анкетные. Но в те годы сама социология только-только становилась на ноги, и опыта применения социологических подходов и методов было мало. Тем не менее с их помощью впервые за всю историю советской криминологии был произведен целый ряд научных сообщений и анализов статистических данных о состоянии преступности и судимостях за длительный период как по стране в целом, так и по регионам и союзным республикам. Очень важно, что стали осуществляться выборочные исследования отдельных видов преступности, преступности в краях и областях, городах и сельской местности, а также личности преступника. Бесспорным лидером в такого рода работах был Всесоюзный научно-исследовательский институт прокуратуры; он же, главным образом, информировал высшие партийные и правительственные инстанции о действительном состоянии преступности, а затем уже они принимали решения. Разумеется, делались очень оптимистические выводы. Так, утверждалось, что проявляется тенденция к снижению преступности [1].

Воссоздание отечественной криминологии проходило в аспекте борьбы по поводу соотношения биологического и социального. Надо отметить, что вообще вопрос о соотношении социального и биологического принадлежит к числу самых сложных в науках о человеке и человеческом.

В конкретных советских условиях он носил особый характер – политико-идеологический. Поэтому и дискуссии вокруг него,

и приводимые аргументы в советской криминологии были не только и не столько научными, порой просто демагогическими, а подчас и непристойными, поскольку критики иногда опускались до уровня личных оскорблений.

Острота данной проблемы в коммунистической системе определялась тем, что она была намертво привязана к господствующему марксистско-ленинскому учению. Это учение было кровно заинтересовано в том, чтобы как можно больше усилить признание роли социальных факторов в личности и человеческом поведении. Такое усиление стало совершенно необходимым потому, что марксизм исходил из непреложной возможности относительно четкой социальной переделки человека и лепки новой – послушной, комфортной, усредненной, неприхотливой и нерассуждающей личности. Ее формирование могло быть таким же, как в антиутопиях Е. Замятина, О. Хаксли и Д. Оруэлла.

Напротив, укрепление взглядов о более высоком значении биологических факторов рисовало человека неустойчивым, сопротивляющимся попыткам превращения его в «строителя коммунизма». Разумеется, это была идеологическая диверсия – «незаконное» проникновение в «ангельски чистую» советскую юридическую науку «грязных и ложных» теорий. С этим было совершенно необходимо бороться всеми методами, в том числе репрессивными. Конечно, в 1960-е годы криминологов уже не сажали в тюрьмы, но расправиться каким-нибудь иным способом вполне могли. Например, просто выгнать с работы и не давать никакой возможности опубликовать результаты своих научных изысканий. Поскольку в науке господствовали вульгарные «социологи», постоянное поношение инакомыслящих было обеспечено.

Примитивизация криминологии путем вульгарной социологизации позволяла быстро и четко доказать, что только внешняя социальная среда, только ненадлежащее воспитание могли привести к совершению преступлений. Биологические задатки человека, его психика и психология не находили (и не находят сейчас) должного места в теоретических построениях относительно личности преступника и причин преступного поведения. Более того, уже с середины 60-х годов XX в. начали появляться работы, в которых подвергались

резкой критике все труды западных криминологов. В них якобы господствовали биологические теории преступности, поэтому расправа с ними объявлялась первостепенной задачей. Особенно доставалось самой битой фигуре в мировой криминологии – Ч. Ломброзо. Считалось установленным, что биологизаторские учения развязывают руки для внесудебных расправ с теми, кто якобы может стать на путь совершения преступлений. Все такие учения однозначно клеймились как реакционные и даже фашистские, их критика стала немаловажной частью тоталитарного идеологического подавления общества. Это была война со свободомыслием.

Не надо думать, что все наши криминологи-«биологи» (их было очень мало) стояли на антисоветских позициях. Напротив, их интерес к биологическим проблемам подогревался как раз прекрасной возможностью продемонстрировать свою лояльность режиму. Схема рассуждений здесь было до убогости проста: если при социализме нет социальных причин преступности, то, следовательно, действуют биологические факторы или преимущественно они, поскольку «третьего не дано». Иначе говоря: некоторые люди настолько плохи, что даже социализм им не поможет. Но до такой крамолы дело, естественно, не доходило, поскольку считалось, что социализм может все.

Основным пороком криминологических работ по проблеме «социальное-биологическое» была не только огульная критика исследований западных криминологов (причем сами эти исследования в нашей стране не публиковались, о них знали только с голоса тех, кто их шельмовал). Другим, еще более серьезным недостатком, было то, что советские критики-криминологи не располагали абсолютно никакой эмпирической информацией о роли биологического в формировании личности преступника и преступного поведения. Это неудивительно, поскольку в СССР (а потом в России) такие исследования попросту никогда не проводились. Поэтому разоблачители биологических концепций, равно как и их сторонники, вынуждены были использовать данные из опубликованных трудов биологов о роли биологических факторов в человеческом поведении вообще, нисколько не смущаясь тем обстоятельством, что в названных трудах преступные

действия или личность преступника даже не упоминались. Очень часто участники дискуссий вообще никаких эмпирических сведений не приводили, ограничиваясь самыми общими соображениями и ссылками на почтенные труды друг друга.

Удивительно, но ни у кого не появлялось желания вначале провести конкретное исследование, а уже затем, используя его результаты, строить какие-то концептуальные схемы. Причина такого положения до обидного проста: организовывать и осуществлять криминологическое исследование, налаживать кооперацию с биологами сложно и хлопотно. Гораздо проще, обложившись трудами специалистов в области биологии (генетики), криминологии, реже психиатрии, компилировать работы, которые, несмотря на всю их внешнюю полемичность и остроту, не прибавляли совсем ничего нового в науку и ничем не помогали практике. В этой области криминология топталась на месте. С сожалением надо отметить, что подобная порочная исследовательская практика, осуществлявшаяся еще в начале 1960-х годов, оказалась очень живучей в отечественной криминологии. Так, многие исследователи, считающие себя теоретиками, никогда не опираются на собственные, эмпирические изыскания, считают возможным изучение, например, личности преступника лишь по материалам уголовных дел и уголовной статистики.

Но все-таки даже компилятивные криминологическо-биологические работы ни в коем случае нельзя считать ненужными. Они зафиксировали определенный этап в развитии отечественной криминологической мысли и стимулировали дальнейшие изыскания в области познания причин совершения преступлений. Они, иными словами, позволили предположить наличие еще неизвестных науке внутренних механизмов, имеющих детерминистический потенциал. Они, наконец, наглядно показали, что наука человеческого профиля не может двигаться вперед лишь на основе абстрактного теоретизирования без глубоких эмпирических исследований. В этом особенно убеждают достижения в психологии, в частности психоанализа, аналитической психологии, трансперсональной психологии. Тем не менее в криминологии начала 60-х годов XX в. были сделаны первые шаги в познании

личности преступника и причин преступного поведения, чем была заложена основа для будущих исследований природы и причин преступности в целом.

В послевоенный период первые «мощные» удары по буржуазным биологическим и биосоциальным концепциям причин преступности были нанесены во второй половине 60-х годов. Именно тогда в криминологической литературе появилось два больших очерка А.А. Герцензона «Против биологических теорий причин преступности». Они надолго определили развитие криминологической мысли и общую тональность теоретических криминологических исследований.

У меня нет желания подробно анализировать все достоинства и недостатки названных очерков. Но в качестве общей оценки хочу заметить, что А.А. Герцензон проделал огромную работу по обобщению многолетних исследований зарубежных и отечественных ученых, изложил результаты и основные выводы этих исследований, разумеется, так, как он видел эти результаты. Поэтому труд А.А. Герцензона заслуживает похвалы, тем более что подобных аналитических обзоров в советской криминологии тогда не было. В этом его непреходящая ценность, в том числе в историческом плане. Вместе с тем необходимо отметить то, что вызывает активное неприятие.

Герцензон А.А. смело критиковал З. Фрейда, но, судя как раз по этой критике, довольно плохо знал работы последнего. Многие труды Фрейда, видимо, ему были просто неизвестны.

О том же, какое значение А.А. Герцензон придавал изучению личности преступника и как вообще он понимал значение преступника для объяснения преступности и ее причин, очень наглядно свидетельствует утверждение А.А. Герцензона, что медико-психиатрическое изучение преступника прямого отношения к криминологии не имеет. Оказывается, если психолог, медик, психиатр, антрополог начинают изучать криминологические явления, это неминуемо приводит к биологизации социального явления. Вывод: для «амнистии» неоломброзианства нет и не может быть никаких оснований. Борьба с буржуазной криминологией является частью той острой идеологической борьбы, которая велась и ведется советскими учеными на всех участках идеологического фронта [2].

Итак, наука – это фронт. Все остальное вытекает из этого.

«Опаснейшие» буржуазные криминологические теории буквально преследовали А.А. Герцензона, как святого – видения нагих дев. Их «развенчание» стало целью его жизни, он успешно продолжил его и в первом советском учебнике по криминологии (1966). Здесь, как, впрочем, и ранее, он «немножко» спутал психиатрию и психологию с биологией. Так, А.А. Герцензон с пригорь писал, что в XIX в. «широкое распространение психологии и психиатрии обусловило попытки объяснить природу преступления, исходя из биологических особенностей людей, из их психофизической структуры». Оказывается, «первоначально биологическая теория не выходила за рамки психиатрии» [3]. Все же люта опасность ломброзианских и неоломброзианских теорий в том, что они открывают дорогу для незаконных репрессий [3, с. 46].

Замечу, что это писал вроде бы многоопытный научный работник, который не должен смешивать психологию с биологией, еще в 1951 году опубликовавший упоминавшуюся выше монографию «Преступность в странах империализма». Она полностью построена на большевистских концепциях и обильно оснащена ссылками на труды неистовых ревнителей законности – Сталина, Вышинского, Молотова, Суслова, Маленкова.

Все вышеизложенное о работах А.А. Герцензона в части критики им буржуазных криминологических теорий, особенно ломброзианства и неоломброзианства, вовсе не представляет собой попытку принизить роль этого ученого в становлении отечественной криминологии. Герцензон А.А. стоял у ее истоков и многое сделал для формирования ее основных проблем; в частности, он является создателем социологии преступности – важной части криминологии, одним из творцов структуры этой науки. С его самым активным участием подготовлен первый криминологический учебник – в те годы это было большое событие. Многие монографические труды А.А. Герцензона не утратили своей значимости по сей день. Критика им ломброзианства – это скорее социальный заказ или (и) прямое указание власти.

Я склонен думать, что период воссоздания отечественной криминологии закончился в год опубликования монографии

В.Н. Кудрявцева «Причинность в криминологии» (1968). Этот труд открыл новую страницу в истории научных криминологических знаний. Он на многие годы определил основные направления творческих усилий, и если они были успешны, то в значительной мере обязаны этим названной работе. Думаю, что криминальная психология как наука берет в ней свое начало.

Со временем, при некотором ослаблении партийно-государственного гнета на науку и предоставлении некоторой свободы научной мысли, шаг за шагом, а затем все более наступательно криминологи стали уделять растущее внимание действительным причинам преступности в целом, ее отдельных проявлений, личности преступника, причинам индивидуального преступного поведения.

Ближе к концу советской эры появились криминологи, которые стали прославлять этот период, так сказать, с другого конца. В роли первооткрывателя выступил И.С. Ной, работу которого «Актуальные проблемы советской криминологии» можно расценивать как попытку подорвать основы этой науки в ее советском понимании. Мысль И.С. Ноя, которая легла в основу этой монографии, была проста: если советский строй и советское общество были непорочны и чисты, как первый снег, то причина преступности должна была корениться в самой биологии преступника. Ной И.С., несомненно, противоречил А.А. Герцензону, но они, взятые вместе, в сущности, обеляли советский строй.

Особое место в науке криминологии занимает творчество В.Н. Кудрявцева. Его монографии «Причинность в криминологии» (1988 г.), «Причины правонарушений» (1976 г.), «Генезис преступления», Опыт криминологического моделирования» (1998 г.), «Преступность и нравы переходного возраста» (2017 г.), «Борьба мотивов в поведении» (2007 г., 2017 г.) и ряд других книг, статей и учебников справедливо считаются классикой отечественной криминологии.

Яковлев А.М., обращаясь к работам Кудрявцева по криминологии, пишет: «Криминология расширяет ... предмет исследования, увязывая ... поведение с порождающими его причинами, условиями и обстоятельствами. Научное исследование любого предмета не может ограничиваться лишь

его рамками, но требует включение данного предмета в более широкие, функционально с этим связанные структуры, что только и позволяет избежать объяснения предмета «из самого себя». В этом смысле важно учесть, что реакция государства на нарушения уголовного закона есть лишь элемент более общей (и более сложной) структуры взаимодействия права и общественно значимого поведения людей» [4, с. 124]. В этом смысле знаменательно, что оригинальная работа В.Н. Кудрявцева, «открывающая» криминологическое направление исследований ученого, называется «Право и поведение». В ней автор рассматривает основные формы и возможности воздействия правовых принципов и норм на поведение отдельных лиц и коллективов, характеризует информационную функцию права, вносит предложения о повышении его роли в обществе.

Последнее обстоятельство в наиболее развернутом виде получило отражение в коллективной монографии «Эффективность правовых норм». Кроме научно обоснованного понятия эффективности правовых норм (соотношения между фактическим результатом их действия и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты) в работе рассматривается соотношение эффективности и иных свойств социального действия норм и права, формируются основные методики прикладного социологического исследования рассматриваемой проблемы. Кудрявцевым В.Н. подготовлены § 1 «Понятие и классификация условий эффективности действия правовых норм», § 3 «Совершенствование правоприменительной деятельности» (в соавторстве с В.И. Никитинским) и § 4 «Уровень правосознания» гл. 3 «Общие условия эффективного действия правовых норм».

Анализ проблем, рассмотренных в монографии «Право и поведение», был продолжен в авторской работе ученого «Правовое поведение: норма и патология». На основе философской, социально-политической, юридической и психологической литературы, с учетом результатов социально-правовых исследований и материалов судебной практики, рассмотрено правомерное и противоправное поведение граждан, должностных лиц и коллективов в обществе. Автором введено понятие «правовое (т.е. урегулированное правом) поведение»

и дана характеристика «нормы». Как нам кажется, особый интерес представляют рассуждения ученого о правовом поведении, его природе и механизме правового регулирования, деформации поведения, природе противоправного поведения, причинах правонарушений и др.

В начале 90-х гг. прошлого века девиантное поведение личности находится в центре внимания В.Н. Кудрявцева. Достаточно указать, что в эти годы была подготовлена коллективная работа «Социальные отклонения. Введение в общую теорию», получившая высокую оценку научной общественности не только в России, но и зарубежных ученых-юристов. Как отмечается в литературе, был «... сделан новый шаг в изучении социальных отклонений, выяснении их природы, видов, причин, тенденций, равно как и мер борьбы с ними. В монографии более подробно рассмотрены нарушения правовых норм, хотя авторы этим не ограничиваются, анализируя и ряд основных аспектов отклонений от иных социальных норм (моральных, политических, этических и т.д.)» [5, с. 31].

Заметный вклад в криминологическую теорию внес М.М. Бабаев. Он впервые рассмотрел преступность как процесс, в темпоральном контексте исследовал проблему относительной самостоятельности и единства настоящего, прошлого и будущего преступности. Показал особенности ее формирования на каждом из этих трех этапов движения, характерные ошибки при оценке криминального прошлого, при широко распространенной практике объяснения «сегодняшнего» «сегодняшним». Акцент сделан на абсолютно нетерпимом положении с прогнозированием будущего преступности: в огромной стране с немалой преступностью есть только один прогностический центр – ВНИИ МВД России [6].

В соавторстве с Ю.Е. Пудовочкиным также впервые на монографическом уровне М.М. Бабаевым исследованы проблемы криминальной рискологии [7]. Актуальность этой тематики трудно переоценить. Мы живем в эпоху всеобщего риска, нельзя выделить место или временной интервал, где бы и когда бы не встречались риски; нет безрисковых видов деятельности. Но криминологи до последнего времени не замечали (чтобы не сказать игнорировали) и эту проблему, и реальный вред, который на самом деле приносят

риски, «отпущенные на свободу». Хочется верить, что уже недалеко то время, когда рискологическая тематика по праву займет свое место в ряду самых актуальных проблем современной криминологии.

Впервые введена в научный оборот в качестве относительно самостоятельного направления (отрасли) уголовной политики категория – судебно-уголовная политика [8]. Предмет исследования здесь – уголовная политика, реализуемая судом. Но суд не просто ее ретранслятор, а обладатель права решать уголовно-политические задачи с учетом собственных правовых позиций, т.е. проводить свою политико-правовую линию. Отсюда – относительная самостоятельность судебно-уголовной политики, целесообразность ее выделения и актуальность изучения.

Болевая точка криминологической науки – ее далекие от образцовых междисциплинарные связи. Поэтому в первую очередь обращают на себя внимание посвященные этой проблематике работы М.М. Бабаева, написанные им самим и в соавторстве с Ю.Е. Пудовочкиным. Акцент в них сделан на связях или, лучше сказать, взаимосвязях криминологии с уголовным правом и уголовной политикой. Во всех случаях четко просматривается стремление авторов интегрировать теоретические достижения смежных наук, сочетать их друг с другом, способствовать формированию интегративного знания о связи политической, уголовно-правовой и криминологической деятельности. Считаю, что здесь достойны упоминания и статья [9, с. 7-19], и глава в учебнике [10], и монография [11].

Бабаев М.М. первый в современной криминологии исследовал влияние социально-демографических процессов, в том числе миграции, на преступность.

В ряду классиков отечественной криминологии следует назвать Г.А. Аванесова, творчество которого, по-моему, осталось недооцененным. Между тем ему принадлежат фундаментальные труды, в числе которых в первую очередь следует назвать работы по криминологическому прогнозированию, особенно монографию «Теория и методология криминологического прогнозирования» (1972 г.). Он является основоположником теории криминологического прогнозирования и вытекающих из нее проблем профилактики преступности, в частности планирования мер борьбы с ней.

Аванесов Г.А. является автором более 15 крупных работ – монографий, учебников и учебных пособий. Только в XXI в. были опубликованы такие его книги: «Преступность и социальные условия. Криминологические рассуждения» (2010 г.), «Социальные образования и преступность. Криминологические рассуждения и заметки» (2011 г.), «Десять глав о мотивации и мотивах. Через призму науки криминологии» (2012 г.), «Популярная криминология. Очерки общей части» (2013 г.), «Общество. Личность. Мотивация» (2015 г.). Среди всех работ этого ученого я хотел бы особо выделить его фундаментальный труд «Криминология и социальная профилактика» (1980 г.).

В этой работе последовательно использованы ключевые разделы криминологии, в том числе ее предметы и методологии, функции, цели и задачи, истории развития, оценка возможностей и соотношение с другими науками и практикой, понятие и причины преступности, личность преступника и причины преступного поведения, методика эмпирических исследований, основы прогнозирования и теория социальной профилактики. По своим масштабам она занимает особое место в науке, в частности изложенное в ней учение о профилактике преступности весьма актуально и по сей день.

В анализированной монографии Г.А. Аванесова мне особенно близки его мысли о неразрывности причин преступности и причин индивидуального преступного поведения. Автор обоснованно считал, что переплетение в причинах преступности объективных и субъективных моментов требует различного подхода к их анализу. Взаимопроникновение объективного и субъективного начал прослеживается на всех уровнях преступности. Это вызывает необходимость исследования объективных и субъективных причин в единстве и взаимосвязях [12, с. 87]. Полагаю, что постижение природы и причин преступности требует исследования не только общественных, в том числе исторических, явлений и процессов, но еще и самого человека как социального и биологического существа. Совершение преступлений неизбежно, но ни в коем случае не относительно отдельного человека, которого природа и обще-

ство наделили способностью выбирать линию поведения, а если он ею не обладает, то не может считаться преступником.

Подведем некоторые итоги, не претендующие на общую оценку отечественной криминологии в данное время.

Современная постсоветская криминология не могла не воспринять всех тех достижений и даже ошибок, которыми отличалась предыдущая эпоха. Это относится ко всем областям криминологической науки.

Тем не менее не сразу, постепенно стали изменяться научные представления о причинах преступности. Больше уже не стало утверждений о криминогенной роли отставания сознания от счастливого бытия или о тлетворном влиянии капиталистического окружения. Их место в начале, в 90-х годах прошлого века, заняла мысль (особенно в диссертационных работах) об утрате людьми высоких духовных идеалов о строительстве коммунизма, а их место не было занято ничем. Действительно, об этом немало писали ученые и публицисты и при этом напряженно искали новую идею, хотя она была на поверхности и давно ждала своего часа. Эта идея – о высоком материальном достатке человека и таком же уровне культуры, об обеспеченности его прав, чести и достоинстве. Что касается «высоких» коммунистических идеалов, то в них никто давно уже не верил, несмотря на потоки лжи, лившиеся из уст профессиональных болтунов, которые тоже в это не верили. Люди жили в обществе «строителей коммунизма», потому что родились в нем и о строительстве его не думали, они просто жили так, потому что так жили все.

За весь постсоветский период истории России криминология как бы застыла и развивается очень медленно, в основном за счет кандидатских диссертаций. Однако от них не стоит ждать новых теоретических идей. В целом уровень и качество криминологических исследований еще нельзя признать удовлетворительными.

Прежде всего очень мало работ междисциплинарного характера, то есть совсем недостаточно совместных исследований криминологов с психологами (патопсихологами), психиатрами, биологами, этнологами и др. Можно предположить, что у отдельных людей есть биологическая предрасположенность к совершению преступлений, особенно насильственных, но не только их: поскольку многие корыстные

правонарушения совершаются вследствие высокой тревожности, то вполне возможно, что последняя возникает на биологической почве. Подчеркиваю, что это мое предположение, а не утверждение, а поэтому оно нуждается в эмпирической научной проверке. Для меня несомненно, что современная гуманитарная наука должна развиваться в кооперации с другими науками, причем совсем необязательно гуманитарными.

В частности, кооперации с другими науками отличный пример подает криминалистика. Она «дружит» не только с юридическими науками (уголовным процессом, криминологией, гражданским процессом, административным правом), но и с рядом неюридических (судебной медициной (в том числе судебной психиатрией), химией, антропологией, рядом технических наук). Без такого сотрудничества криминалистику трудно себе представить.

Криминолог за все годы своего юридического обучения не получает достаточных психологических знаний, в должной мере не имеет представления о возможностях психологии в познании человека и социальных процессов. Юридическому сознанию социология, причем весьма упрощенно, всегда была ближе, чем психология и тем более психиатрия или сексология. Поэтому Ч. Ломброзо и немногих его последователей можно назвать находкой для криминологии, помня при этом, что Ч. Ломброзо не был юристом.

Вот почему проблемы, например убийств и изнасилований, исследуются в основном социологическими методами, без необходимого проникновения в психологию субъекта, тем более бессознательную часть психики, без понимания действительных мотивов преступного поведения. Сексуальные преступления в большинстве случаев изучаются без применения сексологических подходов и методов, а тем более без участия ученых-сексологов. То же самое можно утверждать и относительно криминологического использования достижений психиатрии, биологии, истории, этнологии и других наук. Вообще научная эрудиция криминологов оставляет желать много лучшего.

Подавляющее большинство криминологов «живого» преступника никогда не видело, не проводило с ним клинических бесед, и не думаю, чтобы кто-нибудь из них

проводил психологическое тестирование преступников. Не изучается «земная» деятельность, формирующая личность преступника, условия его семейного, школьного и трудового воспитания. Преступник даже в местах лишения свободы еще не стал объектом пристального и постоянного криминологического интереса. Боюсь, что криминологи, во всяком случае подавляющее большинство, видели преступников лишь на экранах кино и телевидения в актерском исполнении.

Из одной криминологической работы в другую, из одной диссертации, особенно кандидатской, в другую кочуют не очень нужные сведения демографического характера о преступнике: его поле, возрасте, семейном положении, образовании, занятости, наличии судимости и т.д. Они дают лишь самое общее, внешнее представление о нем, но не раскрывают причины совершенного им преступления, даже если человек ранее был неоднократно судим и не работал. Что может дать науке или практике такая информация: в автореферате одной кандидатской диссертации я прочитал, что 75% содержателей притонов разврата имели незаконченное и среднее образование. Это конечно удивительно, поскольку на такую ответственную работу требуются специалисты высшей квалификации!

Особенно тоскливое впечатление производят криминологические сочинения, в которых сопоставляются полученные автором социально-демографические характеристики преступников с аналогичной информацией других исследователей. Например, по данным «Иванова», среди воров только 40% имеют семьи, а «у меня, Петрова» – 35%, причем это продолжается не годами, а десятилетиями. Ученые-юристы вообще очень любят цитировать других исследователей и ссылаться на их труды, но рекордсменом в этой области должны считаться специалисты в области уголовного права и криминологии. В одной монографии (13 п.л.), посвященной насильственной преступности, я насчитал более 1 300 ссылок на иные исследования, но при этом автором не была проанализирована личность и преступное поведение хотя бы одного человека.

В целом следует признать, что в данное время криминология, к сожалению, развивается недостаточно динамично. Вместе

с тем имеются и серьезные теоретические работы, я имею в виду монографию А.З. Рыбака «Криминология в человеческом измерении» (2020 г.). В этом фундаментальном труде особое внимание уделено личности и ее формированию, причем эти сложнейшие проблемы исследуются на этнологическом и филогенетическом уровнях с использованием различной философской и психологической информации. Высказаны соображения по поводу взаимосвязи между биологическим и социальным в человеке, о правосознании, мировоззрении. Сам автор в заключении подводит итоги своей работы следующим образом.

В первой главе речь идет о человеке как индивидууме, который вырастает в культурно-исторический контекст. Ее цель – показать, что не человека социализируют, а он сам социализируется. Культурно-исторический контекст служит лишь ареной, на которой протекает внутренняя жизнь индивидуума. Но этот контекст содержится только в наших головах, нигде больше. Если сразу после рождения человек внутренне растворяется в мире вещей, то по окончании периода первичной социализации он растворен уже в социальном пространстве. В процессе первичной социализации люди для него лишь вещи, которые позволяют удовлетворить определенные потребности. Соблюдение нормативных предписаний, запретов, а равно их постулирование человеком этого уровня развития личности, происходит лишь постольку, поскольку ему это выгодно, и он в большинстве. Такой человек и других мучает, и сам мучается. Он постоянно носит тюрьму в своей голове, не зная, как из нее выбраться. Именно это обстоятельство при всем внешнем благополучии рождает ощущение экзистенциального одиночества, более известного криминологам как «исключенность». Вероятнее всего, на данном этапе развитие его личности заканчивается. Однако не для всех.

Вторая глава описывает те метаморфозы, которые могут происходить во внутренней жизни человека на этапе вторичной социализации. Здесь он уже существует не в мире вещей, а в мире людей, сначала сам становясь другим, а затем и другим даруя такое право. Если успешно удастся пережить кризис развития своей личности, постепенно к нему может прийти ощущение

сущностной инаковости себя и других людей. После этого в психологическом смысле (намеренно) причинять вред другому он уже не может, поскольку это будет ощущаться как причинение вреда самому себе. Именно об этом говорил И. Кант, вводя в оборот свой «категорический императив» как подлинный моральный закон. Но одно дело прочесть об этом, другое – ощутить всем своим естеством.

Параллельно с процессом формирования и развития личности в первых двух главах освещался вопрос о развитии мировоззренческих систем. Тем самым было показано, как с ходом истории менялись представления людей о преступном. В означенном контексте выявлена прямая связь между социальными онтогенезом и филогенезом. Пунктиром показаны возможные сценарии развития представлений людей о преступном в будущем.

Итог первых двух глав у любого нормального человека должен был вызвать ощущение пессимизма. Автор предпринял попытку усилить это ощущение до предела в третьей главе, приводя примеры новейших достижений в области нейробиологии. Попутно, конечно, предлагались некоторые пути выхода из тупиковой ситуации, хотя особых иллюзий по этому поводу питать не приходится. Приведенный в третьей главе материал лишь микроскопическая часть того, что нам может быть известно. Но нырнуть с головой в нейробиологию и утянуть за собой читателя цели и не ставилось.

В четвертой главе критическому анализу подвергнута современная методология научных исследований. Показан ее закрыто-системный характер, который не дает примирить теорию и эмпирию, науку и практику жизни, не позволяет получать достоверные знания и делать такие же выводы, весь новый опыт запечатывая в опыт имеющийся. В свете положений четвертой главы был сделан намек на то, насколько опасными могут оказаться положения той же нейробиологии, если они начнут использоваться не во благо человека. Бездна содержательности продолжит преследовать и здесь.

Наконец, последние две главы (пятая и шестая) посвящены уже поиску ответов на поставленные ранее вопросы, путям выхода из сложившегося гносеологического тупика [13, с. 292].

Это все очень интересно и не вызывает сомнений, как и высокая научная эрудиция автора, но возникает вопрос личности преступника и т.д. Об этом А.З. Рыбак сказал более чем скупое, но надо заметить, что подобного рода труды уже были, например у И.С. Ноя. Однако заслуживает одобрения сама попытка обратить внимание криминологов на первостепенное значение проблем, рассмотренных А.З. Рыбаком, особенно механизмы формирования личности и роли биологического в человеческих поступках.

При всем том, что криминология ни в коем случае не должна ограничиваться в собственной теории, сама эта теория, как и в любой другой науке, нуждается в развитии. Оно может быть обеспечено как более широким обращением к жизни, так и совершенствованием самих криминологических методов, ростом профессионализма. Криминологи должны понять, что основной функцией науки является объяснение; поэтому следует отвергнуть труды, где такого роста нет, то есть отсутствует движение вперед, и не восхищаться работами, перенасыщенными цитатами.

Очень внимательно должна относиться криминология к социальным, особенно экономическим, переменам в российском обществе. Изменилось поведение людей и отдельных групп, иными стали социальные институты и коммуникации, способы достижения жизненного успеха, постоянно меняются отдельные статьи уголовного закона, жизнь и жизненные планы многих людей все больше стали опираться на собственность. Эти изменения затронули не только беловоротничковую верхушку преступности, но и ее низы. Потеря работы и обеднение широких слоев населения с одновременным выделением кучки сверхбогатых давно стали криминогенным фактором.

Между тем роль бедности и проблем социального дна очень редко привлекает внимание криминологов – я имею в виду не простое упоминание об их отрицательной роли, а глубокое и развернутое исследование этих факторов в криминологии

Бедность стала обыденным явлением. Бедные люди теряют перспективу в жизни, они не живут, а проживают лишь сегодняшним днем; в их среде процветают пьянство, алкоголизм, проституция, бродяжничество, сквернословие, привычка решать проблемы с помощью грубой силы или воровства.

Взросли социальные риски даже для богатых и обеспеченных людей, поэтому они не перестают совершать хищения, брать взятки, уклоняться от уплаты налогов, что для них становится гарантом (и они ощущают это так) их материальной стабильности. В эту игру оказываются вовлечены и те, кто ранее не совершал таких корыстных преступлений. Вот почему боязнь «свалиться» вниз стала играть ведущую роль в преступном поведении тех, кто занят в управленческой и экономической деятельности.

Эти криминогенно значимые данные приведены здесь не для объяснения причин преступности, а только для иллюстрации необходимости всестороннего учета изменений в социальной жизни. Конечно, такие изменения постоянно констатируются криминологами, однако далеко не всегда указывается, каковы каналы их влияния на преступность, какие социальные и социально-психологические механизмы здесь имеют место.

1. Советская криминология на современном этапе: материалы конференции. – М., 1973.
2. Герцензон А.А. Против биологических теорий причин преступности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1967.
3. Криминология: учебник. – М., 1966.
4. Яковлев А.М. Краткий очерк научно-организационной и общественной деятельности академика В.Н. Кудрявцева // Государство и право. 1998. № 4.
5. Академик В.Н. Кудрявцев, опередивший свое время (к 100-летию со дня рождения). – М., 2023.
6. Бабаев М.М. Преступность как процесс (теоретические и прикладные проблемы изучения) // Российский криминологический взгляд. 2010. № 2.

7. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Очерки криминальной рискологии: монография. – М.: Юрлитформ, 2021.
8. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Судебно-уголовная политика: монография. – М.: Юрлитформ, 2022.
9. Бабаев М.М. Криминология и уголовная политика // Юристъ-Правоведъ. 2012. № 2 (51).
10. Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов: в 3 т. Том 1. Введение в уголовное право / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. и рук. авт. кол. А.И. Чучаев. – М., 2022.
11. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Уголовная политика и преступность: трансформации в эпоху социальных перемен. – М.: Юрлитформ, 2023.
12. Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. – М., 1980.
13. Рыбак А.З. Криминология в человеческом измерении. – М., 2020.

Информация об авторе:

Ю.М. Антонян,

главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем социологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, изучения общественного мнения о полиции центра по исследованию проблем криминологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, анализа и прогнозирования преступности, социологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, изучения общественного мнения о полиции, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, заслуженный работник МВД, почетный работник высшего профессионального образования

About the author:

Yu. M. Antonyan,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored worker of Science of the Russian Federation, Honorary Worker of the Ministry of the Interior, Honorary Worker of Higher Professional Education, Chief Researcher of the Department for the Study of the Problems of Sociological Support of the Activities of the Internal Affairs Bodies, Study of Public Opinion about the Police of the Center for the Study of the Problems of Criminological Support for the Activities of the Internal Affairs Bodies, Analysis and Forecasting of Crime, Sociological Support of the Activities of the Bodies police investigating police

Статья поступила в редакцию 10.02.2024

Научная статья

doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-81-88

МИХАЙЛОВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА¹

kis-01@mail.ru

СТРАУНИНГ ЮЛИЯ АНАТОЛЬЕВНА²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
(Москва, Россия)

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Преступность в сфере семейно-бытовых отношений представляет повышенную общественную опасность и влечет негативные последствия как для членов семьи, так и общества в целом. Специфика семейно-бытовой сферы, закрытость от внешнего контроля создают трудности выявления и пресечения возникающих в ней негативных явлений. Многообразие причин, вызывающих преступное поведение, значительно снижают возможности профилактики. Зачастую преступления в семейно-бытовой сфере обусловлены виктимологической природой, а именно поведением самих жертв. Изучение особенностей жертв преступлений в сфере семейно-бытовых отношений значительно расширяет возможности профилактики преступлений.

Ключевые слова и словосочетания: жертва преступления, семейно-бытовая преступность, насилие, причины и условия преступности в семье.

Для цитирования: Михайлова Е.В., Страунинг Е.А. Виктимологические особенности жертв преступлений в сфере семейно-бытовых отношений // Вестник ВИПК МВД России. - 2024. - № 1 (69). - С. 81-88; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-81-88

**MIHAJLOVA ELENA V.
STRAUNING YULIYA A.**

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya (Moscow, Russia)

**VICTIMOLOGICAL FEATURES OF VICTIMS
OF CRIMES IN THE FIELD OF FAMILY
AND HOUSEHOLD RELATIONS**

Annotation. Crime in the sphere of family and household relations poses an increased social danger and entails negative consequences for both family members and society as a whole. The

specifics of the family and household sphere, the closeness from external control create difficulties in identifying and suppressing negative phenomena that arise in it. The variety of causes of criminal behavior significantly reduces the possibilities of prevention. Crimes in the family and household sphere are often caused by the victimological nature, namely the behavior of the victims themselves. The study of the characteristics of victims of crimes in the field of family and household relations significantly expands the possibilities of crime prevention.

Key words and words combinations: crime victim, domestic crime, violence, causes and conditions of crime in the family.

For citation: Mihajlova E.V., Strauning Y.A. Victimological features of victims of crimes in the field of family and household relations // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. – 2024. – No. 1 (69). – P. 81-88; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-81-88

В Российской Федерации семья выступает традиционной духовно-нравственной ценностью наряду с жизнью, достоинством, правами и свободами человека, патриотизмом, гражданственностью. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации¹ 2024 год признан годом семьи, что предусматривает реализацию разнообразных экономических, политических, правовых, образовательных мер, направленных на защиту семьи и сохранение семейных ценностей.

В семье люди общаются наиболее тесно, вплотную, не фрагментарно, как в иных социальных сферах. Но действительно ли семья всегда является самой близкой, родной и понятной? К сожалению, нет. Самые страшные преступления совершаются в отношении самых близких людей: детей, родителей, супругов.

Чаще всего потерпевшими от преступлений в сфере семейно-бытовых отношений

являются женщины и несовершеннолетние. Так, в 2022 году потерпевшими признано 1 168 399 человек, из них 598 726 женщин (6 477 – погибло, 9 447 – причинен тяжкий вред здоровью, 9 431 – причинен вред здоровью средней тяжести). От члена семьи пострадало 59 330 женщин (из них от родителей – 39 781 человек; сына (дочери) – 6 245; супруга – 10 855), от сожителя (сексуального партнера) – 18 333, от бывшего супруга (бывшего сожителя, сексуального партнера) – 6 080².

Если из всех потерпевших женщины составляют половину, то в группе насильственных преступлений в отношении члена семьи женщины занимают лидирующее положение: в 2022 году из 28 819 пострадавших от преступлений, сопряженных с насильем в отношении члена семьи, 21 070 женщин (73,1%) и 7 250 детей (25,1%)³ (табл. 1).

Сведения о количестве потерпевших женщин за период январь-декабрь 2022 года

Таблица 1

Совершенное преступление	Всего потерпевших	Членом семьи	Из них			Сожителем, секс. партнером	Бывшим супругом (бывшим сожителем, секс. партнером)
			Родителем	Сыном, дочерью	Супругом		
Убийство (ст. 105-107 УК РФ) (включая приготовление и покушение)	2 104	389	57	123	172	343	87
Причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ)	1 137	163	101	17	34	32	1

¹О проведении в Российской Федерации года семьи [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 22 ноября 2023 г. № 875 // url: <https://base.garant.ru/408052277/> (дата обращения: 12.02.2024).

²Сведения о количестве потерпевших женщин // Форма статистической отчетности «Сведения о преступлениях, по которым имеются потерпевшие». Форма 445, кн. 12, раздел 2. – М.: ГИАЦ МВД России.

³Сведения о преступлениях, сопряженных с насильственными действиями, а также количестве потерпевших по преступлениям данной категории // Форма статистической отчетности «Сведения о преступлениях, по которым имеются потерпевшие». Форма 445, кн. 11, раздел 4. – М.: ГИАЦ МВД России.

Доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ)	156	5	0	1	2	3	0
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ)	2 980	576	32	171	352	911	87
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ)	850	191	5	75	104	299	9
Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ)	6 314	1 181	37	226	858	1 561	292
Умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ)	9 446	1 949	197	394	1 228	2 375	338
Побои (ст. 116 УК РФ)	902	24	9	3	12	7	3
Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 116.1 УК РФ)	4 871	1482	221	321	755	1 553	466
Истязание (ст. 117 УК РФ)	1 462	677	148	84	364	586	90
Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ст. 118 УК РФ)	771	203	90	54	52	84	13
Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ)	30 135	9 406	590	2 044	6 222	8 755	2 680
Изнасилование (ст. 131 УК РФ)	2 247	318	122	13	18	37	53
Насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ)	4 401	820	314	11	23	37	25
Понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ)	132	11	1	0	2	0	9

Из представленной таблицы видно, что чаще всего насильственные действия против жизни и здоровья женщин применяют супруги и сожители (сексуальные партнеры), против половой неприкосновенности – родители.

Известно, что жертвы играют важную роль в механизме индивидуального преступного поведения. Виктимологические аспекты особенно актуальны при изучении семейно-бытовой преступности, где связь «преступник-жертва» наиболее прочная и долговременная. При этом феномен виктимного поведения не всегда зависит от таких качеств жертвы, как провокационность, повышенная конфликтность, циничность и аморальность. Болезненная привязанность, подчиненность, пассивность, набор

усвоенных норм поведения запускают механизм преступного поведения, «развязывающая руки» преступнику [1, с. 199]. Изучение жертв преступлений в сфере семейно-бытовых отношений играет важную роль в профилактике и борьбе с данной формой преступного поведения. Поскольку именно женщины и дети чаще всего страдают от подобных преступлений, представляется актуальным изучение особенностей их личности. В рамках данной статьи определим, существует ли взаимосвязь между насилием в семье и социально-демографическими, психологическими особенностями жертвы.

Для характеристики жертвы преступлений в сфере семейно-бытовых отношений

обратимся к результатам виктимологических исследований¹, а также к статистическим данным Главного информационно-аналитического центра МВД России.

Возраст жертвы. Чаще всего жертвами домашнего насилия становятся женщины средних и старших возрастных групп. Так, наиболее виктимными являются возрастные группы 35-44 года (25%) и 45-54 года (20%), в меньшей степени женщины в возрасте 18-24 лет (14%). Возрастные особенности жертвы можно объяснить следую-

щими факторами: женщины старшего возраста готовы терпеть нездоровые отношения в семье ради детей, сохранения семьи и социального статуса, гендерного воспитания, полученного в детстве. Женщины молодого возраста предпочитают разрывать подобные отношения.

Приведенные данные можно подтвердить и статистикой количества потерпевших женщин по ст. 105-107 УК РФ, включая приготовление и покушение на убийство (табл. 2)².

**Количество потерпевших женщин за 2022 год
по ст. 105-107 Уголовного кодекса Российской Федерации
(включая приготовление и покушение на убийство)**

Таблица 2

Возраст потерпевшей	16-17 лет	18-24 лет	25-29 лет	30-49 лет	50-59 лет	60 лет и старше
Всего потерпевших	28	124	120	936	317	424
Преступление совершено членами семьи	1	10	15	135	55	110
из них супругом	–	7	13	96	28	26
Сожителем, сексуальным партнером	–	20	24	279	70	27

Из таблицы видно, что наибольшее количество преступлений в семье совершено в отношении женщин возраста 30-49 и 50-59 лет. При этом женщины более молодого возраста страдают от рук супруга или сожителя (сексуального партнера), а женщины старшего возраста – от иных членов семьи.

Семейный состав. Женщины, имеющие двух и более детей, страдают от насилия чаще, нежели бездетные или имеющие одного ребенка (33% и 26% против 23% и 18 % соответственно). Данный факт можно объяснить как возрастом жертвы (женщины старшего возраста страдают от насилия чаще), так и длительностью брака. Длительность проживания в браке также является одним из факторов насилия в семье: женщины, прожившие в браке более 20 лет, стали жертвами насилия в 32% случаев,

в то время как женщины, прожившие в браке менее 10 лет, – в 15% случаев. Неоправданные ожидания, неудовлетворенность выбором спутника жизни, взаимное неуважение, бытовые и материальные проблемы накапливаются в течение брака, перерастая в острые семейные конфликты.

Доход. В семьях с более высоким уровнем дохода насилие распространено в меньшей степени, по сравнению с семьями с низким уровнем дохода. Низкий уровень материального обеспечения, неудовлетворенность личных и семейных потребностей, несомненно, повышает уровень психологического напряжения, что приводит к распространённости домашнего насилия. Фрустрация для мужчины наступает, в том числе, тогда, когда он понимает, что не способен обеспечить достаточный в его глазах материальный достаток своей

¹В статье использованы данные социологического исследования об отношении россиян к домашнему насилию Всероссийского центра изучения общественного мнения (2019 год); материалы отчета по исследованию, проведенному в рамках проекта «Домашнее насилие» Совета женщин МГУ (2002 г.); результаты исследования на тему «Сексуализированное насилие над детьми и подростками», проведенного учебным центром «Академия безопасности

Ольги Бочковой», Общероссийской Ассоциацией женских общественных организаций «Консорциум женских неправительственных объединений» и общественной организацией «Тебе поверят» (2023 г.).
²Сведения о количестве потерпевших женщин // Форма статистической отчетности «Сведения о преступлениях, по которым имеются потерпевшие». Форма 445, кн. 12, раздел 2. – М.: ГИАЦ МВД России.

семьи. Это рождает вспышки гнева, причем безадресные, обращенные на того, кто слабее и не способен возвращать удары.

Образование. Наиболее подвержены семейному насилию женщины с низким уровнем образования (основное и среднее общее образование) – 67,5%, в наименьшей степени женщины с высшим образованием – 12,9%. Предполагаем, что женщины, не имеющие хорошего образования, испытывают трудности в трудоустройстве на работу, становятся зависимыми от супругов в материальном плане, что заставляет их длительное время терпеть насильственное отношение к себе.

К психологическим особенностям женщин, которые были подвержены фактам насилия в семье, относятся: тревожность; низкая самооценка; чувство зависимости от партнера; отсутствие собственных интересов; терпимость; ярко выраженное чувство вины; стереотипы о том, что мужчинам многое позволено [2, с. 416]. Эти черты могут быть изначально присущи женщинам (например, сформировались в детстве), а также развиться в собственной семье. Примечательно, что часть женщин, ставших жертвами насилия со стороны супругов (сожителей), подвергались насилию в детстве.

Любой ребенок или подросток, подвергнутый насилию в семье, имеет негативные тенденции в области поведения, эмоций, которые позже отрицательно влияют на всю дальнейшую жизнь, становятся источниками травмы. Некоторые дети начинают испытывать агрессию, они склонны выливать свой гнев на окружающих – младших детей, более слабых сверстников, животных. Другие, наоборот, испытывают тревогу, страх, чувство стыда, беспомощность, теряют волю к сопротивлению.

Насилие в отношении несовершеннолетних – сложное, многоликое явление, поражающее самую уязвимую в социально-криминологическом смысле часть семьи [3, с. 127]. Анализируя статистические показатели, характеризующие число потерпевших, отметим, что в 2022 году потерпевшими признано 116 766 несовершеннолетних, 10 084 преступления в отношении несовершеннолетних относятся к категории особо тяжких, из которых 2 872 – совершено членом семьи, из них 1 124 – родителем. 9 083 преступления относятся к категории тяжких, из которых 786 – совершено членом семьи, из них 490 – родителем (табл. 3)¹.

Количество зарегистрированных в 2022 году преступлений против жизни и здоровья, совершенных в отношении несовершеннолетних

Таблица 3

Совершенное преступление	Всего зарегистрировано преступлений	Совершено членом семьи	Из них
			Родителем
Убийство (ст. 105-107 УК РФ) (включая приготовление и покушение)	295	95	80
Причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ)	1 051	255	243
Доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ)	226	5	4
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ)	230	56	41
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ)	14	8	6

¹Сведения о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних // Форма статистической отчетности «Сведения о преступлениях, по которым

имеются потерпевшие». Форма 445, кн. 7, раздел 4. – М.: ГИАЦ МВД России.

Умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ)	1 436	234	190
Побои (ст. 116 УК РФ)	563	17	14
Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 116.1 УК РФ)	1 064	601	385
Истязание (ст. 117 УК РФ)	513	376	282
Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ст. 118 УК РФ)	491	217	204
Изнасилование (ст. 131 УК РФ)	1 876	714	274
Насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ)	6 693	2 004	734
Понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ)	164	21	9
Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста (ст. 134 УК РФ)	4 836	106	47
Развратные действия (ст. 135 УК РФ)	2 958	290	81

Таким образом, в 2022 году совершено 22 410 преступлений против жизни и здоровья детей, из них 4 999 (22,3%) – членом семьи. В категории «совершено членом семьи» большая часть преступлений против жизни и здоровья несовершеннолетних совершена родителями (2 594; 80,1%). Учитывая высокую латентность данных преступлений, данные официальной статистики не всегда могут показать реальное количество преступлений, совершаемых в отношении детей в семье.

Приведем результаты исследования на тему «Сексуализированное насилие над детьми и подростками»¹. В ходе проведенного анкетирования были проанализированы 14 210 ответов респондентов, 99% из которых составили женщины в возрасте от 13 до 66 лет из разных регионов России. Анализ ответов о физических наказаниях показал, что 60% опрошенных (8 526 участниц) били и (или) физически наказывали в детском возрасте. 40% от общего числа респондентов (5 615 участниц) рассказали об опыте сексуализированного насилия. При

этом насилие в отношении несовершеннолетних девушек и девочек совершали знакомые им взрослые мужчины и старшие родственники (50% случаев), наиболее уязвимым возрастом участниц является 12 лет. Вне зависимости от возраста и тяжести совершенного против них преступления 48% опрошенных никому не рассказывали о случившемся с ними. Самой частой причиной того, что девушки не рассказывали о случившемся, оказался стыд (28% опрошенных), а также страх за одного из родителей. Лишь треть из пострадавших поделились пережитым с родителями. Заявление в органы внутренних дел по факту совершенного насилия подала 171 женщина (3% от всех пострадавших).

Анализируя виктимологические особенности жертвы семейно-бытового преступления, сделаем вывод, что чаще всего это женщины в возрасте от 35 лет и старше, с низким уровнем образования, низким семейным доходом, длительными брачными отношениями, воспитывающие двух

¹ [Электронный ресурс] // URL: <https://bochkova.academy/netabu/> (дата обращения: 21.02.2024).

и более детей. Им присущи такие психологические черты, как чувство тревожности, неуверенности, зависимости, выраженное чувство вины. Насильственные действия против жизни и здоровья женщин, как правило, применяют супруги и сожители (сексуальные партнеры), против половой неприкосновенности – родители. Несовершеннолетние, подвергнутые насилию в семье, имеют негативные тенденции в области поведения, эмоций, которые позже отрицательно влияют на всю дальнейшую жизнь, становятся источниками травмы. Большая часть преступлений против жизни и здоровья несовершеннолетних совершена родителями, против половой свободы и неприкосновенности – иными членами семьи. При этом несовершеннолетние не обращаются за помощью, а предпочитают скрывать факт совершенного в отношении них преступления.

Проблема преступлений в сфере семейно-бытовых отношений всегда должна находиться в поле зрения субъектов профилактики и подвергаться систематическому мониторингу, поскольку определенная закрытость семейно-бытовой сферы от внешнего контроля и воздействия не должна быть причиной отстраненности государства и общественных организаций от помощи жертвам семейного насилия, реагирования на причины и условия их возникновения.

В Российской Федерации защита семьи как фундаментальной основы общества является важным направлением государственной политики. Учитывая, что чаще всего потерпевшими от преступлений в сфере семейно-бытовых отношений становятся женщины, государство стремится предоставить им широкий спектр преференций, включающих экономическую помощь (материнский капитал, пособия), социальную поддержку и защиту. Так, Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023-2030 годы² предусматривает различные мероприятия по улучшению экономического положения женщин

и обеспечение роста их благосостояния, а именно: профессиональное обучение женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком; проведение специализированных ярмарок вакантных учебных и рабочих мест; содействие в поиске работы через службы занятости; расширение перечня профессий, доступных женщинам. Указанные меры позволяют женщинам, в том числе имеющим малолетних детей, осуществлять трудовую деятельность, быть экономически активными и финансово независимыми.

Интересен опыт некоторых российских регионов по обеспечению социальной адаптации семей, находящихся в тяжелой жизненной ситуации, предоставлению консультативных, правовых и социальных услуг, а также привлечению специалистов в семейно-бытовой сфере для организации социально-психологического патронажа. Так, в Перми с 2019 года работает профессиональное сообщество специалистов по социальной работе – «служба социальных участковых»³. Деятельность сообщества заключается в сопровождении семей посредством предоставления медицинской, психологической, педагогической, социальной помощи.

К сожалению, материальное благополучие семьи не всегда помогает избежать проявления агрессии, жесткости и насилия, поэтому в случае совершения преступления или угрозы его совершения реализуются меры, направленные на обеспечение безопасности жертв и привлечение к ответственности виновных лиц. Например, в Москве действует «Кризисный центр помощи женщинам и детям», где жертвы семейно-бытового насилия могут получить не только психологическую поддержку, медицинскую и юридическую помощь, но временно разместиться на его территории⁴. В Самаре центр социальной помощи женщинам «Ты не одна» оказывает вещевую помощь, предоставляет возможность проживания, помогает в реабилитации⁵. Одна из

²Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023-2030 гг. [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4356-р // общий доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³Официальный сайт службы социальных участковых [Электронный ресурс] // URL: <https://minsoc.permkrai.ru/> (дата обращения: 14.02.2024).

⁴Официальный сайт Кризисного центра помощи женщинам и детям [Электронный ресурс] // URL: <https://krizis-centr.ru/?ysclid=lfh0cm1ukm730115838> (дата обращения: 14.02.2024).

⁵Официальный сайт Центра социальной помощи «Ты не одна» [Электронный ресурс] // URL: <https://centryneodna.ru> (дата обращения: 14.02.2024).

основных задач, стоящих перед центром, – сохранение семьи, поэтому за квалифицированной психологической помощью может обратиться любая семья, переживающая кризис в отношениях. В интернет-пространстве функционируют ресурсы, оказывающие помощь жертвам домашнего насилия. Так, на порталах «Я дома» (раздел «Если кризис в семье...»), «Насилию.нет»⁶ можно получить юридическую, психологическую консультации, ознакомиться с инструкциями (как для родителей, так и для детей), что делать в кризисной ситуации, узнать адреса центров поддержки.

Однако отметим, что подобные программы реализуются не во всех регионах Российской Федерации, а если и реализуются, жертвы не всегда обладают необходимой информацией о них. Изучение опыта работы субъектов профилактики позволяет сформулировать дополнительные предложения по совершенствованию их деятельности в сфере предупреждения семейного насилия:

1. С целью оказания оперативной помощи пострадавшим от семейного насилия необходимо развить региональную систему кризисных центров, оказывающих поддержку таким лицам, в том числе предоставляющим возможность временного проживания жертвам насилия и их несовершеннолетним детям. Одновременно требу-

ется расширение их функций в части: оказания правовой, психологической, медицинской помощи жертвам насилия; реализации психокоррекционных программ с агрессорами для их ресоциализации и нормализации их поведения в целях сохранения семьи; в) социального патронажа лиц, нуждающихся в социальной помощи.

2. На уровне участковых пунктов полиции, дежурных частей, подразделений по делам несовершеннолетних, а также путем размещения информации с контактными телефонами доверия организовать работу по информированию граждан о деятельности кризисных центров, оказывающих помощь пострадавшим от семейного насилия.

Помимо проведения конкретных профилактических мероприятий, деятельность субъектов профилактики и государства в целом должна предполагать решение следующих задач:

а) формирование в обществе непримиримого отношения к семейному насилию;

б) поддержание семейного благополучия, здорового климата в семье;

в) содействие гражданам в мобилизации их собственных ресурсов по преодолению сложных жизненных ситуаций;

г) повышение стрессоустойчивости и психологической культуры населения, особенно в сфере межличностного, семейного, родительского общения.

1. Михайлова Е.В. Особенности причинного комплекса семейно-бытовой преступности в России // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. № 3 (90).

2. Христенко В.Е. Психология поведения жертвы. – Ростов н/Д: «Феникс», 2010.

3. Крюк В.С. Семейно-бытовое насилие: понятие, статистические и криминологические границы, пути противодействия // Право и практика. 2022. № 3.

Информация об авторах:

Е.В. Михайлова, доцент кафедры криминологии, кандидат юридических наук

Ю.А. Страунинг, заместитель начальника кафедры криминологии, кандидат юридических наук, доцент

About the authors:

E.V. Mihajlova, associate professor of criminology department, phd in law

Y.A. Strauning, deputy head of the criminology department, phd in law, associate professor

Статья поступила в редакцию 03.03.2024

⁶Официальные сайты порталов «Я дома» и «Насилию.нет» [Электронный ресурс] // URL: [https://ya-](https://ya-doma.ru/)

[doma.ru/;https://nasiliu.net/](https://nasiliu.net/) (дата обращения: 14.02.2024).

Научная статья

doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-89-94

ГРИГОРЬЕВ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ

Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний России¹
(Москва, Россия),
Ульяновский государственный университет² (Ульяновск, Россия)

grigorev.viktor@gmail.com

ТАРАСОВ МАКСИМ ЮРЬЕВИЧ

Академия Государственной противопожарной службы
МЧС России¹,
Академия гражданской защиты МЧС России²,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы
исполнения наказаний России³ (Москва, Россия)

tarasov0123@gmail.com

О ПРЕСЕЧЕНИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ НА ТЕРРИТОРИИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье показаны предпосылки дальнейшего совершенствования работы органов внутренних дел Российской Федерации и Республики Беларусь по пресечению распространения наркотических средств и психотропных веществ на территории Союзного государства. По результатам проведенного обобщения материалов представлены правовая основа сотрудничества органов внутренних дел Российской Федерации и Республики Беларусь в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков, сведения о состоянии наркоситуации на территории Союзного государства, меры по противодействию распространению наркотических средств и психотропных веществ на территории Союзного государства, некоторые результаты осуществленных согласованных действий органов внутренних дел, потенциал для дальнейшего совершенствования сотрудничества в области противодействия незаконному обороту наркотиков.

Ключевые слова и словосочетания: Союзное государство, МВД России, МВД Республики Беларусь, наркотические средства, психотропные вещества, органы внутренних дел, взаимодействие в розыскной деятельности, пресечение распространения наркотиков.

Для цитирования: Григорьев В.Н., Тарасов М.Ю. О пресечении распространения наркотических средств и психотропных веществ на территории Союзного государства // Вестник ВИПК МВД России. – 2024. – № 1 (69). – С. 89-94; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-89-94

GRIGORYEV VICTOR N.

Research Institute of the Federal Penitentiary Service¹ (Moscow, Russia),
Ulyanovsk State University² (Ulyanovsk, Russia)

TARASOV MAXIM YU.

Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia¹,
Academy of Civil Defense of the Ministry of Emergency Situations of Russia²,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service³ (Moscow, Russia)

ON SUPPRESSING THE DISTRIBUTION OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES IN THE TERRITORY OF THE UNION STATE

Annotation. The article shows the prerequisites for further improving the work of the internal affairs bodies of the Russian Federation and the Republic of Belarus to suppress the spread of narcotic drugs and psychotropic substances on the territory of the Union State. Based on the results of the generalization of materials, the legal basis for cooperation between the internal affairs bodies of the Russian Federation and the Republic of Belarus in the field of combating drug trafficking, information on the state of the drug situation in the territory of the Union State, measures to counter the spread of narcotic drugs and psychotropic substances in the territory of the Union State, some results of the implemented coordinated actions of internal affairs bodies, potential for further improvement of cooperation in the field of combating drug trafficking.

Key words and word combinations: Union State, Ministry of Internal Affairs of Russia, Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus; narcotic drugs; psychotropic substances; internal affairs bodies; interaction in search activities; suppression of drug distribution

For citation: Grigoryev V.N., Tarasov M.Yu. On suppressing the distribution of narcotic drugs and psychotropic substances in the territory of the Union state // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. – 2024. – № 1 (69). – P. 89-94; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-89-94

В последнее время отмечается необходимость дальнейшего совершенствования работы органов внутренних дел Российской Федерации и Республики Беларусь по пресечению распространения наркотических средств и психотропных веществ на территории Союзного государства. В частности, в начале года в Москве прошло заседание Объединенной коллегии министерств внутренних дел Беларуси и России, на котором делегации обсудили организацию взаимодействия органов внутренних дел Союзного государства по пресечению распространения наркотиков [1]. Несомненный интерес представляют результаты многообразных исследований на данную тему [6, с. 4-46; 9; 10, с. 8-312; 12, с. 85-93; 13, с. 4-148].

По данному предмету проведено обобщение материала, по результатам которого представлены: правовая основа сотрудничества органов внутренних дел Российской Федерации и Республики Беларусь в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков, сведения о состоянии наркоситуации на территории Союзного государства, меры по противодействию распространению наркотических средств и психотропных веществ на территории Союзного государства, некоторые результаты осуществленных согласованных действий органов внутренних дел, потенциал для дальнейшего совершенствования сотрудничества в области противодействия незаконному обороту наркотиков.

Правовую основу сотрудничества в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков составляют: Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступностью от 25 ноября 1998 г. [18], Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров от 30 ноября 2000 г. [17], Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о повышении эффективности взаимодействия в борьбе с преступностью от 15 сентября 2014 г. [16], Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ и злоупотреблением ими от 22 ноября 1999 г. [15], Соглашение о сотрудничестве между министерствами внутренних дел в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ от 21 октября 1992 г. [19], Соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством внутренних дел Республики Беларусь от 30 сентября 1997 г. [21], Соглашение между Министерством внутренних дел Республики Беларусь и Министерством внутренних дел Российской Федерации о сотрудничестве органов

внутренних дел приграничных регионов от 30 сентября 1997 г. [20], иные международные договоры. Также сотрудничество осуществляется на основании программных документов по вопросам взаимодействия органов внутренних дел (полиции) государств – участников Содружества Независимых Государств.

Анализ **состояния наркоситуации** на территории Союзного государства свидетельствует о ее контроле со стороны министерств внутренних дел двух стран на фоне сокращения в 2022 году общего количества зарегистрированных в Российской Федерации и Республике Беларусь наркопреступлений.

Всего органами внутренних дел Российской Федерации в прошедшем году выявлено 172,6 тыс. преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, по результатам расследования 73,5 тыс. лиц привлечено к уголовной ответственности. Из незаконного оборота изъята 31 т наркотиков и сильнодействующих веществ.

В Республике Беларусь органами внутренних дел за аналогичный период зарегистрировано 4,6 тыс. наркопреступлений, установлено 2,5 тыс. лиц, их совершивших, из незаконного оборота изъято более 198 кг запрещенных веществ [14].

Вместе с тем на общую криминогенную ситуацию на территории Союзного государства продолжают оказывать влияние контрабандные поставки опийных наркотиков через государства Центральной Азии, Закавказья, Российскую Федерацию и Республику Беларусь в направлении стран Европейского союза, а также поставки синтетических наркотиков, гашиша и кокаина с территорий государств Европейского союза в страны Евразийского экономического союза. Возрастают риски осложнения оперативной обстановки вследствие деятельности организованных преступных групп, использующих современные технологии в производстве наркотиков в условиях подпольных лабораторий.

Меры по противодействию распространению наркотических средств и психотропных веществ на территории Союзного государства. В борьбе с наркоугрозой на территории Союзного государства пристальное внимание уделяется противодействию использованию информационно-телекоммуникационной сети Интернет для

пропаганды, производства и сбыта наркотиков. Российскими компетентными органами в 2022 году прекращен доступ к более чем 80 тыс. сайтов, содержащих пронаркотический контент о запрещенных веществах, в Республике Беларусь – к 282 сайтам.

Активизирована работа по пресечению деятельности подпольных лабораторий по производству наркотиков. В 2022 году органами внутренних дел Российской Федерации ликвидирована 241 лаборатория, белорусскими коллегами – 2 лаборатории, а также 108 специально оборудованных помещений для выращивания наркотикосодержащих растений в криминальных целях [14].

Нарастивалось практическое сотрудничество антинаркотических подразделений органов внутренних дел. Организован двусторонний обмен информацией в сфере противодействия наркопреступлениям, совершаемым с использованием IT-технологий, а также сведениями об организаторах и участниках организованных групп, действующих посредством интернет-магазинов.

Актуальные вопросы сотрудничества рассматривались на проведенных в декабре 2021 года (г. Минск), марте и декабре 2022 года (г. Москва) встречах представителей министерств внутренних дел двух государств с определением конкретных мер по противодействию распространению наркотических средств и психотропных веществ на территории Союзного государства.

Результатом осуществленных в 2021 и 2022 годах согласованных действий органов внутренних дел Российской Федерации и Республики Беларусь стало изъятие из незаконного оборота значительного количества наркотиков и их прекурсоров. Пресечена деятельность двух преступных сообществ, осуществлявших распространение наркотиков на территории Союзного государства посредством интернет-магазинов. К уголовной ответственности привлечены 135 лиц, причастных к деятельности данных преступных формирований. Выявлены и ликвидированы 6 лабораторий по производству синтетических наркотиков.

Продолжается российско-белорусское сотрудничество в пресечении преступлений, связанных с перевозкой наркотиков железнодорожным транспортом и перекры-

тием контрабандных каналов их поступления [5, с. 3-25]. Всего в 2022 году нарядами полиции/милиции сопровождено более 2,4 тыс. поездов, пересекающих российско-белорусскую границу.

В ходе проведенных в 2022 году операций «Канал – Второй барьер», «Канал – Невский щит», «Канал – Неман» на территории Российской Федерации пресечено 1,5 тыс. наркопреступлений и выявлено 1,5 тыс. административных правонарушений, установлено 2,1 тыс. лиц, их совершивших. Изъято 723 кг наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ. Выявлено более 2 тыс. сайтов с пронаркотическим контентом. В Республике Беларусь пресечено 300 преступлений и правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, установлено 192 лица, их совершивших. Изъято 11 кг запрещенных веществ. Прекращен доступ к 11 сайтам, содержащим пронаркотический контент [14; 2; 8; 11].

Вместе с тем проведенный анализ свидетельствует об имеющемся **потенциале для дальнейшего совершенствования работы** в области противодействия незаконному обороту наркотиков на территории Союзного государства.

Прежде всего требуется повысить качество документирования наркопреступлений, совершенных с использованием IT-технологий, в том числе при распространении наркотиков бесконтактным способом. Целесообразно развивать новые подходы в организации противодействия вызовам и угрозам, связанным с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет [7, с. 147-152].

Необходимо принять дальнейшие шаги по совершенствованию информационно-аналитического обмена сведениями в антинаркотической сфере. Важны дополнительные меры по обмену информацией о лицах, причастных к незаконному обороту наркотиков между органами внутренних дел Российской Федерации и Республики Беларусь

с использованием ведомственных информационных систем. Остаются актуальными вопросы организации совместных мероприятий по выявлению маршрутов перемещения наркотиков через территории Российской Федерации и Республики Беларусь [4, с. 153-156].

Весьма значимым аспектом успешной работы является активизация практического взаимодействия органов внутренних дел приграничных регионов Российской Федерации и Республики Беларусь [20].

Подразделениям МВД по борьбе с незаконным оборотом наркотиков приграничных областей следует реализовать в текущей перспективе комплекс скоординированных оперативно-профилактических и оперативно розыскных мероприятий, направленный: на выявление, пресечение, раскрытие и предупреждение преступлений, связанных с распространением запрещенных веществ посредством информационно-телекоммуникационных технологий; установление и документирование преступной деятельности участников международных организованных групп, в том числе методом «контролируемой поставки», осуществляющих перемещение наркотиков с территорий государств Европейского союза, а также Центральной Азии или Закавказья на территорию Союзного государства; выявление и пресечение преступлений, связанных с незаконным производством наркотиков в Российской Федерации и Республике Беларусь; пресечение транзитных поставок наркотиков через территорию Союзного государства [3, с. 7-12].

Отмечая в целом довольно конструктивно складывающийся механизм взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации и Республики Беларусь в пресечении распространения наркотических средств и психотропных веществ на территории Союзного государства, вместе с тем нельзя не заметить насущные потребности в ее модернизации с использованием современных возможностей IT-технологий.

1. В Москве состоялось заседание Объединенной коллегии министерств внутренних дел Союзного государства [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал Союзного государства. 2023. 18 апр. // URL: <https://soyuz.by/novosti-soyuznogo-gosudarstva/v-moskve-sostoyalos-zasedanie-obedinennoy-kollegii-ministerstv-vnutrennih-del-soyuznogo-gosudarstva> (дата обращения: 10.12.2023).

2. В ОДКБ провели масштабную антинаркотическую операцию «Канал-Неман» во исполнение плана по реализации Антинаркотической стратегии государств – членов ОДКБ

на 2021-2025 годы и решений Координационного совета руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков государств – членов ОДКБ (КСОПН). 01.10.2022 [Электронный ресурс] // URL: ksopn.odkb-csto.org (дата обращения: 10.12.2023).

3. Гаврюшкин Ю.Б., Дикарев В.Г. Оперативное внедрение в рамках оперативно-розыскного мероприятия «контролируемая поставка» // Противодействие незаконному обороту наркотиков: сб. материалов междунар. «круглого стола». – Домодедово: ВИПК МВД России, 2019.

4. Дикарев В.Г. Особенности противодействия распространению новых психоактивных веществ через почтовые, логистические и транспортные компании // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. материалов междунар. конф. к 60-летию д-ра юрид. наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.В. Николюка. – Орёл: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, 2016.

5. Организация и тактика выявления наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в транспортных средствах: метод. рекомендации / В.Г. Дикарев, В.Н. Григорьев, Е.С. Карпунина, Ю.Б. Гаврюшкин. – Домодедово: ВИПК МВД России, 2020.

6. О состоянии наркопреступности в государствах – членах ОДКБ в 2019 году: аналитический обзор / В.Г. Дикарев, М.Г. Мелихов, В.Н. Григорьев, Ю.Б. Гаврюшкин. – Домодедово: ВИПК МВД России, 2020.

7. Дикарев В.Г., Олимпиев А.Ю. К вопросу о противодействии бесконтактному способу сбыта наркотиков через сеть Интернет // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 8.

8. Зайнетдинов В. Проведена Субрегиональная антинаркотическая операция «Канал – Невский щит» [Электронный ресурс] // Организации Договора о коллективной безопасности. 22.07.2022 // odkb-pressa@gov.ru (дата обращения: 10.12.2023).

9. Как в Беларуси борются с наркотиками в интернете [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 06.11.2019 // URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2019/november/42088/> (дата обращения: 10.12.2023).

10. Левшук О.И. Наркомания и меры борьбы с ней на территории Республики Беларусь // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017.

11. Подведены предварительные итоги субрегиональной антинаркотической операции «Канал-Второй барьер» [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности. 27.05.2022 // odkb-csto.org (дата обращения: 10.12.2023).

12. Пономарёв А.В. Основные этапы становления и развития законодательства Республики Беларусь в сфере предупреждения незаконного оборота наркотиков // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2021. № 2.

13. Противодействие преступности в сфере незаконного оборота наркотиков в современных условиях: сб. материалов круглого стола (г. Москва, 18 апреля 2017 г.) / отв. ред. Р.В. Жубрин; ред. коллегия: А.Ю. Винокуров, О.А. Евланова. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2017.

14. Об организации взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации и Республики Беларусь по пресечению распространения наркотических средств и психотропных веществ на территории Союзного государства: решение Объединенной коллегии министерств внутренних дел Союзного государства от 17 апреля 2023 г. № КОСГ/1 (приложение № 1 к приказу МВД России и МВД Республики Беларусь от 17.04.2023 № 235/75 // Архив МВД России. 2023.

15. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ и злоупотреблением ими от 22 ноября 1999 г. [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=29885 (дата обращения: 10.12.2023).

16. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о повышении эффективности взаимодействия в борьбе с преступностью от 15 сентября 2014 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов // URL: <https://docs.cntd.ru/document/420229309> (дата обращения: 10.12.2023).

17. Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров от 30 ноября 2000 г. (с изм. на 25 октября 2019 г.) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901823934> (дата обращения: 10.12.2023).

18. Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступностью от 25 ноября 1998 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901732327> (дата обращения: 10.12.2023).

19. Соглашение о сотрудничестве между министерствами внутренних дел в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ от 21 октября 1992 г. [Электронный ресурс] // СПС Гарант (дата обращения: 10.12.2023).

20. Соглашение между Министерством внутренних дел Республики Беларусь и Министерством внутренних дел Российской Федерации о сотрудничестве органов внутренних дел приграничных регионов от 30 сентября 1997 г. (г. Москва) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.levonevski.net/pravo/razdel3/num8/3d876.html> (дата обращения: 10.12.2023).

21. Соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством внутренних дел Республики Беларусь от 30 сентября 1997 г. [Электронный ресурс] // URL: https://mvd.ru/userfiles/30_09_1997_belarus.doc (дата обращения: 10.12.2023).

Информация об авторах:

В.Н. Григорьев,

*ведущий научный сотрудник
аппарата ученого секретаря¹,
профессор кафедры уголовного процесса²,
доктор юридических наук, профессор*

М.Ю. Тарасов,

*профессор кафедры надзорной деятельности¹,
профессор кафедры юридических дисциплин²,
главный научный сотрудник³,
доктор юридических наук*

About the authors:

V.N. Grigoryev,

*leading researcher of the office of the scientific
secretary¹, professor of the department of criminal
procedure², doctor of law, professor*

M.Yu. Tarasov,

*professor of the department of supervisory
activities¹, professor of the department of legal
disciplines², chief researcher³ doctor of law*

Статья поступила в редакцию 13.11.2023

Научная статья

УДК 338

doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-95-100

КАШКИНА ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА

Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний России
(Москва, Россия)

000049@bk.ru

ORCID.ORG/0000-0001-5045-2054

ПОНЯТИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ КАК ТРАДИЦИОННОЙ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ ЦЕННОСТИ И ЕЕ МЕСТО В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу понятия гражданственности в целях допустимости ее наличия как традиционной духовно-нравственной ценности в правовой системе. Основываясь на анализе понятия гражданственности, преобладающего в отраслевых науках, а также в законодательстве в сфере стратегического планирования, автор приходит к выводу о допустимости рассмотрения данного элемента традиционных ценностей в формате «гражданственность – гражданская идентичность – гражданство Российской Федерации». Подобная конструкция оправдывается при применении норм уголовного законодательства, предусматривающего ответственность в виде прекращения гражданства, обосновывается это решение законодателя с позиции гражданской идентичности.

Ключевые слова и словосочетания: гражданственность, гражданская идентичность, гражданское самосознание, гражданское единство, гражданство Российской Федерации, уголовная ответственность, приостановление гражданства.

Для цитирования: Кашкина Е.В. Понятие гражданственности как традиционной духовно-нравственной ценности и ее место в уголовном законодательстве Российской Федерации // Вестник ВИПК МВД России. – 2024. – № 1 (69). – С. 95-100; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-95-100

KASHKINA EKATERINA V.

Research Institute of the Federal Penitentiary Service (Moscow, Russia)

THE CONCEPT OF CITIZENSHIP AS A TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUE AND ITS PLACE IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article is devoted to the analysis of the concept of citizenship in order to admit its presence as a traditional spiritual and moral value in the legal system. Based on the analysis of the concept of citizenship prevailing in branch sciences, as well as in legislation in the field of strategic planning, the author comes to the conclusion that it is permissible to consider this element of traditional values in the format "citizenship – civil identity – citizenship of the Russian Federation". Such a construction is justified when applying the norms of criminal legislation providing for liability in the form of termination of citizenship, such a decision of the legislator is justified from the position of civil identity.

Key words and word combinations: citizenship, civic identity, civic consciousness, civic unity, citizenship of the Russian Federation, criminal liability, suspension of citizenship.

For citation: Kashkina E.V. The concept of citizenship as a traditional spiritual and moral value and its place in the criminal legislation of the Russian Federation // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. – 2024. – No. 1 (69). – P. 95-100; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-95-100

Возросший интерес к традиционным ценностям в современной Российской Федерации неслучайный. На это повлиял ряд негативных, разрушительных для самобытности России событий, произошедших, по мнению одних ученых, в 90-годы прошлого столетия, по мнению других – с приходом к власти коммунистов в начале XX века. Как бы то ни было, сегодня главное не то, «кто виноват», а как сохранить и укрепить положительный многовековой исторический опыт, составляющий духовную ценность многонационального и многоконфессионального народа, проживающего на единой территории Российской Федерации. Этому способствует ряд документов стратегического планирования, определяющих задачу по сохранению духовно-нравственных ценностей, понятие которых, а равно составляющих их элементов дано в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 [1].

Одним из таких элементов является гражданственность, дефиниция которой, как и всех элементов традиционных российских духовно-нравственных ценностей, не получила законодательного закрепления.

В этой связи возникает один закономерный вопрос: что понимать под «гражданственностью»?

Если обратиться к Стратегии национальной безопасности, то мы не увидим в ней понятие гражданственности как традиционной ценности, подлежащей защите. Однако законодатель, акцентируя внимание на усилении сплоченности российского народа, применяет такое понятие, как «гражданское самосознание», «гражданская идентичность», «гражданское единство». В упомянутой Стратегии определяется задача по сохранению и защите традиционных ценностей посредством укрепления гражданского единства и гражданской идентичности многонационального и многоконфессионального народа в целях сохранения самобытности России при этнокультурном ее разнообразии, что, в свою очередь, отображено в ряде

стратегий, а также в Концепции внешней политики [2].

Нельзя не упомянуть, что не последнюю роль в стабилизации общества, недопущении проявления ксенофобии и радикализма играет политика государства в отношении молодежи, направленная на формирование у детей и подростков гражданской идентичности, патриотизма, чувства ответственности за судьбу своей страны и своего народа, что, при соблюдении преемственности поколений, будет впоследствии передаваться от подросших наших детей их детям.

Государство [3, с. 78-85] выстроило такую политическую, социально-экономическую стратегию, которая пронизывает все слои общества и все сферы жизнедеятельности его членов, направлена на сохранение своего суверенитета, что, повторимся, невозможно без сохранения и укрепления традиционных ценностей, которые на сегодняшний день не имеют законодательной дефиниции.

В настоящее время довольно проблематично сфокусировать внимание на едином, конкретном понимании того или иного явления. Оно будет ценностным и значимым в рамках той сферы (отрасли), в которой зарождаются и развиваются определенные отношения.

Например, в области философии, где учение о гражданственности представлено в трудах А.Н. Радищева, В.Г. Белинского, М.Н. Каткова, И.А. Ильина, А.С. Ахиезера, Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова, М.М. Бахтина и ряда других ученых, исследуемая нами ценность представлена как система добродетелей и ценностей, отображающих моральное измерение взаимоотношений человека и государства, и включает как заинтересованное отношение личности к делам государства, так и ее активное участие в делах общества [4, с. 8].

В социологии понятию гражданственности посвятили свои работы П.А. Сорокин, М. Вебер Г.В. Осипов, В.Э. Смирнов, О.Н. Степанов, М.Н. Гендугова, В.В. Маленков и иные. Представители данного

направления предлагают рассматривать исследуемую традиционную ценность как степень заинтересованности, информированности и активности социального субъекта к внешним по отношению к его личной жизни общественным (городским) явлениям и событиям [5, с. 6].

«Гражданское воспитание», «воспитание гражданственности», «воспитание гражданина» и «воспитание гражданской ответственности» – это лозунги советской педагогической школы, за которую боролись и которую превозносили такие корифеи, как А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский, а также Л.М. Фенев, О.В. Лебедев, Ю.А. Танюхин, Е.Н. Вагайцев и т.д. Проведя анализ более 50 научных трудов в области педагогики, А.В. Куршев приходит к выводу, что большинство авторов, изучающих данную проблему, под гражданственностью понимают «личностное качество» [6, с. 182-183].

Не обошла понятие гражданственности и такая отрасль науки, как культурология, где отдельные аспекты изучения феномена гражданственности прослеживаются в работах Д.С. Лихачева, Б.А. Успенского, В.А. Ремизова, Г.П. Выжлецова, в том числе З.Я. Капустиной, рассматривающей гражданственность как культурный код специфических, символически опосредованных, системообразующих межличностных отношений, содержащий в себе множество форм, типов, контекстуально наделенных конкретным значением [7, с. 12-13].

В области юриспруденции представляют интерес работы С.С. Алексеева, Д.А. Керимова, В.С. Нерсисянца, М.Г. Арютюнова, В.Н. Кудрявцева, В.П. Сальникова, Л.С. Мамута. Так, гражданственность, по мнению Е.А. Дрогавцевой, это установление конституционного правосознания, которое выражается в социально-психологической и морально-нравственной идентификации личности как гражданина данного государства и ее последующей трансформации в надлежащие мотивы правомерного конституционного поведения [8, с. 15]. Герман М.В., А.Н. Коновалова, Т.В. Корнухова видели в гражданственности принадлежность к нашей общей истории, великой культуре и духовное родство с миллионами сограждан, объединенных нашей общей Родиной – Россией [9, с. 24].

Интересным представляется взгляд на гражданственность учеными-политологами, например О.Н. Полухиным, считающим гражданственность многофункциональным феноменом, представляющим собой единство трех основных составляющих: государства, общества, человека, приоритет которых в процессе их взаимодействия трансформировался в зависимости от той или иной исследовательской парадигмы, а также исторических и социокультурных условий [10]. В свою очередь, А.Н. Скалина приходит к выводу, что это интегративное политико-нравственно-правовое качество социума и социального субъекта, характеризуемого высоким уровнем политической сознательности, компетентности, законопослушания, проявляется в активном участии в социально-политическом процессе, в способности и желании служить обществу и государству [11].

В политическом контексте доминирует не гражданственность, а патриотизм [12, с. 14]. Гражданская идентичность, как полагает В.И. Лутовинов, основывается на патриотизме [13, с. 221-222]. Подобное мнение как нельзя отображает сегодняшние реалии, что нашло отражение в научном труде Л.П. Кетовой, отмечающей, что с началом специальной военной операции изменилось [в негативную сторону] отношение к россиянам, где приоритетным становится «принцип гражданственности», лежащий в основе построения диалога «свой-чужой». В то же время подобное сплотило граждан нашей страны, например возникла ответная реакция «Я русский!» в формате хештегов, песен, стихов [14, с. 140].

Не вдаваясь в подробности различных подходов в интерпретации гражданственности, нам следует уяснить, что гражданственность, являясь многогранной категорией (следуя из вышеприведенного), в зависимости от этапов исторического развития государства, его социально-экономического и политического устройства, общественного «настроения» и мировоззрения отдельно взятого его члена, приобретает различное толкование, что создает определенные проблемы при решении вопроса об охране гражданственности как традиционной духовно-нравственной ценности. В первую очередь необходимо нормативно закрепить дефиницию «гражданственность» и (или) «гражданская идентичность». Известно, для того чтобы предмет

сохранить, укрепить и передать, его следует охранять и защищать.

Проведенный анализ научных трудов позволил нам прийти к выводу о допустимости взаимозаменяемости понятий «гражданственность» и «гражданская идентичность», несмотря на имеющиеся различия, в данном контексте не играющие принципиальную роль.

Итак, беря за основу гражданскую идентичность, которую законодатель в Стратегии Национальной политики определил как осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества [15], допускаем, что в некоторой степени речь идет о гражданстве Российской Федерации. Такой вывод следует из прямого толкования п. 3 ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 138 «О гражданстве Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 138) [16], в котором закреплено, что «гражданство – устойчивая правовая связь лица с Российской Федерацией, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей».

Следуя положениям Федерального закона № 138, с уверенностью можно заявить, что Российская Федерация:

1) дорожит своими гражданами: гражданин Российской Федерации не может быть лишен гражданства Российской Федерации (ч. 2 ст. 5); гражданин Российской Федерации не может быть выслан за пределы Российской Федерации или выдан иностранному государству (ч. 4 ст. 5);

2) миролюбивое (толерантное) государство: законодательство в области гражданства Российской Федерации не может содержать положений, ограничивающих права лиц по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ч. 5 ст. 5);

3) открытое государство: Российская Федерация поощряет приобретение гражданства Российской Федерации лицами без гражданства, проживающими в Российской Федерации (ч. 6 ст. 5).

Согласно ч. 3 ст. 62 Конституции Российской Федерации «Иностранцы граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут

обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации». Например, иностранные граждане не могут быть призваны на военную службу (альтернативную гражданскую службу), быть членом экипажа военного корабля Российской Федерации и так далее [17]. Приобретая российское гражданство, иностранный гражданин «уравнивается» в правах с гражданами Российской Федерации, так как роль гражданства для определения правового статуса человека обусловлена тем, что только граждане имеют комплекс прав и свобод, вследствие чего обеспечены высоким уровнем их защиты государством [18, с. 167].

Соответственно, от граждан с приобретенным гражданством требуется соблюдение принципа единства граждан, направленный на обеспечение безопасности Российской Федерации и ее процветание. В этой связи упомянем Присягу гражданина Российской Федерации, согласно тексту которой лицо, приобретающее гражданство Российской Федерации, обязуется не только соблюдать Основной закон и законодательство, права и свободы гражданина Российской Федерации, но и исполнять обязанности гражданина Российской Федерации *на благо государства и общества; защищать свободу и независимость Российской Федерации; быть верным России, уважать ее культуру, историю и традиции* (ст. 21 Федерального закона № 138).

После слов Присяги новый гражданин становится членом большой многонациональной дружной семьи.

Следовательно, рассматривая гражданственность в формате гражданской идентичности, в основе которой лежит гражданство, то есть устойчивая правовая связь, возникает необходимость ее охраны. Анализ норм уголовного законодательства свидетельствует об отсутствии такого объекта, как гражданственность или гражданская идентичность. Тем не менее, основываясь на том, что гражданственность – это, в первую очередь, нравственная связь (позиция), так как мы говорим о духовно-нравственных ценностях, мы допускаем, что отчасти защищаемый объект кроется в самом смысле наказания – лишение лица приобретенного гражданства Российской Федерации.

Согласно ст. 24 Федерального закона № 138, гражданство Российской Федерации прекращается в случае совершения преступлений, предусмотренных следующими статьями Уголовного кодекса Российской Федерации: ч. 3-5 ст. 131; ч. 4-6 ст. 134; ч. 4 и 5 ст. 135; ч. 2 и 3 ст. 186; ст. 205, 205.1; ч. 2 ст. 205.2; ст. 205.3, 205.4, 205.5, 206, 207.3, 208, 209, 210, 210.1; ч. 4 ст. 211; ч. 1 ст. 212, ст. 212.1; ч. 4-6 ст. 222; ч. 2-6 ст. 22.1; ч. 4-6 ст. 222.2; ч. 2 и 3 ст. 223.1; ч. 3 и 4 ст. 226; ч. 3 ст. 226.1; ч. 2 и 3 ст. 228; ч. 3-5 ст. 228.1; ч. 2-4 ст. 229; ч. 2-4 ст. 229.1; ч. 2-4 ст. 230; ч. 1 и 2 ст. 239; ст. 243.4, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 280.1, 280.2, 280.3, 281, 281.1, 281.2, 281.3, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 283, 284.1, 284.2, 295, 317, 328, 329, 330.1, 338, 339, 354, 354.1 и 361 либо сопряженных с осуществлением террористической или экстремистской деятельности и предусмотренных ст. 318 и 360 Уголовного кодекса Российской Федерации. Приведенный список расширен до 64 статей (вместо ранее действующих 18), предусматривающих

прекращение гражданства Российской Федерации, он пополнен такими новыми составами, как:

- распространение фейков о Вооруженных Силах Российской Федерации и дискредитации российской армии (ст. 207.3 и 280.3 УК РФ);

- преступления, связанные с диверсионной деятельностью (ст. 281.1-281.3 УК РФ);

- призывы к введению санкций и развязыванию агрессивной войны (ст. 284.2 и 354 УК РФ) и т.д.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что гражданственность как традиционная духовно-нравственная ценность не обличена в правовую форму, ввиду чего в законодательстве данное понятие встречается под видом гражданской идентичности и института гражданства, действие каждого из которых направлено на сопоставление своего «Я» как одной из части большего под названием – государство.

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс]: указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 28.01.2024).

2. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 // url: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 28.01.2024).

3. Кашкина Е.В. Правовое регулирование сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей в рамках стратегического планирования // Вестник ВИПК МВД России. 2023. № 3 (67).

4. Шестакова Н.А. Этические основания гражданственности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саранск, 2009.

5. Гареева Л.Г. Институт гражданственности. Сравнительный социологический анализ городов разной людности (на примере городов Урала): автореф. дис. ... канд. соц. наук. – Екатеринбург, 2008.

6. Куршев А.В. Понятие гражданственности в диссертационных исследованиях // Международный научный журнал «Символ науки». 2015. № 3.

7. Капустина З.Я. Гражданственность как ценность российской культуры: автореф. дис. ... д-ра культурологии. – М., 2008.

8. Дрогавцева Е.А. Право на гражданство: конституционные гарантии и проблемы реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб, 2023.

9. Герман М.В., Коновалова А.Н., Корноухова Т.В. Гражданственность как традиционная духовно-нравственная ценность: правовой контекст // Гражданская идентичность современной молодежи: вызовы, решения, перспективы: сб. докладов по материалам Всероссийской науч.-практ. конф. преподавателей, студентов, магистрантов и аспирантов (17 мая 2023 г.). – Саратов, 2023.

10. Полухин О.Н. Гражданственность как предмет политического анализа: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2005.

11. Скалина А.Н. Гражданственность в современной России: сущность, структура, типология: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Уфа, 2008.

12. Горб В.Г. Повышение уровня гражданственности как цель образовательного процесса в вузе // Педагогическое образование в России. 2019. № 7.

13. Социокультурные особенности патриотизма и формирование государственно-гражданской идентичности / А.В. Попов, О.М. Шевченко, Н.К. Бинеева, И.В. Печуров // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017. № 4.

14. Кетова Л.П. Институт лишения гражданства в России // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7 (223).

15. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 28.01.2024).

16. О гражданстве Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49216> (дата обращения: 28.01.2024).

17. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ // url: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18669> (дата обращения: 28.01.2024).

18. Хафизов Д.Х. Гражданство Российской Федерации: общая характеристика // Вестник науки и творчества. 2017. № 2 (14).

Информация об авторе:

About the author:

*Е.В. Кашкина, ведущий научный сотрудник,
кандидат юридических наук, доцент*

*E.V. Kashkina, leading researcher,
phd, associate professor*

Статья поступила в редакцию 12.02.2024

Научная статья

doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-101-106

ПОЗДЫШЕВ РОМАН СЕРГЕЕВИЧ

Нижегородская академия МВД России (Нижний Новгород, Россия)

rmanpzdishev@rambler.ru

АКТИВНАЯ ДЕАНОНИМИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ CANARYTOKENS

Аннотация. В статье рассматривается возможность использования интернет-ресурса canarytokens.org для активной деанонимизации личности преступника в сети Интернет. В ходе исследования раскрыт принцип работы, а также сформулирован алгоритм формирования и направления токенов и анализа информации, получаемой после их срабатывания. Исследованы особенности работы canarytokens как в обычных условиях настройки пользовательского оборудования, так и при использовании средств повышения анонимности в компьютерной сети. Приведены авторские размышления о формах использования canarytokens в ходе расследования преступлений. В заключении сделаны выводы о преимуществах и недостатках рассмотренного метода установления личности пользователя сети Интернет. К первым относятся: оперативность получения информации даже в тех случаях, когда преступником используются интернет-ресурсы, находящиеся вне юрисдикции Российской Федерации; получение сведений не только об IP-адресе, но и о программно-аппаратных характеристиках используемого компьютерного устройства; возможность получения сведений, имеющих значение для уголовного дела, в случаях, когда преступником используется VPN-сервис. Недостатком является низкая эффективность при использовании преступником Тор-браузера.

Ключевые слова и словосочетания: деанонимизация, киберпреступления, IP-логгер, canarytokens, токен, ip-адрес, отпечаток браузера.

Для цитирования: Поздышев Р.С. Активная деанонимизация личности преступника в сети Интернет с использованием canarytokens // Вестник ВИПК МВД России. – 2024. – № 1 (69). – С. 101-106; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-101-106

POZDYSHEV ROMAN S.

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russian Federation
(Nizhny Novgorod, Russia)

ACTIVE DEANONYMIZATION OF A CRIMINAL'S IDENTITY ON THE INTERNET USING CANARYTOKENS

Annotation. The article discusses the possibility of using the Internet resource canarytokens.org for active de-anonymization of the identity of a secure network on the Internet. A study of the features of setting up the work of canarytokens both in normal conditions of user equipment and when using means of increased anonymity in a computer network. The author's thoughts on the forms of using canarytokens during the investigation of crimes are given. In conclusion, outcomes are drawn about the advantages and disadvantages of the considered method of identifying an Internet user. The first

include: the efficiency of obtaining information even in cases where the criminal uses Internet resources that are outside the jurisdiction of the Russian Federation; obtaining information not only about the IP address, but also about the software and hardware characteristics of the computer device used; the ability to obtain information relevant to a criminal case in cases where a criminal uses a VPN service. The disadvantage is the low efficiency when a criminal uses the Tor browser.

Key words and word combinations: deanonymization, cybercrime, IP logger, canarytokens, token, ip address, browser fingerprint

For citation: Pozdyshev R.S. Active deanonymization of a criminal's identity on the internet using canarytokens // Vestnik Advanced Training Institute of MIA of Russia. – 2024. – № 1 (69). – P. 101-106; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-101-106

Внедрение информационно-телекоммуникационных технологий в жизнь людей, как и любое изменение, приносит не только положительный эффект, но имеет некоторые отрицательные последствия. Криминальный мир вооружается такими технологиями зачастую быстрее, чем их осваивают правоохранительные органы. Количество преступлений, совершаемых в Российской Федерации (далее – РФ) с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ), ежегодно возрастает, а их способы становятся все более изощренными. В 2017 г. их число увеличилось на 37,4% (90 587); рост в 2018 г. – на 92,8% (174 674); в 2019 г. – на 68,5% (294 409); в 2020 г. – на 73,4% (510 396); в 2021 г. – на 1,4% (517 722); 2022 г. – на 0,8% (522 065); в 2023 г. – на 29,7% относительно аналогичного периода прошлого года (676 951) [1]. Преступность в сфере ИТТ занимает одну треть долю от всей преступности в стране. При этом следует заметить, что это данные официальной статистики, где учтены только зарегистрированные преступления.

Одними из преимуществ ИТТ, привлекающих криминальные элементы, являются возможность дистанционного совершения преступлений и сокрытие реальной личности субъекта преступления за цифровой личностью. Таким образом, к основной сложности, с которой сталкиваются правоохранительные органы в данной сфере, следует отнести деанонимизацию пользователей компьютерных сетей. В данном контексте ключевой представляется информация об адресах устройств, связанных с пользователем, в сети Интернет (IP-адресах).

Базовые методы работы с подобной информацией достаточно давно усвоены сотрудниками органов внутренних дел РФ и заключаются в стандартном алгоритме истребования сведений: администратор интернет-ресурса – интернет-провайдер – конкретный пользователь. Данный алгоритм является реализацией пассивной формы деанонимизации, когда следователем исследуются уже оставленные следы и непосредственного взаимодействия с интересующим лицом не происходит. Такая форма является вполне эффективной, однако имеет свои недостатки. Во-первых, получение ответов от администратора интернет-ресурса и интернет-провайдера может занимать длительное время, как показывает практика, до нескольких месяцев. Во-вторых, в некоторых случаях могут возникнуть непреодолимые трудности, когда интернет-ресурс или интернет-провайдер находятся вне юрисдикции РФ. Вышеуказанных недостатков лишены активные формы деанонимизации, примерами которых являются использование программ типа IP-логгер¹ или canarytokens². IP-логгер позволяет подготовить URL-ссылку, в случае перехода по которой может быть установлен IP-адрес пользователя. Успешные случаи применения данного метода имеются в практике органов внутренних дел.

В производстве следственных подразделений ГСУ ГУ МВД России по Ставропольскому краю находилось уголовное дело № 12201070070020050, возбужденное 11 января 2022 г. по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 207 Уголовного кодекса Российской Федерации, по факту поступления с электронного адреса kikolomanniu@protonmail.com на электронную почту ФСБ России сообщения о

¹Например: <https://iplogger.org/ru/>; <https://www.getnotify.com/>; <https://grabify.com> и др.

² Canarytokens.org.

минировании здания МАОУ Гимназия № 24 в г. Ставрополе. В ходе расследования на вышеуказанный адрес электронной почты, используемый в преступных целях, была направлена ссылка, сформированная программой IP-логгер, по которой перешел преступник, тем самым раскрыв информацию о своем IP-адресе. Благодаря данным действиям к уголовной ответственности были привлечены два лица за совершение 27 аналогичных преступлений [2].

В ходе настоящего исследования проводились интервьюирование и анкетирование 96 сотрудников органов внутренних дел РФ, деятельность которых связана с раскрытием и расследованием преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Только 15 респондентов были осведомлены о возможностях программ типа IP-логгер и 3 – о canarytokens. При этом случаев использования canarytokens в оперативно-служебной деятельности не было установлено. В связи с данными обстоятельствами представляется небезынтересным рассмотрение функционала данного интернет-ресурса в разрезе противодействия преступности.

Canarytokens представляет собой веб-сервис или программное обеспечение, который формирует специальные интернет-

ссылки или файлы для последующего их размещения на цифровом ресурсе любым способом: на веб-сайте, в сообщении мессенджера, в электронном письме и др. Когда пользователь переходит по такой ссылке или открывает файл с кодом, фиксируется его IP-адрес и информация в отношении программно-аппаратных характеристик используемого компьютерного устройства.

Шаг первый: создание токена (рис. 1). При создании токена нужно выбрать его тип. Им может быть URL-адрес веб-ресурса, файл Microsoft Office, PDF-документ, изображение, QR-код и др. Выбор типа зависит от обстоятельств, сложившихся в ходе расследования преступления. При этом целесообразно обеспечить, чтобы пользователь не осознал, что таким образом пытаются установить его личность. Это может быть изображение чека, направляемое преступнику в подтверждение осуществленной банковской транзакции, или ссылка на веб-сайт школы для заказа ложного сообщения о готовящемся террористическом акте. Далее необходимо указать адрес электронной почты, на который будет приходить информация о срабатывании токена.

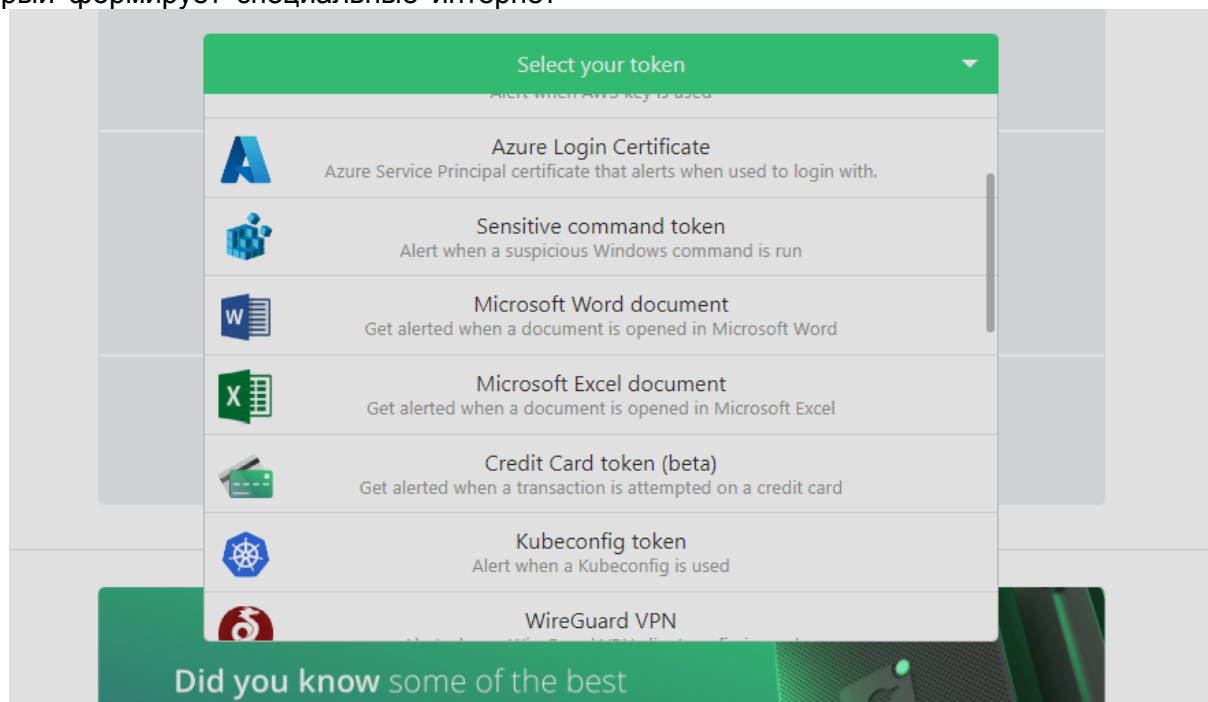

Рис. 1. Выбор типа canarytokens

Шаг второй: направление токена. Способ направления токена зависит от следственной ситуации и от того, по каким средствам связи осуществляется коммуникация с преступником. Зачастую это может быть электронная почта, мессенджер, социальная сеть или SMS-сообщение. Перед направлением ссылки преступнику следует ее протестировать на устройствах, находящихся в пользовании инициатора этой процедуры. Некоторые особенности могут быть обнаружены при использовании мессенджеров и социальных сетей. В ряде случаев, когда в качестве токена выступает не файл, а интернет-ссылка, мессенджер автоматически проверяет поступившую ссылку и получивший ее пользователь увидит не только ее текстовое наименование, но и эмблему веб-сайта, на котором она была создана, например canarytokens.org. Это будет выглядеть подозрительно и существенно снижать вероятность срабатывания токена.

Шаг третий: анализ полученной информации (рис. 2, 3). В случае срабатывания токена орган следствия может получить не только IP-адрес пользователя, но и иную информацию, имеющую значение для уголовного дела. В информации присутствуют наименование интернет-провайдера, страна и предполагаемый населенный пункт места нахождения пользователя. Информация о населенном пункте может быть не точной, поскольку она относится к

интернет-провайдеру, который может распределять IP-адреса на территории нескольких регионов. Эти сведения будут соответствовать действительности, только если интернет-провайдер работает на территории одной административно-территориальной единицы. В информации о срабатывании токена также будут содержаться сведения о часовом поясе, дате, времени и установленном языке на компьютерном устройстве. Важное значение будут иметь программно-аппаратные характеристики данного устройства пользователя. К ним относятся: размер экрана, марка и модель графического процессора, операционная система, веб-браузер и его версия, а также пользовательский агент (useragent) – идентификационная строка клиентского оборудования. Кроме того, могут содержаться сведения о наличии сенсорного дисплея, установленном в веб-браузере блокировщике рекламы, работе в режиме инкогнито и др. Объем и качество полученной информации зависят от типа токена и уровня приватности компьютерного устройства пользователя. Например, при направлении токена – файла MicrosoftWord – может быть получена информация о наименовании и версии программы, с помощью которой пользователь открыл файл на своем устройстве. А при направлении токена – URL-ссылки – может быть получена информация о размерах экрана устройства, наименовании и версии браузера, установленных расширениях.

Canarytoken triggered

ALERT

An MS Word Canarytoken has been triggered by the Source IP 31.204.107.21

Basic Details:

Channel	HTTP
Time	2023-11-29 18:23:22.799374
Canarytoken	dp1a98pf9a9ki5y56mzt6mde5
Token reminder	it works
Token type	MS Word
Source IP	31.204.107.21
User-agent	Mozilla/4.0 (compatible; MSIE 7.0; Windows NT 10.0; Win64; x64; Trident/7.0; .NET4.0C; .NET4.0E; .NET CLR 2.0.50727; .NET CLR 3.0.30729; .NET CLR 3.5.30729; Zoom 3.6.0; ms-office; MSOffice 16)

Рис. 2. Пример информации, полученной при срабатывании токена

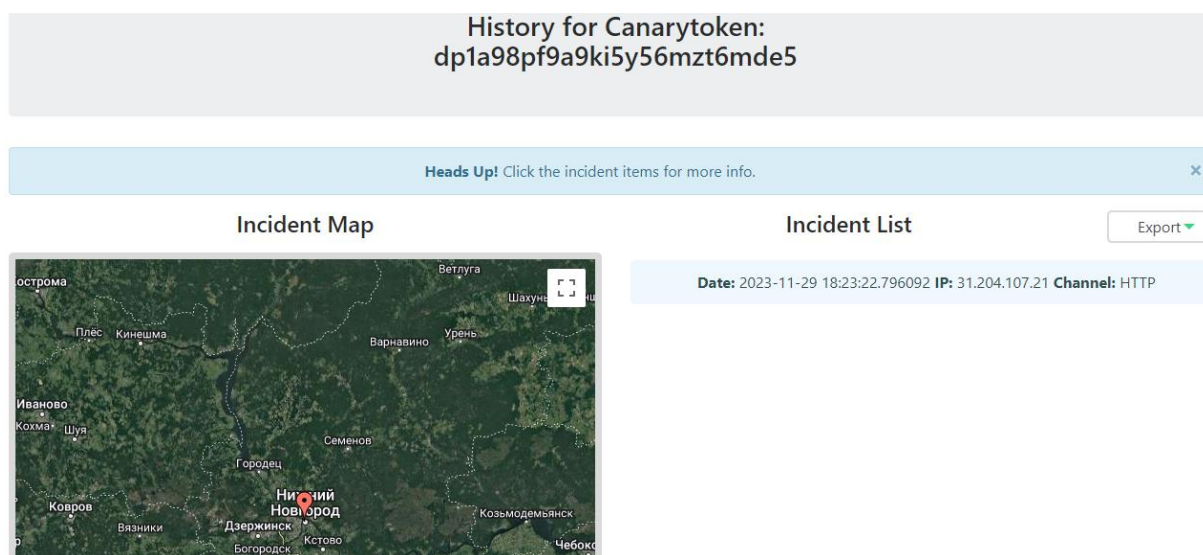

Рис. 3. Пример информации, полученной при срабатывании токена

Шаг четвертый: работа с полученной информацией. Процессуальные действия по установлению личности пользователя по IP-адресу неоднократно рассматривались в учебной и научной литературе [3], поэтому в рамках настоящей статьи акцент сделан на работу с иной вышеуказанной информацией. Пользовательский агент может быть представлен в следующем виде: Mozilla/5.0 (Windows NT 10.0; Win64; x64) AppleWebKit/537.36 (KHTML, likeGecko) Chrome/116.0.5845.967 YaBrowser/23.9.1.967 Yowser/2.5 Safari/537.36. При использовании открытых источников, например <https://useragents.io>, по пользовательскому агенту можно провести парсинг и получить информацию о наименовании и версии веб-браузера, операционной системе и ее битности, типе компьютерного устройства (смартфон, планшет, компьютер и др.), включении Javascript, CSS, Cookies и др. Данная информация может быть использована для разработки криминалистических версий, для установления личности пользователя наравне с IP-адресом. Такие сведения называются цифровыми отпечатками или отпечатками браузера (Browser Fingerprints). Они передаются веб-браузером при каждом обращении на веб-сайт для того, чтобы он адаптировал свое содержимое под требования устройства пользователя. Отпечатки браузера используются администраторами веб-сайта в целях настройки рекламы для идентификации пользователей и работают даже в тех случаях, когда cookie-файлы отключены [4, с. 50-53].

Интересным в рамках рассматриваемой темы представляются особенности работы canarytokens в случаях, когда преступником используются такие популярные средства повышения анонимности в сети, как VPN-сервисы и Тор-браузер [4, с. 50-53]. В ходе исследования проведены эксперименты, которые привели к следующим результатам. При использовании VPN-сервиса при срабатывании токена можно получить IP-адрес данного сервиса, а не самого пользователя, но остальная информация передается в соответствующем действительности виде. В таких случаях сведения об отпечатках браузера имеют повышенное значение. При использовании Тор-браузера IP-логгер получает значительно меньше информации. В таких случаях может быть установлен IP-адрес выходной ноды сети Тор и факт использования данной сети, что, очевидно, является недостаточным для эффективной работы с отпечатками браузера.

Рассмотрев технические особенности функционирования canarytokens, следует затронуть процессуальные аспекты их использования в расследовании преступлений. Поскольку этот метод активной деанонимизации личности преступника является относительно новым в арсенале правоохранительных органов и редким в использовании, однозначная практика его применения еще не сформирована. Представляется, что в данном контексте есть два направления.

Первое направление – использование инструментария органа дознания. В данном случае следователь дает поручение о

производстве оперативно-розыскных мероприятий, результаты которых в последующем предоставляются в орган предварительного следствия.

Второе направление – производство следственных действий. Стоит повториться, что данный вопрос является дискуссионным, однако представляется возможным использование данного метода в рамках осмотра или следственного эксперимента. В этом случае целесообразно привлекать специалиста, которого в последующем необходимо допрашивать с выяснением механизма работы *sanarytokens* для подтверждения достоверности полученных доказательств.

Оба варианта имеют право на существование и выбор конкретного из них зависит от множества факторов: уровня подготовки следователя и сотрудника органа дознания, наличия специалиста, позиции прокуратуры и др.

Резюмируя изложенное, следует заключить, что *sanarytokens* служит эффективным средством активной деанонимизации личности преступника в сети Интернет. Преимуществами являются: оперативность получения информации даже в тех случаях, когда преступником используются интернет-ресурсы, находящиеся вне юрисдикции РФ; получение сведений не только об IP-адресе, но и о программно-аппаратных характеристиках используемого компьютерного устройства; возможность получения сведений, имеющих значение для уголовного дела, в случаях, когда преступником используется VPN-сервис. К недостаткам можно отнести низкую эффективность при использовании преступником Тор-браузера. Однако следует заметить, что это все же является в большей степени не отрицательной характеристикой IP-логгера, а особенностью работы вышеуказанного веб-браузера и сети Тор.

1. Состояние преступности [Электронный ресурс] // URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 13.02.2024).

2. О направлении информации о положительном опыте: письмо Следственного департамента МВД России от 5 июня 2023 г. № 17/1-18806.

3. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации и иных преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: учеб. пособие / Р.С. Поздышев, А.Е. Васильев, А.Г. Саакян [и др.]. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2023.

4. Поздышев Р.С. Деанонимизация личности преступника в сети Интернет // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2 (34).

Информация об авторе:

Р.С. Поздышев, заместитель начальника кафедры предварительного расследования, кандидат юридических наук

About the author:

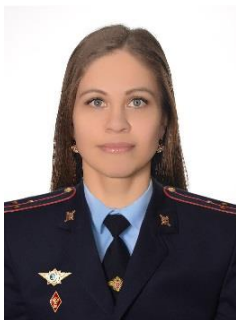
R.S. Pozdyshev, deputy chief of the chair of preliminary investigation, candidate of law science

Статья поступила в редакцию 15.02.2024

Научная статья

doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-107-111

СИДОРОВА ЕКАТЕРИНА ЗАКАРИЕВНА

Восточно-Сибирский институт МВД России (Иркутск, Россия)

ketrik6@mail.ru

ORCID.ORG/0000-0001-5045-2054

УСОВ ЕВГЕНИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ

Байкальский институт БРИКС ИРНТУ (Иркутск, Россия)

usov.evgeniy@list.ru

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ (ЦИФРОВЫХ) ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В статье представлена общая характеристика виктимологической профилактики преступлений, совершенных с использованием информационных (цифровых) технологий. Авторы подчеркивают, что изучение уголовно-правовых и криминологических особенностей цифровой преступности является обоснованным и необходимым на современном этапе развития общества и государства. Актуальность исследования обусловлена тем, что современный мир в большей степени ориентирован на переход в цифровое пространство. И поскольку современная преступность активно использует в своих криминальных целях информационные (цифровые) технологии, правоприменитель, занимающийся борьбой с цифровыми преступлениями, нуждается в теоретически обоснованных исследованиях по данной тематике.

Целью настоящей работы является раскрытие виктимологических особенностей профилактики некоторых составов цифровых преступлений, а также исследование криминологически значимых характеристик современной цифровой преступности и разработка на данной основе ключевых мер, направленных на предупреждение преступлений, совершаемых в информационном пространстве.

В настоящем исследовании авторы делают акцент на основах виктимологической профилактики цифровой преступности. В статье идет речь о том, какие основные меры должны быть приняты гражданами, чтобы обезопасить себя от становления жертвой цифрового (кибер) преступления. Распространенность использования современных цифровых технологий не вызывает сомнений, и человек, использующий ИТТ, может с легкостью стать жертвой киберпреступления либо просто пострадать из-за отсутствия у него базисных правил цифровой безопасности. В этой связи основы виктимологической профилактики представляют собой важную составляющую превенции цифровой преступности.

Настоящее исследование предназначено для лиц, интересующихся вопросами уголовно-правового противодействия преступлениям, совершенным с использованием информационных (цифровых) технологий.

Ключевые слова и словосочетания: цифровая преступность, киберпреступления, виктимология, криминологическое предупреждение, жертва преступления, виктимологическая профилактика.

Для цитирования: Сидорова Е.З., Усов Е.Г. Виктимологическая профилактика преступлений, совершенных с использованием информационных (цифровых) технологий // Вестник ВИПК МВД России. – 2024. – № 1 (69). – С. 107-111; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-107-111

SIDOROVA EKATERINA Z.

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Irkutsk, Russia)

USOV EVGENIJ G.

Baikal Institute of BRICS IRNTU (Irkutsk, Russia)

VICTIMOLOGICAL PREVENTION OF CRIMES COMMITTED WITH THE USE OF INFORMATION (DIGITAL) TECHNOLOGIES

Annotation. The article presents the general characteristics of victimological prevention of crimes committed using information (digital) technologies. The authors emphasize that the study of criminal law and criminological features of digital crime is justified and necessary at the present stage of development of society and the state. The relevance of the research is due to the fact that the modern world is more focused on the transition to the digital space. And since modern crime actively uses information (digital) technologies for its criminal purposes, a law enforcement officer engaged in combating digital crimes needs theoretically grounded research on this topic.

The purpose of this work is to reveal the victimological features of the prevention of certain types of digital crimes, as well as the study of criminologically significant characteristics of modern digital crime and the development on this basis of key measures aimed at preventing crimes committed in the information space.

In this study, the authors focus on the basics of victimological prevention of digital crime. The article discusses what basic measures should be taken by citizens to protect themselves from becoming a victim of a digital (cyber) crime. The prevalence of the use of modern digital technologies is beyond doubt, and a person using ITT can easily become a victim of cybercrime or simply suffer due to the lack of basic rules of digital security. In this regard, the basics of victimological prevention are an important component of the prevention of digital crime.

This study is intended for researchers interested in the issues of criminal law counteraction to crimes committed using information (digital) technologies.

Key words and word combinations: digital crime, cybercrime, victimology, criminological prevention, victim of crime, victimological prevention.

For citation: Sidorova E.Z., Usov E.G. Victimological prevention of crimes committed with the use of information (digital) technologies // Vestnik Advanced Training Institute of MIA of Russia. – 2024. – № 1 (69). – P. 107-111; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-107-111

Начиная изучение темы, связанной с особенностями виктимологического предупреждения преступлений, совершаемых с использованием информационных (цифровых) технологий, необходимо отметить следующее.

В современных реалиях защита цифрового пространства является одной из актуальных задач государственных и правоохранительных структур. Рост современных технологий не останавливается [1, с. 33]. Новые общественные отношения в данной области

возникают столь стремительно, что нормативно-правовое регулирование не успевает за этими процессами. При этом Российская Федерация столкнулась с цифровой преступностью только в 90-е годы XX века. В связи с тем, что цифровая (кибер) преступность выделяется в самостоятельный вид преступной деятельности, возможно детальное изучение ее особенностей, специфики детерминации, причинности, а также выработка дифференцированных мер по борьбе с ней. При этом подчеркнем, что

современная судебная практика и статистика по делам о цифровых преступлениях на современном этапе достаточно разнообразна, и пока, к сожалению, не выработаны единые подходы к квалификации преступлений в данной сфере, что предполагает необходимость внесения отдельных законодательных изменений либо урегулирования спорных вопросов в актах Верховного Суда Российской Федерации.

В связи с актуальностью и распространенностью цифровых отношений, а также проблем, возникающих с их появлением и развитием, достаточно большое количество исследователей уже обратились к изучению обозначенной проблематики. Например, это работы В.М. Быкова, О.С. Гузеевой, О.С. Капинус, В.В. Крылова, Е.А. Русскевича, А.В. Суслопарова, Л.Г. Устьева, В.Н. Черкасова, А.Е. Шаркова, Н.А. Шведа и многих других исследователей.

Объектом нашего исследования выступили цифровые преступления, цифровая преступность, криминологические и виктимологические особенности и способы борьбы с ней.

Подчеркнем, что настоящая работа опирается на действующие нормативные правовые акты, регламентирующие ответственность за цифровые преступления, а также на материалы актуальной судебной практики. При этом методология исследования основана на общенаучном диалектическом методе познания. Нашли также применение общенаучные методы, такие как анализ, формально-логический метод и др., а также использованы частнонаучные методы: сравнительный, системный, метод обобщения правоприменительной практики и др.

По нашему мнению, настоящая работа имеет практическое назначение, которое заключается в том, что представленные выводы и результаты исследования могут использоваться в дальнейшем в учебном процессе по таким дисциплинам и отраслям права, как «Информационное право», «Правовые вопросы функционирования информационных систем», «Правозащитная деятельность и права человека» и пр., а также могут выступить в качестве учебного материала для разработки исследовательских работ по смежной или аналогичной тематике.

Новизна данного исследования состоит в том, что в данной работе путем

всестороннего исследования научно-юридической литературы, а также правоприменительной практики освещены ключевые аспекты виктимологической профилактики с цифровыми преступлениями.

В общем смысле понимания слова под киберпреступлением (или цифровым преступлением) подразумевается любое виновное общественно опасное посягательство, совершенное за счет использования IT-технологий или в самом информационном пространстве.

В то же время информационными технологиями именуется как сами технические устройства с выходом в сеть Интернет, к числу которых следует отнести, например, персональные компьютеры, ноутбуки, гаджеты, так и сама информация с ее материальными носителями.

Необходимо понимать, что цифровые преступления всегда взаимодействуют с информационным пространством. Информационное пространство – это, прежде всего, информационно-телекоммуникационная сеть. Например, к такому стоит отнести сеть Интернет, локальную компьютерную сеть и т.д. При этом главной особенностью совершения вышеуказанной разновидности противоправных посягательств является место совершения уголовно наказуемого деяния.

Среди факторов, способствующих совершению цифровых преступлений, следует отметить высокий уровень правового нигилизма в нашем государстве. Большинство граждан не знают о том, какие именно преступления следует относить к цифровым и каким образом обезопасить себя от становления жертвой от их совершения.

При этом предупреждение преступности является важнейшей составляющей государственной политики [4, с. 21]. В свою очередь, предупреждение именно цифровой преступности – это многоплановая задача, в решении которой принимают участие многие субъекты и заинтересованные лица. Одними из таких лиц выступают потенциальные жертвы киберпреступлений. Иными словами, виктимологическая профилактика цифровой преступности есть нечто иное, как основа предупреждения преступлений, совершаемых в сфере информационных (цифровых) технологий.

Выступая на расширенном заседании коллегии МВД России 17 февраля 2022 г., Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул, что в результате действий кибермошенников урон несут отечественные компании, и, кроме того, жертвами преступников становятся пенсионеры, многодетные семьи, люди с ограниченными возможностями по здоровью [3].

В свою очередь, Министр внутренних дел В.А. Колокольцев указал, что «на 70% увеличилась штатная численность подразделений по противодействию преступлениям, совершённым с использованием ИТТ, однако успешная борьба с ИТ-преступностью возможна только при консолидации усилий правоохранительных органов, соответствующих регуляторов, а также с участием операторов связи и интернет-провайдеров» [3].

В научной литературе отмечается, что под киберпреступлением можно понимать акт социальной девиации с целью нанесения экономического, политического, морального, идеологического, культурного и других видов ущерба индивиду, организации или государству посредством любого технического средства с доступом в Интернет [10, с. 33].

Жертвами киберпреступлений могут стать различные категории граждан. Статистические показатели о числе лиц, официально признанных жертвами цифровых преступлений, заставляют снова и снова обращаться к вопросам необходимости повышения уровня защищенности граждан от киберпреступности. Кроме того, ущерб мировой экономики от киберпреступлений растет в геометрической прогрессии [10, с. 34].

В основе борьбы с цифровой преступностью (как и с любым иным видом преступности) должна лежать деятельность, направленная на нейтрализацию негативного воздействия криминогенных факторов, способствующих развитию данного вида преступности. Кроме того, большим потенциалом обладает виктимологическая профилактика. Для того чтобы эффективно противодействовать цифровым преступлениям, необходимо пресекать негативные проявления таких факторов, как несоразмерность роста цифровизации общества и цифровой грамотности населения РФ [2], увеличение аудитории социальных сетей и

мессенджеров [8], активный рост применения электронных средств платежей [6].

В данном случае можно заключить, что распространенность использования современных цифровых технологий не вызывает сомнений [7]. Человек, использующий ИТТ, может с легкостью стать жертвой киберпреступления либо просто пострадать из-за отсутствия у него базисных правил цифровой безопасности, таких как:

- не переходить по ссылкам, отправленным ему через личные сообщения мессенджеров или социальных сетей, поскольку пользователь, отправивший их, может быть взломан, вследствие чего другому пришла ссылка на фишинговый сайт; в данном случае пользователь может получить материальный вред от кражи конфиденциальной информации или же искомых данных банковских карт;

- при покупке на интернет-ресурсах, какой бы ни была привлекательной цена того или иного товара, не следует переводить предоплату, поскольку злоумышленники часто пользуются наивностью людей, это один из основных механизмов социальной инженерии;

- не стоит ставить один и тот же пароль на все свои интернет-ресурсы, будь то электронная почта или аккаунт от социальных сетей, не следует также хранить пароли в любом электронном виде из-за возможности дистанционного взлома телефона, целесообразнее всего свои пароли хранить на бумажных носителях или в голове;

- при совершении покупок в Интернете следует завести дополнительную банковскую карту для переводов определенных сумм денежных средств, что позволит в случае утечки банковских данных, то есть номера карты или трехзначного кода на обратной стороне, сохранить денежные средства владельца;

- не спешить заполнять анкеты, приходящие из неизвестных спам-рассылок; свои персональные данные следует вводить только на проверенных сайтах, поскольку в противном случае данное заполнение может быть использовано не по назначению указанной анкеты;

- помнить о том, что киберзлоумышленники – хорошие

манипуляторы, искусно пользующиеся приемами социальной инженерии, они могут вызвать у потерпевшего чувство тревожности и стресса путем сообщения информации о чрезвычайном положении близких и родных или иных ситуаций, которые могут дестабилизировать жертву преступления;

– внимательно следить за файлами, которые скачиваются из неизвестных источников, при этом на том или ином устройстве обязательно должно быть установлено антивирусное программное обеспечение;

– проверять условия и права доступа при скачивании программ и файлов из неизвестных источников;

– своевременно обновлять антивирус, что предотвратит возможное установление вредоносного программного обеспечения.

Из вышесказанного следует, что всю входящую информацию следует пропускать через призму скептицизма. Не стоит доверять любой входящей информации, ведь впоследствии она может принести как материальный, так моральный вред.

В завершение еще раз подчеркнем, насколько важно проявлять основы виктимологической профилактики гражданам, если они не хотят стать жертвами цифрового (кибер) преступления. В этой связи, на наш взгляд, основы виктимологической профилактики представляют собой важную составляющую превенции цифровой преступности в целом [5, с. 72].

1. Гришина Е.П. Цифровые технологии правосудия: международный опыт и российские перспективы защиты бизнеса // Безопасность бизнеса. 2023. № 1.

2. Информационное общество в Российской Федерации – 2019: стат. сборник / М.А. Сабельникова, Г.И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг [и др.] // URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/info-ob2019.pdf> (дата обращения: 05.10.2023).

3. Расширенное заседание коллегии Министерства внутренних дел. 2022 г.: офиц. сайт // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67795> (дата обращения: 24.10.2023).

4. Сидорова Е.З. Современная уголовная политика в области предупреждения преступности в сфере образования, реализуемая на международном уровне // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2021. № 1 (57).

5. Сидорова Е.З. Современные криминологические характеристики цифровой преступности (цифровой преступник и его жертва) // Сибирский юридический вестник. 2023. № 3 (102).

6. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2022 // Brand Analytics: сайт // URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2022/> (дата обращения: 05.10.2023).

7. Статистика национальной платежной системы // Банк России: сайт. // URL: <https://cbr.ru/statistics/nps/psrf/> (дата обращения: 05.10.2023).

8. Цифровая грамотность россиян: исследование 2020 // НАФИ. Аналитический центр: сайт // URL: <https://nafu.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/> (дата обращения: 05.10.2023).

9. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2022 года: стат. бюллетень // Федеральная служба государственной статистики (Росстат): сайт // URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf (дата обращения: 05.10.2023).

10. Швед Н.А. Неправомерный доступ к компьютерной информации: уголовно-правовая защита в Российской Федерации и Республике Беларусь // Информационное право. 2016. № 2.

Информация об авторах:

Е.З. Сидорова, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук

Е.Г. Усов, доцент, кандидат юридических наук

About the authors:

E.Z. Sidorova, Deputy Head of the Department of Criminal Law and Criminology, PhD in Law

E.G. Usov, associate professor, candidate of law

Статья поступила в редакцию 30.10.2023

Научная статья

УДК 343.137.2

doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-112-117

СОЛОДОВНИК ВЯЧЕСЛАВ ВИКТОРОВИЧ

Ленинградский областной
филиал Санкт-Петербургского университета
МВД России (Санкт-Петербург, Россия)

slaviik_bel@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ В УПРОЩЕННЫХ ФОРМАХ

Аннотация. В научной статье рассматриваются некоторые процессуальные гарантии обеспечения прав подозреваемого (обвиняемого) при применении упрощенных форм производства: дознания в сокращенной форме, особого порядка судебного разбирательства. Также рассматриваются сроки, участники и возможности их действий при применении упрощенных форм производства. Автор обращает внимание, что уровень принуждения значительно сокращается при производстве в упрощенных формах, что связано со снижением уровня противодействия деятельности властных субъектов. Автор считает, что некоторые процессуальные гарантии должны быть расширены путем предоставления следователю (дознавателю) права действовать по своему усмотрению. В то же время процессуальная гарантия, связанная с предоставлением государственному обвинителю возможности возражать против применения особого порядка судебного разбирательства, таковой не является, потому что на практике данные возражения в большинстве случаев не обоснованы, не мотивированы и ведут к нарушению права обвиняемого на применение упрощенной формы производства.

Ключевые слова и словосочетания: упрощенное производство, особый порядок, права обвиняемого, заявление ходатайства, процессуальные гарантии.

Для цитирования: Солодовник В.В. О некоторых процессуальных гарантиях обеспечения прав подозреваемого (обвиняемого) при производстве в упрощенных формах // Вестник ВИПК МВД России. – 2024. – № 1 (69). – С. 112-117; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-112-117

SOLODOVNIK VYACHESLAV V.

Leningrad Regional Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(St. Petersburg, Russia)

**ON SOME PROCEDURAL GUARANTEES
OF ENSURING THE RIGHTS OF THE SUSPECT (ACCUSED)
IN PRODUCTION IN SIMPLIFIED FORMS**

Annotation. The scientific article examines some procedural guarantees for ensuring the rights of a suspect (accused) in the application of simplified forms of production: an inquiry in an abbreviated form, a special procedure for judicial proceedings. The terms, participants and possibilities of their actions in the application of simplified forms of proceedings are considered. The author draws attention to the fact that the level of coercion is significantly reduced during production in simplified

forms, which is associated with a decrease in the level of opposition to the activities of government entities. The author believes that some procedural guarantees should be expanded by giving the investigator (inquirer) the right to act at his discretion. At the same time, the procedural guarantee associated with giving the public prosecutor the opportunity to object to the satisfaction of the accused's petition for the application of a special procedure for judicial proceedings is not such, because in practice these objections in most cases are not substantiated, are not motivated and lead to a violation of the accused's right to use a simplified form of proceedings.

Key words and word combinations: simplified proceedings, special procedure, rights of the accused, statement of petition, procedural guarantees.

For citation: Solodovnik V.V. On some procedural guarantees of ensuring the rights of the suspect (accused) in production in simplified forms // Vestnik Advanced Training Institute of MIA of Russia. – 2024. – № 1 (69). – P. 112-117; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-112-117

Рассмотрение процессуальных гарантий обеспечения прав обвиняемого следует начать с закрепленного в ст. 6 УПК РФ назначения уголовного судопроизводства, согласно которому ни один невиновный не должен быть обвинен в совершении преступления, осужден и ограничен в своих правах и свободах. Именно в назначении уголовного судопроизводства прослеживается его правозащитный характер, на первом месте в котором стоит обеспечение защиты потерпевших от преступлений.

В этой связи справедливо мнение И.Б. Михайловской, что все остальные уголовно-процессуальные принципы относятся к гарантиям обеспечения прав участников процесса, которые не имеют властных полномочий, в особенности обвиняемого, который более всего подвержен действию силы принуждения со стороны правоохранительных органов [4, с. 3].

Однако некоторые формы принуждения могут реализовываться в рамках досудебного производства, как правило, в случаях, когда обвиняемый конфликтует со следователем или дознавателем, активно противодействует расследованию. В этих ситуациях следователь не только может, но даже обязан применять свои возможности принуждения в рамках требований закона, чтобы найти доказательства причастности обвиняемого к совершенному преступлению или его невиновности. Но дело обстоит иначе, если обвиняемый выражает свое согласие с предъявленным обвинением и способствует обнаружению иных доказательств его причастности к данному преступлению. В данном случае дело может быть рассмотрено судом в особом порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ, что существенно упростит производство по делу, повысит его эффективность и снизит затраты на него.

Право заявления ходатайств никак не ограничено действующим законодательством. Согласно ч. 1 ст. 120 УПК РФ, ходатайство может быть заявлено в любой момент производства по уголовному делу. Но из этого общего правила имеются некоторые исключения, которые связаны с ограничением времени на заявление подозреваемым (обвиняемым) ходатайств о применении упрощенных форм производства по делу. Согласно ч. 2 ст. 226.4 УПК РФ, подозреваемый может заявить ходатайство о проведении дознания в сокращенной форме только в течение двух суток с момента разъяснения ему соответствующего права. Согласно ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ, подозреваемый (обвиняемый) вправе заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с момента начала уголовного преследования до окончания предварительного расследования. Ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке заявляется по окончании предварительного расследования при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела или в суде до назначения судебного заседания.

В этой связи И.В. Овсянников указывает, что в случае нарушения указанных временных рамок заявления рассматриваемых ходатайств государственный обвинитель может возражать против применения упрощенной формы производства по уголовному делу [5, с. 168]. Мы согласны, что такой порядок существует, но насколько он необходим, попробуем разобраться.

Тенишев А.П. считает, что «необходимость таких ограничений обусловлена стабильностью отечественного уголовного судопроизводства, его делением на досудебное и судебное производство по уголовному делу» [9, с. 66]. Мы поддерживаем

данную точку зрения в той степени, что она соответствует действительности, но не совсем объясняет необходимость подобного ограничения сроков заявления указанных ходатайств, потому что, если появляется возможность упростить производство по делу (конечно, без каких-либо нарушений закона), то представляется необходимым это сделать, даже если указанный срок пропущен подозреваемым (обвиняемым). Но, чтобы не ставить следователя (дознателя) в зависимость от решений подозреваемого (обвиняемого), представляется необходимым, когда указанный срок нарушен, а подозреваемый или обвиняемый все равно заявляет ходатайство о применении упрощенной формы производства по делу, решение данного вопроса передать на усмотрение следователя (дознателя). Это должно в необходимой степени дисциплинировать участников процесса, оставляя в то же время возможность применить упрощенную форму производства по делу и по истечении указанных сроков.

Кроме того, в ч. 1 ст. 314 УПК РФ довольно непонятно и противоречиво указаны временные рамки возможного заявления обвиняемым ходатайства о рассмотрении дела в особом порядке, когда он согласен с предъявленным обвинением. Однако данное ходатайство обвиняемого может быть удовлетворено только при наличии указанных в ч. 2 ст. 314 УПК РФ условий, одним из которых является согласие государственного или частного обвинителя и потерпевшего. Но, согласно ч. 7 ст. 318 УПК РФ, лицо, заявившее в суд о преступлении, будет считаться частным обвинителем только с момента принятия судом заявления к своему производству. Получается, что частный обвинитель может появиться только в судебных стадиях производства по делу. Такая же ситуация и с государственным обвинителем, который, согласно п. 6 ст. 5 УПК РФ, является сотрудником прокуратуры и должен поддерживать обвинение в суде.

Кроме того, следует обратить внимание на возможность государственного обвинителя возражать против удовлетворения ходатайства обвиняемого о применении особого порядка судебного разбирательства.

Ярцев Р.В. по этому поводу справедливо пишет, что «наличие в арсенале стороны обвинения немотивированного и бессроч-

ного «вето» на особый порядок, не предусматривающего ни оснований, ни причин, по которым оно может быть наложено, не соответствует публичному функционалу прокуратуры и должно быть компенсировано строго регламентированным порядком не только получения такого согласия, но и отказа от него» [12, с. 239].

В свою очередь, С.И. Голиков считает, что «следователи и дознаватели по делам, рассматриваемым в особом порядке, упрощают свою работу до предела» [1, с. 133]. Мы с данной точкой зрения не согласны, потому что такой подход ведет к оправданию безосновательного отказа в рассмотрении дела в особом порядке, а, следовательно, и к нарушению права обвиняемого на применение данной формы производства.

В качестве примера можно привести случай из практики, когда государственный обвинитель не поддержал ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке. Своё решение он мотивировал неоднозначностью позиции обвиняемого М., который первоначально оспаривал факт совершения им преступления, но в ходе расследования согласился с предъявленным обвинением и дал признательные показания. Затем на последнем допросе он от дачи показаний отказался, заявив при ознакомлении с материалами дела ходатайство о применении особого порядка судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ). Данное ходатайство поддержали также защитник и потерпевший. Не поддержал данное ходатайство только государственный обвинитель, который мотивировал своё несогласие исключительно благими намерениями – необходимостью выяснить все обстоятельства дела, чтобы не допустить нарушения прав обвиняемого. В результате суд был вынужден рассмотреть дело в общем порядке [10]. Данная позиция государственного обвинителя представляется необоснованной и немотивированной, поскольку соблюдение прав обвиняемого в данном случае как раз и предполагает применение упрощенной формы производства, чтобы снизить пределы возможного наказания обвиняемому, дело в отношении которого рассматривается в особом порядке. Необоснованный и немотивированный отказ в этом должен расцениваться не как гарантия соблюдения прав обвиняемого, а, наоборот, как нарушение этих прав.

Также весьма распространенной в судебной практике является возражение против рассмотрения дела в особом порядке «в связи с необходимостью исследования доказательств». При этом какой-либо аргументации и причин, обосновывающих данное решение, государственный обвинитель не приводит [11]. Нам представляется данная практика весьма порочной, потому что нарушаются права обвиняемого на быстрое судебное разбирательство, а также связанное с ним ограничение пределов максимального наказания за совершенное преступление.

Некоторые ученые считают, что высокие процентные показатели рассмотрения дел в особом порядке обуславливают низкое качество уголовно-процессуальной деятельности. При этом они указывают на необходимость значительного снижения количества уголовных дел, рассматриваемых в особом порядке [3, с. 60]. С таким подходом трудно согласиться, потому что качество уголовно-процессуальной деятельности должно определяться отсутствием отмененных судебных решений, а решения, принятые по делам, рассмотренным в особом порядке, отменяются довольно редко.

Следующей гарантией соблюдения прав обвиняемого является необходимость присутствия защитника при заявлении ходатайства о производстве по делу в упрощенной форме (ч. 1 ст. 315 УПК РФ). При этом обязанность вызова защитника, если обвиняемый этого не сделает сам, возлагается именно на суд, который обязан это сделать. Данное требование закона не обеспечивает в полной мере участие защитника при заявлении указанного ходатайства, потому что его обвиняемый может заявить и при ознакомлении с материалами уголовного дела, которое может осуществляться без защитника или с защитником, но раздельно (ч. 1 ст. 217 УПК РФ). Тогда можно сделать вывод, что права обвиняемого в данном случае не в полной мере обеспечены, что ставит в дальнейшем под вопрос легитимность принятого судом решения об удовлетворении соответствующего ходатайства обвиняемого и в целом рассмотрение дела в особом порядке.

Также следует отметить, что гл. 40 и 40.1, в которых закреплен особый порядок производства по делу, структурно расположены в ч. 3 УПК РФ, которая называется «Судебное производство». А это косвенно

указывает на то, что обвиняемый может заявить такое ходатайство только в рамках судебного производства по делу, что, в свою очередь, перечеркивает возможность заявления ходатайства об особом порядке при ознакомлении с уголовным делом, на которую прямо указано в ч. 2 ст. 315 УПК РФ.

Также в досудебном производстве, когда идет процесс ознакомления с уголовным делом обвиняемого, еще не участвуют государственный или частный обвинитель, которые появятся только в суде. При этом их согласие с данным ходатайством является обязательным условием рассмотрения дела в особом порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ.

По данному поводу П.Н. Ременных справедливо ставит вопрос: «Как суд будет обеспечивать участие защитника, если данное ходатайство заявляется в момент ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела?» [8, с. 54]. Ответить на этот вопрос сложно, но можно. Суд может обеспечить участие защитника только в судебных стадиях производства по делу. При ознакомлении с делом обвиняемый может заявить указанное ходатайство и в дальнейшем в присутствии защитника еще раз поддержать его в суде. А суд должен обеспечить участие защитника, собрав участников производства по делу (государственного или частного обвинителя, потерпевшего) и выяснить позицию каждого относительно заявленного ходатайства о рассмотрении дела в особом порядке. При этом для положительного разрешения ходатайства обвиняемый должен его поддержать вместе с защитником, а государственный или частный обвинитель, а также потерпевший не должны возражать против удовлетворения данного ходатайства.

В связи с изложенным представляется необходимым устранить данное противоречие путем внесения соответствующего дополнения в п. 1 ч. 2 ст. 315 УПК РФ: «При этом участие защитника обеспечивает следователь (дознатель)». В данном случае не придется сокращать временные рамки возможности заявления такого ходатайства обвиняемым, что будет являться существенной процессуальной гарантией обеспечения его прав.

Редькин Н.В. и В.В. Иващенко пишут, что «согласие обвиняемого с обвинением, полученное в стадии предварительного

расследования, может сделать вполне вероятной ситуацию, при которой следствие не станет более собирать необходимые уличающие доказательства» [7, с. 34]. С данной точкой зрения мы не согласны, потому что следователь после предъявления обвинения должен допросить обвиняемого, выяснив его позицию относительно предъявленного обвинения. Получается, что следователь, будучи полностью проинформированным о процессуальной позиции обвиняемого, может самоустраниться от дальнейшего расследования. И чтобы этого не произошло, вопрос заявления обвиняемым указанного ходатайства откладывается до окончания расследования – на момент ознакомления с делом. Данная точка зрения не выдерживает критики, и поэтому обвиняемому должна быть предоставлена возможность заявить ходатайство об особом порядке в любой момент расследования, что никак не отразится на качестве последнего.

Касаткина С.А. считает, что «если обвиняемый ещё до окончания предварительного расследования может заявить о согласии с предъявленным обвинением, то становятся реальными опасения относительно некачественного или неполного расследования в расчете на имеющееся признание предъявленного обвинения» [2, с. 156]. С данной точкой зрения мы также не можем согласиться, поскольку непонятно, как обвиняемый будет ходатайствовать об особом порядке, если ранее не согласится с предъявленным обвинением. В любом случае позиция обвиняемого будет уже известна следователю (дознавателю) при предъявлении обвинения, и даже ранее – при допросе подозреваемого. При этом в случае расследования дела дознавателем обвинение формируется в обвинительном акте на заключительном этапе расследования.

Попова Е.И. придерживается мнения, что следователь заинтересован в применении особого порядка, чтобы скрыть допущенные нарушения, связанные с поверхностным характером расследования, его необъективностью и недоказанностью вины обвиняемого [6, с. 9]. С данной точкой зрения мы не согласны, так как следователь не имеет возможности замаскировать такие нарушения применением особого порядка, потому что они могут быть проде-

монстрированы обвиняемым или его защитником в суде (при их наличии), что повлечет за собой переход на общий порядок рассмотрения дела и исследование доказательств судом непосредственно. При этом обвиняемому достаточно отказаться от особого порядка или не поддержать уже заявленное ходатайство, и суд будет вынужден перейти на общий порядок, при котором все нарушения будут вскрыты. По данным причинам следователю нецелесообразно пытаться скрыть какие-либо нарушения за применением особого порядка или иных упрощенных форм производства.

В результате рассмотрения некоторых процессуальных гарантий, связанных с обеспечением прав подозреваемого (обвиняемого) при производстве в упрощенных формах, можно сделать следующие выводы.

1. Уровень принуждения значительно сокращается при производстве по уголовным делам в упрощенных формах, потому что снижается уровень противодействия процессуальной деятельности (предварительному расследованию, судебному разбирательству). В этом случае потребность в принуждении исчезает, так как исчезает конфликт, который его обуславливает.

2. Представляется, что при появлении объективной возможности осуществить производство по уголовному делу в упрощенной форме (без каких-либо нарушений закона) необходимо это сделать, даже если срок заявления соответствующего ходатайства был пропущен подозреваемым (обвиняемым). В этом случае целесообразно решение данного вопроса возложить на следователя (дознавателя), предоставив ему право действовать по своему усмотрению.

3. Предоставленная государственному обвинителю возможность возражать против ходатайства о применении особого порядка не является гарантией обеспечения прав обвиняемого, потому что государственные обвинители на практике нацелены на снижение количества уголовных дел, подлежащих рассмотрению в особом порядке, путем необоснованного несогласия с соответствующим ходатайством обвиняемого, что снижает эффективность производства по делу и затрагивает права и законные интересы обвиняемого на применение упрощенной формы производства.

4. Обязанность вызова защитника обвиняемому при заявлении ходатайства о применении особого порядка возлагается на суд, который не может это обеспечить, если обвиняемый заявляет данное ходатайство при ознакомлении с материалами уголовного дела, которое может осуществляться и без защитника или же с защитником, но раздельно. В связи с этим представляется необходимым устранить данное противоречие путем внесения соответствующего дополнения в п. 1 ч. 2 ст. 315 УПК РФ: «При этом участие защитника обеспечивает следователь (дознатель)».

5. В результате анализа процессуаль-

ных гарантий обеспечения прав подозреваемого (обвиняемого) при производстве в упрощенных формах можно констатировать, что критика упрощенных форм производства сводится к указанию на необеспечение полноты расследования, самоустранение следователя от процесса расследования и сокрытие им допущенных нарушений. Представляется, что данная критика не соответствует действительности, а упрощенные формы производства уже сами по себе обеспечивают права обвиняемого на быстрое, объективное и эффективное производство по делу.

1. Голиков С.И. Проблемы судебного разбирательства уголовных дел в особом порядке // Законность. 2015. № 12.
2. Касаткина С. А. Признание обвиняемого: монография. – М.: Проспект, 2010.
3. Красных С.С., Дудоров Т.Д. Особый порядок судебного разбирательства: реалии, проблемы, перспективы // Центральный научный вестник. 2020. Т. 5. № 7-10.
4. Михайловская И.Б. Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Рос. юстиция. 2002. № 7.
5. Овсянников И.В. Несогласие государственного обвинителя с применением особого порядка судебного разбирательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 1.
6. Попова Е.И. Криминалистическое обеспечение деятельности следователя по применению норм об особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением по уголовным делам о хищениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2013.
7. Редькин Н.В., Иващенко В.В. Проблемные вопросы производства судебного разбирательства в особом порядке по уголовным делам, расследованным в форме дознания // Рос. судья. 2009. № 9.
8. Ременных П.Н. Теоретические основы и практика применения особого порядка судебного разбирательства: дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2006.
9. Тенишев А.П. Особый порядок судебного разбирательства в уголовном процессе Российской Федерации: соответствие принципам и совершенствование процессуальной формы: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2018.
10. Уголовное дело № 1-203/2019 // Архив Выксунского городского суда Нижегородской области за 2019 год.
11. Уголовное дело № 1-245/2019 // Архив Борского городского суда Нижегородской области за 2019 год.
12. Ярцев Р.В. Особый порядок судебного разбирательства: новые подходы или старые ошибки (на основе мониторинга законодательства и правоприменительной деятельности) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Право. 2020. № 2.

Информация об авторе:

В.В. Солодовник,
доцент кафедры общеправовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент

About the author:

V.V. Solodovnik,
associate professor of the department of general
legal disciplines, candidate of law,
associate professor

Статья поступила в редакцию 21.02.2024

Научная статья

doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-118-121

ХАРИТОНОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ¹

Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России (Московская область, Россия)

Anxaritonov@mail.ru

ДАНИЛЕНКО ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (Москва, Россия)

irinadanilenko35@gmail.com

МАКСИМОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Севастопольский экономико-гуманитарный институт Крымского федерального университета им. Вернадского (Севастополь, Россия)

prichal77@yandex.ru

Возбуждение уголовного дела КАК СТАДИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. Данная статья посвящена процессуальным проблемам, которые возникают на стадии возбуждения уголовного дела и связаны с сущностью и содержанием рассматриваемого первоначального этапа уголовного процесса. В настоящее время не утихает дискуссия о дальнейших перспективах стадии возбуждения уголовного дела: одни ученые полагают, что рассматриваемую стадию необходимо исключить, другие, напротив, предлагают оставить без изменений. В статье рассматриваются проблемы, которые являлись предметом многолетнего обсуждения, приводятся мнения различных исследователей, на основании чего автор делает вывод о том, что стадия возбуждения уголовного дела как самостоятельный этап уголовного судопроизводства требует безусловного реформирования.

Ключевые слова и словосочетания: возбуждение уголовного дела, стадия уголовного процесса, досудебное производство, уголовное судопроизводство.

Для цитирования: Харитонов А.Н., Даниленко И.А., Максимов С.Н. Возбуждение уголовного дела как стадия уголовного судопроизводства // Вестник ВИПК МВД России. – 2024. – № 1 (69). – С. 118-121; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-118-121

HARITONOV ALEKSANDR N.

Advanced Training Institute of the MIA of Russia (Moscow region, Russia)

DANILENKO IRINA A.

O.E. Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia)

MAKSIMOV SERGEY N.

Sevastopol Economics and Humanities Institute of the Crimean University after Vernads (Sevastopol, Russia)

INITIATION OF A CRIMINAL CASE AS A STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. This article is devoted to procedural problems that arise at the stage of initiating a criminal case and are associated with the essence and content of the initial stage of the criminal process under consideration. Currently, there is an ongoing debate about the future prospects for the stage of initiating a criminal case: some scientists believe that the stage under consideration should be excluded, others, on the contrary, propose to leave it unchanged. The article discusses problems that have been the subject of many years of discussion, provides the opinions of various researchers, on the basis of which the author concludes that the stage of initiating a criminal case as an independent stage of criminal proceedings requires unconditional reform.

Key words and word combinations: initiation of a criminal case, stage of the criminal process, pre-trial proceedings, criminal proceedings.

For citation: Kharitonov A.N., Danilenko I.A., Maksimov S.N. Initiation of a criminal case as a stage of criminal proceedings // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. – 2024. – № 1 (69). – С. 118-121; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-118-121

На современном этапе развития уголовно-процессуальной науки к одной из самых обсуждаемых тем относятся проблемы стадии возбуждения уголовного дела. Не утихают споры о необходимости ликвидации или сохранения в уголовно-процессуальном законодательстве России рассматриваемого института.

Стадия возбуждения уголовного дела является первой, самостоятельной и обязательной стадией, с которой начинается вся уголовно-процессуальная деятельность должностных лиц. Данная стадия не начинается, а заканчивается вынесением постановления следователя, дознавателя, органа дознания о возбуждении уголовного дела, но у практических работников возникает ряд вопросов касательно регламентации осуществления доследственной проверки, объема полномочий должностных лиц до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела.

Прежде чем вынести постановление о возбуждении уголовного дела, должностные лица, осуществляющие проверку сообщения о преступлении, руководствуясь ст. 144 УПК РФ, осуществляют необходимые

процессуальные действия в установленный срок. Только после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела следователь, дознаватель и орган дознания получают право осуществлять любые следственные действия для собирания доказательств по делу, для избрания мер уголовно-процессуального принуждения, участники уголовного судопроизводства приобретают свой процессуальный статус. На данном этапе еще нет и не может быть такого участника, как обвиняемый, потому что таковым он может быть признан после вынесения следователем соответствующего постановления, но только по возбужденному уголовному делу. Свидетель тоже не может реализовать свои права, так как именуется очевидцем. Вместо допроса должностные лица проводят опрос, ведь такое следственное действие как допрос свидетеля возможно провести лишь после принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Как отмечает вполне справедливо А.Ю. Чурикова, при проверке сообщения о преступлении должностные лица фактически проводят полноценное расследование,

так как закон позволяет неограниченное число раз осуществлять проверки, отказывать в возбуждении уголовного дела, отменять постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, снова проводить проверку и вновь отказывать в возбуждении уголовного дела [7, с. 112-119].

Зачастую, в практической деятельности полномочия должностных лиц на стадии возбуждения уголовного дела сводятся лишь к осуществлению проверки сообщения преступления. Уголовно-процессуальным законом установлен четкий перечень следственных и процессуальных действий, производство которых возможно до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. По сути законодатель вынуждает правоприменителя подменять понятия, осуществляя вместо следственных действий действия непроцессуальные, не закрепленные в уголовно-процессуальном кодексе. Так, почти все следственные действия могут быть заменены оперативно-розыскными мероприятиями. Например, вместо судебной экспертизы можно провести исследование предметов и документов. Кроме того, закон не запрещает производство досмотра, взятие объяснений. В дальнейшем для получения доказательств по уголовному делу следователю придется по сути проводить повторно данные действия, дабы придать им необходимую уголовно-процессуальную форму.

Стадия возбуждения уголовного дела в Российском уголовном процессе как раз и является неким необходимым фильтром, представляющим собой переходный этап между непроцессуальной (например, оперативно-розыскной) и процессуальной деятельностью одних и тех же должностных лиц.

В большинстве же зарубежных государств с романо-германской правовой системой рассматриваемая стадия отсутствует, что абсолютно неприемлемо для российской модели уголовного процесса. Так, в ходе реформы, которая была начата в 1860 году, производство по делу было разделено на дознание и предварительное следствие. Полиция осуществляла дознание, а вот предварительное следствие проводилось судебными следователями. В дореволюционной России на досудебных стадиях основные функции по собиранию доказательств осуществлял как раз судебный следователь. Он осуществлял полномочия по раскрытию и расследованию преступлений. Судебный следователь мог прибегать для производства следственных действий к помощи полиции, даже в случае необходимости военных команд. Однако сбор и

оценку всех доказательств, собранных по уголовному делу, должен был осуществлять только судебный следователь единолично, при этом выполняя функции предварительного расследования. Можно сделать вывод, что в дореволюционном законодательстве стадии возбуждения уголовного дела в современном понимании не существовало.

Данная стадия получила свое законодательное закрепление только в УПК РСФСР 1960 года и сохранилась до наших дней, что многие авторы считают архаизмом. По мнению Б.Я. Гаврилова, наличие в уголовно-процессуальном кодексе стадии возбуждения уголовного дела влечет нарушения процессуального закона и ограничивает право граждан на доступ к правосудию [1, с. 28-34].

В своих работах А.П. Кругликов [4, с. 58], например, указывает, что стадия возбуждения уголовного не нужна на современном этапе развития уголовного процесса. Он предлагает началом предварительного расследования считать факт получения должностным лицом сообщения о преступлении. Деришев Ю.В. и К.А. Наумов [2, с. 54] тоже выступают за реформирование рассматриваемой стадии и отмечают, что стадия возбуждения уголовного дела превратилась в прообраз предварительного расследования, высказывают идею об исключении рассматриваемой стадии из уголовного судопроизводства.

Другая группа авторов, напротив, выступает за сохранение рассматриваемой стадии в уголовном процессе России. Так, М.В. Зяблина указывает, что не стоит отказываться от апробированных и проверенных институтов взамен непонятных национальному законодательству уголовно-процессуальных механизмов [3, с. 66-69].

Как указывал М.А. Чельцов в учебных пособиях еще в начале 50-х годов прошлого века, «только после принятия решения о возбуждении уголовного дела орган власти приобретает право на производство всех тех процессуальных действий, на которые его уполномочивает УПК» [6]. Достаточно интересно, что М.А. Чельцов неоспоримым достоинством советского уголовно-процессуального кодекса считал как раз наличие четко обрисованного акта возбуждения уголовного преследования, которым начинается каждое уголовное дело. Он полагал, что отсутствие рассматриваемой стадии дает органам полиции буржуазных государств широкую возможность начинать

и вести уголовное дело, не отразив в официальном акте наличия достаточных для этого оснований.

Как мы видим, на современном этапе развития уголовно-процессуальной науки можно сделать вывод о наличии двух прямо противоположных точек зрения, касающихся реформирования стадии возбуждения уголовного дела.

Значение терминальной стадии возбуждения уголовного дела в настоящее время имеет принципиальное значение для всего уголовного судопроизводства, поскольку обоснованное и своевременное разрешение сообщения о преступлении является средством защиты конституционных прав и свобод граждан и важной мерой в свете противодействия разным проявлениям преступности. В то же время нарушение сроков, порядка рассмотрения сообщений о преступлении, принятие незаконного решения может влечь за собой неправомерное привлечение человека к уголовной ответственности, ограничивает доступ заявителя к правосудию и формирует негативную оценку общества к деятельности правоохранительных органов в целом.

Безусловно, на современном этапе стадия возбуждения уголовного дела утратила изначально присущее ей значение. Последовательно изучив все представленные в научной литературе мнения, автор склоняется к точке зрения о необходимости реформирования стадии возбуждения уголовного дела. Следует учесть, что полное упразднение данной стадии невозможно по ряду как объективных, так и субъективных причин. Данная реформа потребует значительных финансовых затрат от государства. Возможно, рассматривать вопрос об упразднении стадии возбуждения уголовного дела необходимо в рамках концепции дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Реформирование одного института не решит всех возникающих в правоприменительной деятельности проблем и не приведёт к желаемому результату.

1. Гаврилов Б.Я. К вопросу о стадии возбуждения уголовного дела: законодателю пора расставить точки // Лоббирование в законодательстве. 2023. № 2.
2. Деришев Ю.В., Наумов К.А. Предусматривает ли УПК отмену руководителем следственного органа постановления о возбуждении уголовного дела? // Законность. 2016. № 7.
3. Зяблина М.В. К вопросу об исключении из российского уголовного процесса стадии возбуждения уголовного дела // Российская юстиция. 2017. № 7.
4. Кругликов А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Российская юстиция. 2011. № 6.
5. Ростова В.Н. Правовое регулирование стадии возбуждения уголовного дела: зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4.
6. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. – М., 1951.
7. Чурикова А.Ю. Право: история и современность, 2020.

Информация об авторах:

А.Н. Харитонов, профессор кафедры подготовки сотрудников полиции в сфере транспортной безопасности центра подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка, доктор юридических наук, профессор

И.А. Даниленко, доцент кафедры уголовно-процессуального права, кандидат юридических наук

С.Н. Максимов, профессор кафедры правоведения, доктор юридических наук, доцент

About the authors:

A.N. Haritonov, professor of the department of police training in the field of transport security at the police training center for public order units, doctor of law, professor

I.A. Danilenko, associate professor of the department of criminal procedural law, phd of legal sciences

S.N. Maksimov, professor of the department of law, doctor of law, associate professor

Статья поступила в редакцию 17.02.2024

Научная статья

doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-122-127

ЛОПУХОВ ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
(Москва, Россия)

vlad1963-63@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИДЕОАНАЛИТИКИ В РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. Статья посвящена ретроспективе систем видеонаблюдения г. Москвы, описана история их разработки и внедрения в жилом секторе, городском хозяйстве и на объектах транспорта.

Рассмотрены различия в принципах действия городской и транспортной систем распознавания лиц, проведено их сравнение, указаны достоинства и недостатки каждой.

В статье описано использование систем видеонаблюдения в интересах раскрытия и расследования преступлений, приведен конкретный, типовой пример. Изучена судебная практика использования систем, указаны имеющиеся проблемные вопросы.

Ключевые слова и словосочетания: системы видеонаблюдения, видеозаписи, фотоизображения, скриншоты, раскрытие преступлений, идентификация личности.

Для цитирования: Лопухов В.В. Современные возможности использования видеоаналитики в раскрытии преступлений // Вестник ВИПК МВД России. – 2024. – № 1 (69). – С. 122-127; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-122-127

LOPUKHOV VLADIMIR V.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya
(Moscow, Russia)

CURRENT OPPORTUNITIES FOR THE USE OF VIDEO ANALYTICS CRIME DETECTION

Annotation. The article is devoted to a retrospective of video surveillance systems in the city of Moscow, the history of their development and implementation in the residential sector, urban economy and transport facilities is described.

Differences in the principles of operation of urban and transport systems of face recognition were considered, their comparison was carried out, the advantages and disadvantages of each were indicated.

The article describes the use of video surveillance systems in the interests of solving and investigating crimes, a specific, typical example is given. The judicial practice of using systems was studied and the existing problematic issues were indicated.

Key words and word combinations: video surveillance systems, video recordings, photographic images, screenshots, crime detection, personal identification.

For citation: Lopukhov V.V. Current opportunities for the use of video analytics crime detection // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. – 2024. – № 1 (69). – С. 122-127; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-122-127

В Москве с 2015 года успешно функционирует городская система видеонаблюдения, включающая подъездные, купольные камеры, установленные на крышах домов, и камеры, установленные в общественных местах с большим скоплением граждан. Это позволило решать различные задачи городского хозяйства, а также существенно повысить эффективность процесса профилактики и раскрытия преступлений, поддерживать общественный порядок и общественную безопасность в местах массового скопления граждан, при проведении общественно-политических, спортивных и культурно-массовых мероприятий.

Для работы с видеонаблюдением в составе организаций правительства Москвы и органов внутренних дел были созданы специальные подразделения [1].

Методика раскрытия ранее совершенных преступлений заключается в изучении записей с камер видеонаблюдения, охватывающих место преступления, выделении изображений преступников, установлении маршрутов прибытия их к месту преступления и убытия от него [2, с. 213]. Далее стоит задача получения скриншотов преступников для установления их личностей по фотоизображениям лиц либо другими доступными способами [3, с. 21].

Большое значение в этом процессе имеет время хранения архивных записей. В начале эксплуатации системы время хранения составляло один месяц, затем 20 дней, но по мере установления и подключения к системе большего количества камер оно уменьшилось до нескольких дней. Это связано с тем, что видеозаписи имеют большой объем, и даже значительные технические возможности правительства Москвы оказались не в состоянии хранить

видеоинформацию всего города продолжительное время.

В 2018-2020 годах система городского подъездного видеонаблюдения поэтапно перешла в интеллектуальный режим работы [3, с. 109-112; 4, с. 142-149]. Это позволило частично автоматизировать процесс установления и отслеживания перемещения лиц, представляющих интерес для правоохранительных органов, повысить раскрываемость преступлений [5, с. 55].

В 2022 году в Москве зарегистрировано 138 180 преступлений, что на 4% меньше, чем в 2021 году [6, 7]. Раскрыто почти 45 тыс. Количество зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений уменьшилось на 12%, их раскрываемость составила 37,1%.

С применением информационных технологий зарегистрировано 50 503 (-10,4%) преступлений, раскрыто их на четверть больше, раскрываемость возросла на 6% и составила 23,2%.

С помощью информационных технологий раскрыто 26 400 преступлений, рост составил 14%, из которых почти половина (10 262) тяжких и особо тяжких, в том числе 105 убийств, 356 преступлений, связанных с умышленным причинением вреда здоровью, 8 549 краж, 5 285 мошенничеств, 1 007 грабежей, 2 663 преступлений, связанных с наркотиками.

С использованием системы видеонаблюдения, в которой функционирует более 228 тыс. камер, раскрыто около 9 тыс. преступлений, из которых 52 убийства, 188 фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, 281 разбойное нападение и 639 грабежей.

**Сведения
о количестве предварительно расследованных преступлений
с использованием АПК «Безопасный город»: систем видеонаблюдения
за 12 месяцев 2021-2022 гг.**

Таблица

ВИД ПРЕСТУПЛЕНИЯ	ВСЕГО		
	ПРОШЛ. ГОД	ТЕКУЩ. ГОД	В АБС. ЦИФРАХ
ВСЕГО	6 862	9 006	2 144
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО	4 348	6 276	1 928
ТЯЖКИЕ И ОСОБО ТЯЖКИЕ	2 405	3 685	1 280

УБИЙСТВО, ПОКУШЕНИЕ НА УБИЙСТВО		49	52	3
УМЫШЛЕННОЕ ПРИЧИНЕНИЕ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ		144	188	44
ИЗНАСИЛОВАНИЕ, ПОКУШЕНИЕ НА ИЗНАСИЛОВАНИЕ		37	46	9
КРАЖА		3 433	4 235	802
ИЗ НИХ	С ПРОНИКНОВЕНИЕМ	233	262	29
	В Т.Ч. В КВАРТИРЫ	99	82	-17
	ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ	57	67	10
	В Т.Ч. АВТОМОБИЛЕЙ	46	52	6
МОШЕННИЧЕСТВО		847	1 674	827
ГРАБЕЖ		511	639	128
РАЗБОЙ		214	218	4
ВЫМОГАТЕЛЬСТВО		14	14	
ХУЛИГАНСТВО		56	90	34
ХРАНЕНИЕ ОРУЖИЯ		8	17	9
ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ		304	989	685
ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С НАРКОТИКАМИ		251	390	139

Транспортный департамент г. Москвы при разработке системы распознавания лиц пошел по другому пути [8, с. 123]. Из видеозаписи, поступающей от камеры, транспортная система выделяет и сохраняет лица людей в виде скриншотов. Фотоизображение разыскиваемого человека сравнивается с ними и при совпадении сообщает об этом оператору. Выделенные скриншоты хранятся в системе уже 2 месяца, а не несколько дней, как в городской системе, потом стираются. Метаданные, то есть информация о времени и месте прохода человека, хранятся вечно.

Каждая из рассмотренных систем имеет свои достоинства и недостатки. Более длительное время хранения информации в транспортной системе значительно повышает возможности подразделений органов внутренних дел по установлению, идентификации и задержанию скрывшихся преступников.

Для достижения этих целей в городской системе тоже делается раскадровка видеозаписи, идентификация лица происходит по скриншотам.

Однако отсутствие видеороликов в транспортной системе не позволяет проводить идентификацию личности помимо изображения лица [9, с. 258], по другим

функционально-динамическим характеристикам человека – характерным приметам, походке, манерам, одежде и др.

Кроме этого, видеоролик противоправного деяния преступника признается судом как допустимое и достаточное доказательство совершения данным лицом вменяемого ему преступления. Из скриншотов же преступные действия подозреваемого не очевидны и требуют дополнительных доказательств [10].

Вместе с тем алгоритм скриншотов более простой, требуется менее сложное программное и аппаратное обеспечение. Сотрудники полиции, работающие на объектах транспортной инфраструктуры, имеют недорогие смартфоны, на которые приходит информация о сработках системы в случаях, когда в сектор обзора камеры попадает лицо, находящееся в розыске. Дальнейшие действия полицейского происходят по четкому, пошаговому алгоритму с участием системы, при этом в ней виден результат обработки полицейским сигнала, а в случае потери объекта система передает информацию другим сотрудникам полиции по маршруту движения разыскиваемого человека.

Таким образом, нельзя однозначно сказать, что одна система лучше, а другая

хуже, обе с высокой эффективностью выполняют стоящие перед ними задачи.

Ниже приведен один из многочисленных примеров раскрытия преступления с использованием систем видеонаблюдения (данные изменены, совпадения случайны).

В ноябре 2022 года, примерно в 22.00, неизвестный, находясь на одной из АЗС ООО «Газпромнефть», расположенной на МКАД, заправил свое транспортное средство и, не оплатив его, скрылся с места преступления, несмотря на то, что автозаправщик останавливал его и препятствовал увозу топлива.

Сотрудниками уголовного розыска проведен комплекс мероприятий, в ходе работы получены фото- и видеоизображения, на которых запечатлен предполагаемый преступник, а также уставлено, что лицо, совершившее преступление, использовало в своих преступных целях автомобиль

«Фольксваген» черного цвета, а после совершения преступления скрылся в сторону области.

Дальнейшее наведение справок показало, что в этот период времени на заданном участке автодороги, среди прочих автомашин, двигался автомобиль «Фольксваген Фазтон» темного цвета, по внешним признакам схожий с автомобилем, с использованием которого было совершено преступление (см. рис. 1).

Автомобиль «Фольксваген Фазтон» принадлежит гражданину К. Получены сведения о привлечении лица к уголовной ответственности за разбой, осужден на 6 лет. Также получены сведения с потоковых камер за данный день.

В ходе изучения маршрутов передвижения был сделан вывод, что автомобилем управляет собственник, автомобиль начинает и заканчивает работу в районе его места жительства.

Рис.1. Изображение автомобиля подозреваемого, полученное из информационной системы

Полученные сведения были направлены в районный Отдел МВД России. Сотрудниками этого Отдела данный гражданин был задержан по подозрению в совершении преступления и полностью изобличен по ч. 1 ст. 159 УК РФ.

Благодаря имеющемуся инструментарию подобные примеры в настоящее время носят массовый характер, позволяют поставить «на поток» раскрытие преступлений от небольшой тяжести до особо тяжких.

Системы видеонаблюдения используются для проведения анализа нераскрытых преступлений с целью установления адресов, наиболее подверженных той или иной категории преступлений. Полученные сведения широко используются сотрудниками

наружных служб с целью оптимальной расстановки патрульных нарядов, а также работы с лицами, проверяемыми на причастность к ранее совершенным преступлениям.

Кроме раскрытия ранее совершенных преступлений, системы видеонаблюдения активно используются в целях их профилактики при проведении спортивных и культурно-массовых мероприятий.

Так, на чемпионате мира по футболу в 2018 году данные системы были основным инструментом для проведения в Москве градительных мероприятий по недопущению приезда в город так называемых «запретчиков», то есть лиц, которым судом

установлен запрет посещения спортивных мероприятий.

Среди людей, въезжающих в город, выявлялись лица, объявленные в федеральный розыск, неоднократно привлекавшиеся к административной ответственности за правонарушения на спортивных объектах, и другие категории граждан, от которых возможно ожидать нарушение общественного порядка и безопасности.

Особое внимание уделялось ранее судимым за карманные кражи, криминально активным лицам, которые всегда активизируются в местах проведения мероприятий с большим скоплением людей. Камеры видеонаблюдения, установленные в фан-зонах, позволили обеспечить действенный контроль за поддержанием правопорядка в них.

Вместе с тем следует отметить, что идентификация личности человека с помощью системы распознавания лиц не дает стопроцентный результат как, например, дактилоскопическая система или идентификация по ДНК.

Видеосистема является всего лишь вспомогательным инструментом, правда, с очень высокой эффективностью. Принятие же решения о том, что выявленный системой гражданин имеет указанные установочные данные, может быть возложено только на человека, уполномоченного сотрудника, который должен проверить у него документы и установить личность. В таком алгоритме безусловно заложена избыточность и перестраховка, но они необходимы для обеспечения соблюдения законности, поскольку принимаемые к гражданину меры в большинстве случаев связаны с ограничением его конституционных прав [11, с. 13].

При проведении чемпионата мира соответствующие организационно-практические меры были приняты. Задействованные сотрудники полиции и органов предварительного следствия прошли специальное обучение, включающее изучение законодательства, психологическую, медицинскую и педагогическую подготовку. Принятые меры способствовали тому, что за период проведения чемпионата в Москве на действия сотрудников полиции, связанные с задержанием граждан, поступило всего две жалобы.

Соблюдение указанных требований имело особую значимость во время панде-

мии коронавируса. Московские системы видеонаблюдения были основным инструментом для обеспечения соблюдения режима карантина гражданами города, только системы видеоаналитики позволили оперативно выявлять нарушителей карантина. Особенностью их использования в данном случае было то, что выявляемые граждане не были преступниками, значительное их количество были опасно больны, имели нарушения психического поведения, поскольку установлено, что коронавирус воздействует на психику человека.

При этом состав административного правонарушения подтверждался только видеороликами и скриншотами системы видеонаблюдения, а накладываемый штраф имел значительные размеры. Поэтому принятие решения о наложении на гражданина административного штрафа имело повышенную ответственность и при массовых ошибках могло вызвать волну недовольства у населения.

Однако принятые правительством Москвы жесткие меры имели серьезные основания. Пандемия началась в Москве. В Москве было самое большое из всех городов страны количество заболевших, госпитализированных и умерших. Только жесткие карантинные меры позволили достаточно быстро сбить самую большую первую и последующие волны эпидемии.

Оппозиционно настроенные граждане предсказывали резкий рост в Москве, а затем и по всей стране преступлений, связанных с мародерством, разбоями и грабежами с целью похищения продуктов питания со стороны трудовых мигрантов, острый дефицит продуктов питания, недовольство граждан, массовые беспорядки, кризис производства и банковской системы и другие признаки, способствующие политическому перевороту в стране.

Ничего этого не произошло благодаря своевременно принятым адекватным мерам. Подразделения видеоаналитики правительства Москвы и органов внутренних дел были существенно расширены.

В инфекционных больницах и развернутых госпиталях совместно с медицинским персоналом работали сотрудники МВД для выявления контактов заболевших. С использованием систем видеоаналитики и других информационных ресурсов устанавливалось их местонахождение и производился перевод на карантин.

Как и медицинский персонал, сотрудники МВД работали в «красных зонах», также заболевали, иногда смертельно.

Принятые меры позволили избежать катастрофических последствий пандемии. Даже в самый сложный период первой волны медицинские организации и городские службы работали четко и слаженно, медицинская и иная помощь гражданам оказывалась своевременно, в отличие от многих европейских государств. Отмечалось даже общее снижение уровня пре-

ступности, что объясняется не только карантинными мерами, но и профилактическим воздействием неотвратимости наказания.

Московский опыт работы с системами видеонаблюдения активно внедряется в других регионах Российской Федерации и постоянно совершенствуется.

1. Организация информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учебное пособие / В.В. Денисов, И. В. Горошко, Е.Н. Яковец [и др.]. – М.: Академия управления МВД России, 2017.

2. Судебная фотография и видеозапись / А.А. Курин, В.А. Зотчев, В.Г. Булгаков [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Волгоград: Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019.

3. Попова Н.Ф. Приоритетные направления развития и использования AI-технологий в различных сферах жизнедеятельности // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2020. № 4 (56).

4. Кондрашечкин Р.В. Правовое обеспечение применения технологий искусственного интеллекта в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2023. № 2 (66).

5. Кубасов И.А., Гарбузов П.А. Совершенствование организации деятельности территориальных органов МВД России на основе применения современных автоматизированных систем управления // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2023. № 2 (66).

6. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2021 года [Электронный ресурс] // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552>.

7. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2022 года [Электронный ресурс] // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677>.

8. Булгаков В.Г. Анализ криминалистически значимой информации, поступающей из АИС «Безопасный город» // Московский юридический форум. VI междунар. науч.-практ. конф. «Кутафинские чтения» – «Гармонизация российской правовой системы в условиях международной интеграции», 2014.

9. Булгаков В.Г. Использование биометрических технологий в раскрытии и расследовании преступлений // Информационные технологии в деятельности органов внутренних дел: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. – М., 2022.

10. Букейханов П.Е. Информационные технологии в сфере розыскной работы органов внутренних дел. – М., 2002

11. Булгакова Е.В., Булгаков В.Г., Акимов В.С. Использование «больших данных» в системе государственного управления: условия, возможности, перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3 (31).

Информация об авторе:

В.В. Лопухов, старший преподаватель кафедры естественно-научных дисциплин учебно-научного комплекса информационных технологий

About the author:

V.V. Lopukhov, senior lecturer of the department of natural sciences of the training and scientific complex of information technologies

Статья поступила в редакцию 20.02.2024

Научная статья

doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-128-136

БАБУШКИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
(Москва, Россия)

babushkin-a@mail.ru

МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО КОНТРОЛЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЗА ЛИЦАМИ, СКЛОННЫМИ К СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по контролю за лицами, склонными к совершению преступлений, в условиях современной России. Проведен краткий ретроспективный анализ доктринальных основ формирования системы оперативно-розыскного контроля, соответствующие выводы спроецированы на нынешние реалии, обусловленные обострением внешнеполитической обстановки и проведением специальной военной операции. Изложено и аргументировано авторское видение классификации лиц, нуждающихся в осуществлении оперативно-розыскного контроля, с различной степенью задействования специальных сил, средств и методов в зависимости от уровня потенциальной общественной опасности объектов. Автором сформулирована теоретико-правовая модель системы оперативно-розыскного контроля за лицами, склонными к совершению преступлений, с определением ее субъектов, объектов, цели и задач данного направления оперативно-розыскного обеспечения профилактики преступлений.

Ключевые слова и словосочетания: оперативно-розыскной контроль; органы внутренних дел; профилактика преступлений; оперативно-розыскное обеспечение; лица, склонные к совершению преступлений; оперативно-розыскные мероприятия; оперативно-розыскные действия; индивидуальное профилактическое воздействие.

Для цитирования: Бабушкин А.А. Место и значение оперативно-розыскного контроля органов внутренних дел за лицами, склонными к совершению преступлений, в государственной системе профилактики правонарушений // Вестник ВИПК МВД России. – 2024. – № 1 (69). – С. 128-136; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-128-136

BABUSHKIN ALEKSANDR A.

National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation (Moscow, Russia)

THE PLACE AND IMPORTANCE
OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE CONTROL
OF INTERNAL AFFAIRS BODIES OVER PERSONS PRONE TO COMMIT CRIMES
IN THE STATE CRIME PREVENTION SYSTEM

Annotation. The article deals with topical issues of the activities of the operational units of the internal affairs bodies for the control of persons prone to commit crimes in modern Russia. A brief retrospective analysis of the doctrinal foundations of the formation of the operational investigative control system is carried out the relevant conclusions are projected onto the current realities caused by the aggravation of the foreign policy situation and the conduct of a special military operation. The author's vision of the classification of persons in need of operational investigative control with varying degrees of involvement of special forces, means and methods, depending on the level of potential public danger of objects, is outlined and reasoned. The author has formulated a theoretical and legal model of the system of operational investigative control over persons prone to committing crimes, with the definition of its subjects, objects, goals and objectives of this area of operational investigative provision of crime prevention.

Key words and word combinations: operational investigative control; internal affairs bodies; crime prevention; operational investigative support; persons prone to commit crimes; operational investigative measures; operational investigative actions; individual preventive impact

For citation: Babushkin A.A. The place and importance of operational investigative control of internal affairs bodies over persons prone to commit crimes in the state crime prevention system // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. – 2024. – № 1 (69). – P. 128-136; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-128-136

Многообразие поставленных перед МВД России задач по кардинальному повышению эффективности борьбы с преступностью, в первую очередь с ее наиболее опасными организованными формами проявления, терроризмом и экстремизмом, преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ), обуславливает необходимость всесторонних глубоких научных исследований нормативно-правовых и организационно-тактических основ оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел (далее – ОРД ОВД), в особенности ее нереализованного потенциала по наступательному превентивному воздействию на определенные категории лиц, представляющих повышенную общественную опасность. При этом важно концентрировать внимание именно на конкретных объектах ОРД ОВД, которые своим образом жизни и противоправным поведением демонстрируют готовность к совершению при определенных условиях тяжких и особо тяжких преступлений, поскольку этот подход в наибольшей степени отвечает интересам законопослушных граждан, общества и государства.

На различных площадках уже неоднократно озвучивалось, что действующие законодательные положения об административном надзоре, условном осуждении и условно-досрочном освобождении от наказания в виде лишения свободы, а также о правовых последствиях судимости лица могли бы эффективнее использоваться в целях профилактики преступлений при наличии должного оперативно-розыскного обеспечения.

Федеральными законами от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее – ФЗ об административном надзоре) и № 66-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» на законодательном уровне восстановлена эффективная мера предупреждения рецидивной преступности.

Вместе с тем анализ криминогенной обстановки по линии рецидивной преступности уже после принятия указанных законодательных актов показывает, что проблема на сегодняшний день сохраняется и требует принятия комплекса мер нормативно-правового, организационно-тактического и методического характера.

В условиях проведения специальной военной операции (далее – СВО) уголовно-преступная среда продолжает еще более активно трансформироваться, увеличивается ее потенциал в части формирования новых вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации. В значительной мере это обусловлено тем, что возрастающий уровень напряженности во внешнеполитической сфере обуславливает активизацию различных деструктивных сил, курируемых специальными службами недружественных государств [1], чьи усилия направлены на дестабилизацию общественно-политической обстановки в стране, в том числе путем нанесения ущерба (материального, морального и репутационного) личности,

обществу и государству в результате организации совершения общеуголовных преступлений.

Ретроспективный анализ ведомственного нормативного регулирования в системе МВД СССР данного вопроса показывает, что эффективность административного надзора, который и на сегодняшний день является одной из ключевых составляющих системы профилактики (предупреждения) преступлений, непосредственно обеспечивалась оперативными подразделениями милиции. Указанная мера, нормативно закреплённая как административная, имела конкретное оперативно-розыскное содержание, которое в духе того времени было закреплено в закрытых ведомственных приказах.

Именно формирование системы оперативно-розыскного контроля ОВД за лицами, склонными к совершению преступлений (далее – ОРК ОВД), будет способствовать сдерживанию вала преступности нового качества, в первую очередь ее наиболее опасных организованных проявлений, развивающихся одновременно и в реальной, и в цифровой средах.

Главной целью борьбы с преступностью является не просто пресечение и наказание преступников, а предупреждение и предотвращение преступления [2]. Профилактику правонарушений принято рассматривать в широком и узком значениях. В узком смысле это деятельность по недопущению конкретных правонарушений, а в широком – деятельность по выявлению причин и условий, способствующих совершению правонарушений, проведению необходимых профилактических мероприятий. Совокупность этих значений и образует единое понятие «профилактика правонарушений» [3, с. 24-25].

Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» установлено, что профилактика правонарушений осуществляется по 16 основным направлениям (ч. 1 ст. 6). Большинство этих направлений предполагают наличие оперативно-розыскного обеспечения, без которого цели и задачи, предусмотренные указанным Федеральным законом, не могут быть достигнуты и решены в полной мере. Такими направлениями, на наш взгляд, являются:

защита личности, общества и государства от противоправных посягательств;
предупреждение правонарушений;

развитие системы профилактического учета лиц, склонных к совершению правонарушений;

охрана общественного порядка, в том числе при проведении спортивных, зрелищных и иных массовых мероприятий;

обеспечение общественной безопасности, в том числе безопасности дорожного движения и транспортной безопасности;

противодействие незаконной миграции;

предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних;

противодействие терроризму и экстремистской деятельности, защита потенциальных объектов террористических посягательств, в том числе критически важных и (или) потенциально опасных объектов инфраструктуры и жизнеобеспечения, а также мест массового пребывания людей;

противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров;

обеспечение экономической безопасности;

противодействие коррупции, выявление и устранение причин и условий ее возникновения.

То есть одиннадцать из шестнадцати законодательно закреплённых направлений осуществления профилактики правонарушений требуют обязательного участия оперативных подразделений уполномоченных государственных органов (в большинстве случаев речь идет об оперативных подразделениях МВД России [4]) в их реализации.

Если говорить о преступлениях как виде правонарушений, то фактически Федеральный закон подразумевает под осуществлением профилактики не только предупреждение преступлений, но также их выявление, пресечение, раскрытие и расследование, поскольку все это охватывается единым термином «противодействие». Именно эта категория используется (либо так или иначе подразумевается) в формулировках, описывающих основные направления осуществления профилактики правонарушений.

В части 2 той же статьи закреплено, что реализация основных направлений профилактики правонарушений осуществляется посредством применения в соответствии с законодательством Российской Федерации специальных мер оперативно-розыскного характера. В данном контексте можно говорить и о предупреждении преступлений, поскольку под правонарушением понимается преступление или административное правонарушение,

представляющее собой противоправное деяние, влекущее уголовную или административную ответственность (ст. 2 рассматриваемого Федерального закона).

Напомним, что в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) предупреждение преступлений относится к задачам ОРД. Поскольку предупреждение правонарушений закреплено как одно из направлений осуществления профилактики правонарушений, логично утверждать, что оперативно-розыскная составляющая является одним из обязательных условий его реализации.

Таким образом, деятельность уполномоченных подразделений государственных органов по оперативно-розыскному обеспечению профилактики правонарушений имеет необходимые законодательные основания и является одним из ключевых элементов общей системы государственных мер по данному направлению. В целях практического удобства считаем возможным применять термин «оперативно-розыскная профилактика» (далее – ОРП), который является тождественным оперативно-розыскному обеспечению профилактики преступлений.

В теории ОРД ОВД понятию и содержанию ОРП традиционно уделялось пристальное внимание, однако в оперативно-розыскной практике наработанные доктринальные положения на сегодняшний день реализуются в недостаточной мере. Анализ деятельности оперативных подразделений ОВД по данному направлению наглядно показывает отсутствие четкой системы в ее организации и осуществлении.

В структуре ОРП современные авторы выделяют несколько самостоятельных элементов:

изучение с помощью средств и методов ОРД ОВД контингента лиц, находящихся под оперативно-профилактическим наблюдением;

документирование фактов и обстоятельств, действий и поступков этих лиц, обеспечивающее успех индивидуальных профилактических мероприятий;

инициативное осуществление поисковых мероприятий для обнаружения признаков подготовки преступлений, преступных намерений или преступной деятельности лиц, находящихся под оперативно-профилактическим наблюдением, их причастности к преступлениям, оставшимся нераскрытыми;

реализация полученных материалов, гарантирующая конспирацию негласных источников информации [5, с. 530].

Из представленной структуры ОРП видно, что ее содержание составляет деятельность оперативных подразделений ОВД по контролю (надзору) за поведением лиц, находящихся под оперативно-профилактическим наблюдением, в рамках которого происходит применение специальных сил, средств и методов ОРД, а также параллельно осуществляется оперативно-розыскное документирование противоправных действий фигурантов.

Отдельного выделения и изучения требуют вопросы, связанные с конкретизацией объектов оперативно-профилактического наблюдения, в отношении которых проводятся оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ) и иные законные действия.

Анализ специальной юридической литературы и ведомственных нормативных актов показывает, что ОРП как новая организационно-тактическая форма ОРД ОВД появилась тогда, когда профилактика в системе МВД СССР была объявлена приоритетным направлением борьбы с преступностью. При этом нельзя было не заметить наличие внутренних противоречий в данной оперативно-розыскной категории, что позволяло различным авторам спорить о ее содержании и месте в теории и практике ОРД. Однако оперативный контроль (далее – ОРК) за лицами, склонными к совершению преступлений, как обязательная превентивная мера не только никем не оспаривался, но и рассматривался как самостоятельный институт, в том числе с позиции специфики его организационно-тактического обеспечения.

Значительный вклад в исследование содержательной стороны ОРП на основе изучения практики деятельности оперативных подразделений ОВД внесли С.С. Овчинский и В.А. Лукашов.

Специфический признак ОРП — сочетание целей профилактики с постоянной проверкой лиц, находящихся под оперативно-профилактическим наблюдением, проведением среди них оперативно-розыскных мер для обнаружения преступников.

Можно сделать вывод, имеющий методологическое значение, который состоит в том, что в рамках всех тогда известных организационно-тактических форм ОРД могут решаться или создаваться условия для решения всех общих задач ОРД ОВД.

В специальной литературе ОРП рассматривается в качестве самостоятельной организационно-тактической формы ОРД, однако такое понятие не закреплено ни в ФЗ об ОРД, ни в ведомственных нормативных актах МВД России.

Возможность решения в рамках ОРК ОВД, являющегося одним из направлений ОРП, всех законодательно закрепленных задач ОРД (не только предупреждения) существенно насыщает его организационно-тактическое обеспечение, повышает эффективность и общественную значимость.

Резюмировать вышеизложенные суждения можно в виде следующих тезисов.

1. С учетом положений действующего законодательства об основах профилактики правонарушений в Российской Федерации, вместо долгие годы используемого в доктрине понятия ОРП более уместно и юридически корректно вести речь об оперативно-розыскном обеспечении профилактики преступлений.

Так, *оперативно-розыскное обеспечение профилактики преступлений можно определить как совокупность ОРМ и иных законных действий, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений, обеспечение контроля за лицами, состоящими на соответствующих учетах ОВД, оказание на них индивидуального профилактического воздействия в целях недопущения совершения ими преступлений и наступления общественно опасных последствий.*

2. ОРК ОВД за лицами, склонными к совершению преступлений, является одним из направлений оперативно-розыскного обеспечения профилактики преступлений, которое ориентировано на профилактическую работу с лицами, в отношении которых в силу наличия у них судимости, антисоциальной установки, систематического совершения правонарушений имеется обоснованный прогноз индивидуального преступного поведения, с использованием гласных и негласных сил, средств и методов ОРД.

Среди иных направлений оперативно-розыскного обеспечения профилактики преступлений можно выделить следующие:

выявление с помощью оперативно-розыскных сил, средств и методов причин, порождающих преступления, и условий, способствующих их совершению (оперативно-розыскное обеспечение общей профилактики);

выявление с помощью оперативно-розыскных сил, средств и методов лиц, склонных к

совершению преступлений, в отношении которых необходимо осуществление ОРК ОВД (оперативный поиск) [6];

оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования преступлений, совершенных лицами, вовлекающими в преступную деятельность иных лиц, в том числе в отношении которых осуществляется ОРК ОВД (цели профилактики достигаются посредством привлечения их к уголовной ответственности и тем самым недопущения вовлечения в преступную деятельность контролируемых и иных лиц).

3. В теории и практике ОРД контроль за лицами, склонными к совершению преступлений, предусматривает осуществление сбора оперативно значимой информации и оказание индивидуального профилактического воздействия на различные по своему правовому статусу и степени общественной опасности объекты, что определяет в каждом отдельном случае специфику организации и тактики проведения в отношении них оперативно-розыскных мероприятий и действий.

При активном использовании оперативным сотрудником всех доступных ему источников информации в поле зрения полиции попадают новые лица, ранее неизвестные факты и события. Их знание влечет за собой инициативные действия по устранению криминогенных явлений [7, с. 130].

При этом ОРК ОВД за лицами, склонными к совершению преступлений, неверно связывать только с решением задачи предупреждения (предотвращения) преступлений. В процессе осуществления ОРК оперативными подразделениями ОВД могут решаться либо создаваться условия для решения всех оперативно-розыскных задач, закрепленных в ст. 2 ФЗ об ОРД.

4. Осуществление ОРК оперативными подразделениями ОВД имеет свои закономерности и особенности в организации и тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий и действий, применении специальных методов ОРД и осуществлении оперативно-розыскного документирования, что указывает на необходимость исследования рассматриваемой категории во всей ее многоаспектности как части предмета науки ОРД.

Современное понятие ОРК закреплено в документах ОДКБ рекомендательного характера [8]. В них он определяется как система комплексов оперативно-розыскных мероприятий и действий, осуществляемых в соответствии с национальным законодательством

Сторон и настоящим Соглашением [9] в отношении ранее судимых лиц из числа организаторов и активных участников преступной деятельности, связанной с терроризмом, экстремизмом, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, огнестрельного оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств, фальшивомонетничеством, незаконной миграцией, киберпреступностью, а также участников миграционных потоков, заключающихся в оперативно-профилактическом наблюдении за их образом жизни и поведением в целях предупреждения и пресечения совершения ими преступлений, выявления в их среде преступников и лиц, представляющих оперативный интерес для Сторон, недопущения вовлечения их в преступную деятельность другими лицами и причинения ими ущерба национальной и коллективной безопасности государств-членов ОДКБ.

Наличие понятия ОРК в документах международного уровня красноречиво свидетельствует о его актуальности в борьбе с преступностью не только на территории России. Данный тезис не вызывает сомнений, поскольку ОРК ориентирован на превентивное воздействие на лиц, склонных к совершению преступлений, в том числе занимающих высшее положение в преступной иерархии, лидеров и авторитетов уголовно-преступной среды с целью предупреждения преступлений и решения иных задач ОРД ОВД.

ОРК ОВД за лицами, склонными к совершению преступлений, можно определить как *мониторингово-предупредительный организационно-тактический комплекс ОРМ и иных законных действий, осуществляемых оперативными подразделениями ОВД в соответствии с оперативно-розыскным законодательством и в порядке, предусмотренном ведомственными нормативными актами МВД России, в отношении лиц, склонных к совершению преступлений, заключающийся в специальном или оперативно-профилактическом наблюдении за их образом жизни и поведением в целях предупреждения совершения ими преступлений, решения иных общих и частных задач ОРД ОВД.*

Субъектами ОРК ОВД являются уполномоченные оперативные подразделения ОВД и их должностные лица, правомочные в соответствии с приказом МВД России от 31 марта 2023 г. № 199 «Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов внутренних

дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность» осуществлять ОРД в полном объеме.

Условно в качестве дополнительных субъектов ОРК ОВД можно рассматривать лиц, действующих оперативным подразделениям ОВД и сотрудничающих с ними по контракту на конфиденциальной основе.

В соответствии со ст. 10 ФЗ об ОРД оперативно-розыскные органы для решения задач в данной сфере могут создавать и использовать информационные системы, а также заводить дела оперативного учета. Существенное значение для организации ОРК ОВД имеют профилактические учеты, которые в определенной мере корреспондируются с оперативными учетами, получив оперативно-розыскное содержание.

В соответствии с положениями действующего законодательства, сложившейся правоприменительной практикой и имеющимися доктринальными подходами *объект ОРК ОВД можно определить как лицо, в отношении которого в силу наличия обоснованного прогноза индивидуального преступного поведения проводятся ОРМ и иные законные действия, направленные на изучение его поведения и образа жизни, выяснение наличия у него преступных замыслов, прояснение его возможной причастности к ранее совершенным преступлениям, а также оказание на него индивидуального профилактического воздействия.*

Условно все объекты ОРК ОВД можно разделить на 4 группы, в отношении каждой из которых должен быть предусмотрен различный объем применяемых оперативно-розыскных сил, средств и методов.

1. Лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, лидеры экстремистских сообществ (организаций), террористических организаций и незаконных вооруженных формирований.

В отношении данных лиц ОРК следует осуществлять в форме специального наблюдения с возможностью проведения всех ОРМ, в том числе ограничивающих конституционные права человека и гражданина.

2. Лица, находящиеся под административным надзором, имеющие неснятую и непогашенную судимость за тяжкие и особо тяжкие преступления, условно осужденные и условно-досрочно освобожденные из исправительных учреждений, социально опасные психически больные.

В отношении данных лиц ОРК следует осуществлять в форме оперативно-профилактического наблюдения с возможностью проведения ОРМ, не ограничивающих конституционные права человека и гражданина.

3. Лица, периодически совершающие административные правонарушения определенной категории (против порядка управления, в сфере незаконного оборота наркотиков, экстремистской направленности и др.), а также освобожденные в установленном законом порядке от уголовной ответственности за совершение преступлений террористического характера, экстремистской направленности, связанных с проявлениями организованной преступности.

В отношении данных лиц оперативными подразделениями ОВД осуществляется сбор данных из закрытых и открытых источников об их поведении, связях и образе жизни для выявления возможных противоправных намерений.

4. Лица, оказывающие содействие оперативным подразделениям ОВД либо сотрудничающие с ними на конфиденциальной основе.

В отношении данных лиц ОРК осуществляется на системной основе, так как они, как правило, имеют устойчивое притяжение к представителям уголовно-преступной среды.

Также в «группе риска» находятся:

иностранцы граждане и лица без гражданства (если в отношении них отсутствуют сведения о возможной противоправной деятельности);

лица, имеющие в пользовании огнестрельное оружие (гладкоствольное, нарезное);

лица, внесенные уполномоченным органом в реестр иностранных агентов.

Они являются «факультативными» объектами ОРК, в отношении них ОРМ не проводятся, а осуществляются оперативно-розыскные действия по сбору данных об их поведении и образе жизни из открытых и закрытых источников. Оперативно значимая информация аккумулируется в соответствующих лицевых делах.

Характерной особенностью объектов ОРК ОВД является официально зафиксированная общественная опасность их поведения, в результате чего данные лица были поставлены на оперативный или профилактический учет. Вместе с тем некоторые лица, которые по факту представляют общественную опасность, могут по каким-то причинам не состоять на указанных учетах ОВД. При этом о необходимости контроля за ними может свидетельствовать не только их антиобщественная

установка, но и периодическое совершение административных проступков, которые в любой момент могут перерасти в преступную деятельность.

Помимо лиц, в отношении которых судом установлен административный надзор, в осуществлении ОРК ОВД на системной основе нуждаются определенные категории граждан, которые ранее привлекались к уголовной (в отдельных случаях административной) ответственности и в силу своего поведения, образа жизни, наличия связей в уголовно-преступной среде могут быть отнесены к т.н. «группе риска». Как показала практика, требуют особого внимания, в том числе со стороны оперативных подразделений ОВД, лица из числа осужденных к лишению свободы, которые были амнистированы после прохождения службы по контракту в зоне СВО [10].

С учетом осложнения внешнеполитической обстановки и активизации различных деструктивных сил внутри Российской Федерации в контексте рассматриваемой темы отдельно следует остановиться на лицах, находящихся под иностранным влиянием (т.н. «иноагентах»). В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» [11] под иностранным агентом понимается лицо, получившее поддержку и (или) находящееся под иностранным влиянием в иных формах и осуществляющее деятельность, виды которой установлены Федеральным законом. К таким видам деятельности, в частности, относятся: политическая деятельность, целенаправленный сбор сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, распространение предназначенных для неограниченного круга лиц сообщений и материалов и (или) участие в создании таких сообщений и материалов.

Государственный контроль за деятельностью иноагентов осуществляется уполномоченным органом и его территориальными органами во взаимодействии с иными органами публичной власти (ст. 10 указанного Федерального закона) [12, с. 36-45]. Данное положение формально можно считать основанием для участия в качестве взаимодействующего субъекта в осуществлении государственного контроля за иноагентами ОВД, в том числе их оперативных подразделений.

Безусловно, проведение ОРМ в отношении иноагентов возможно только при условии соответствующих оснований, предусмотренных ст. 7 ФЗ об ОРД. На наш взгляд, учитывая важность данного вопроса для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и активного задействования спецслужбами недружественных государств иноагентов для попыток дестабилизации общественно-политической обстановки в стране, представляется целесообразным дополнение оперативно-розыскного законодательства соответствующими нормами, закрепляющими полномочия оперативных подразделений по сбору данных об иноагентах с целью установления достоверности сведений, предоставляемых последними в рамках государственного контроля за их деятельностью.

Соответствующее дополнение может быть внесено в ст. 7 ФЗ об ОРД, где в качестве одного из оснований для проведения ОРМ следует закрепить решение уполномоченного органа о включении физического лица в реестр иноагентов.

В соответствии с определениями, содержащимися в различных словарях, система представляет собой множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом и образующих определенную целостность, единство [13]. Таким образом, в системе ОРК ОВД также происходит влияние ее составных элементов друг на друга и постоянное взаимодействие их между собой.

На основании изложенного можно определить, что *система ОРК ОВД – это часть общей системы профилактики правонарушений в Российской Федерации, которая представляет собой совокупность оперативных подразделений ОВД (субъектов) и организационно-тактических форм, в которых они осуществляют ОРД в отношении лиц, склонных к совершению преступлений (объектов), в целях предупреждения совершения ими противоправных деяний, а также решения иных задач ОРД ОВД.*

Эффективность системы ОРК ОВД можно определить как степень решения ее задач оперативными подразделениями полиции, отраженную в данных уголовной статистики о состоянии преступности, показывающих снижение активности ее организованных форм, нейтрализацию (ограничение) влияния ранее судимых лиц на население, в первую очередь

несовершеннолетних, и распространения деструктивных идеологий и ложных ценностей криминальной субкультуры.

ОРК ОВД следует рассматривать как наиболее эффективное направление оперативно-розыскного обеспечения профилактики преступности, ориентированное на наступательное превентивное применение сил, средств и методов ОРД, предполагающее не только предупреждение и пресечение подготавливаемых и совершаемых преступлений, но и профилактику замышляемых.

Один из ключевых тезисов заключается в том, что осуществление ОРК ОВД за лицами, склонными к совершению преступлений (за исключением наблюдения за лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии), должно рассматриваться именно как право уполномоченных оперативных подразделений ОВД, т.е. возможность использовать арсенал оперативно-розыскных сил, средств и методов, как гласных, так и негласных, для сдерживания рецидивной преступности. Это не должно рассматриваться как обязанность заводить соответствующие оперативные делопроизводства на каждое лицо, состоящее на профилактическом или списочном учете ОВД. При таком подходе реализация важнейшей функции ОРК ОВД превратится в очередную гонку за показателями и будет осуществляться по валовому принципу. Суть заключается в том, чтобы из всего массива ранее судимых и иных лиц, находящихся в «группе риска», выделить тех, в отношении которых можно с большой долей вероятности прогнозировать преступное поведение. Сами оперативные сотрудники и их руководители должны, исходя из принципа целесообразности, имеющихся ресурсов и криминогенной обстановки, определять необходимость взятия под ОРК того или иного лица.

Чтобы осуществление ОРК ОВД не привело к перегруженности личного состава оперативных служб, в первую очередь уголовного розыска, избыточным объемом бумажных делопроизводств, необходимо формировать систему цифровых досье на наблюдаемых лиц, в рамках которых будет аккумулироваться и обрабатываться оперативно значимая информация. При этом уже имеющиеся сведения должны непрерывно дополняться и сопоставляться с вновь поступающими в режиме онлайн данными.

1. Об утверждении Перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц: распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р.

2. Терроризм. Правовые аспекты борьбы. Нормативные и международные правовые акты с комментариями: науч. ст. / отв. ред. и рук. авт. коллектива И.Л. Трунов. – М.: Эксмо, 2005.

3. Шапоренко А.А. Профилактический учет как средство предупреждения правонарушений в исправительном учреждении // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2017. № 3.

4. Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность: приказ МВД России от 31 марта 2023 г. № 199.

5. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2018.

6. Матвеев С.Е. Оперативный поиск в криминальной среде: учеб. пособие / под общ. ред. Ю.Ф. Кваши. – М., 1998. С. 13; Нагиленко Б.Я., Вандышев А.С. Теория оперативного поиска // Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М.: ИНФРА-М, 2007. С. 445-446; Кваша Ю.Ф., Зубов И.Н. Сущность разведывательно-поисковой работы в сфере и инфраструктуре социально-аномальной среды. Оперативный поиск // Основы оперативно-розыскной деятельности: учебник для юридических вузов / под ред. В.Б. Рушайло. – СПб, 2002. С. 433-467.

7. Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация: монография / под ред. А.С. Овчинского, В.С. Овчинского. 2-е изд., доп. – М.: ИНФРА-М, 2017.

8. Рекомендации по сближению и гармонизации законов государств-членов ОДКБ об оперативно-розыскной деятельности (приняты на VIII пленарном заседании Парламентской Ассамблеи государств-членов ОДКБ 26 ноября 2015 г., постановление № 8-14); Модельное Соглашение о сотрудничестве государств-членов ОДКБ в сфере оперативно-розыскной деятельности (принято на XI пленарном заседании Парламентской Ассамблеи ОДКБ 30 октября 2018 г., постановление № 11-4).

9. Модельное соглашение, указанное в ссылке выше (прим. автора).

10. Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции: федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ // Рос. газ. 2023. 26 июня; Лопашенко Н.А. О некоторых правовых и криминологических проблемах участия осужденных в СВО: частный взгляд на известные события // Вестник Самарского юридического института: научно-практический журнал. 2023. № 2 (53).

11. Рос. газ. 2022. 19 июля.

12. Огнева В.В., Киселев С.А. Проблемные аспекты государственного регулирования деятельности политического института иностранных агентов в современной России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 1.

13. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд. Т. 4. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. С. 99; Толковый словарь русского языка: 100 000 слов, терминов и выражений / С.И. Ожегов; под общ. ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. – М.: Мир и образование, 2015. С. 506.

Информация об авторе:

А.А. Бабушкин, начальник отдела, кандидат юридических наук

About the author:

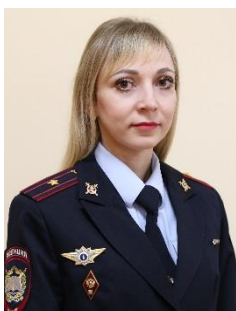
A.A. Babushkin, head of department, candidate of law sciences

Статья поступила в редакцию 01.03.2024

Научная статья

doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-137-141

АБДРЯХИМОВА ЭЛЛА ОЛЕГОВНА

vasileva-ella@mail.ru

КЛИМОВА ОЛЕСЯ АЛЕКСАНДРОВНА

olesya7-7@mail.ru

Всероссийский институт повышения квалификации
сотрудников МВД России (Московская область, Россия)

ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР ПРОФИЛАКТИКИ В ОТНОШЕНИИ ПЕДОФИЛОВ В РАМКАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Аннотация. В статье уделяется внимание наиболее эффективным способам и методам профилактического воздействия на педофилов, анализируется опыт зарубежных стран. Определены проблемы административного надзора за указанными лицами и представлены возможные пути их решения.

Ключевые слова и словосочетания: педофил; педофилия; административный надзор; лица, освобожденные из мест лишения свободы; половая свобода, половая неприкосновенность несовершеннолетних; профилактика.

Для цитирования: Абдрыхимова Э.О., Климова О.А. Вопросы повышения эффективности мер профилактики в отношении педофилов в рамках осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Вестник ВИПК МВД России. – 2024. – № 1 (69). – С. 137-141; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1- 137-141

ABDRYAKHIMOVA ELLA O.

KLIKOVA OLESYA A.

Advanced Training Institute of the MIA of Russia (Moscow region, Russia)

ISSUES OF IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF PREVENTIVE MEASURES FOR PEDOPHILES IN THE FRAMEWORK OF ADMINISTRATIVE SUPERVISION OF PERSONS RELEASED FROM PRISON

Annotation. The article focuses on the most effective ways and methods of preventive action on pedophiles, analyzes the experience of foreign countries. The problems of administrative supervision of these persons and possible ways to solve them are determined.

Key words and word combinations: pedophile; pedophilia; administrative supervision; persons released from prison; sexual freedom, sexual integrity of minors; prevention.

For citation: Abdryakhimova E.O., Klimova O.A. Issues of improving the effectiveness of preventive measures for pedophiles in the framework of administrative supervision of persons released from prison // Vestnik Advanced Training Institute of MIA of Russia. – 2024. – № 1 (69). – P. 137-141; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-137-141

Совершение преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних является актуальной проблемой большинства стран, в том числе Российской Федерации. Несмотря на латентность данного вида преступлений, статистика в нашей стране свидетельствует о том, что данная проблема достаточно распространена, и количество преступлений имеет тенденцию к росту. Согласно обобщенному отчету Генеральной прокуратуры Российской Федерации, количество преступлений сексуального характера в отношении детей выросло на 77% за последние десять лет.

Количество преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних за 2019 год составляет 14 700, за 2020 – 15 822, 2021 – 16 887, 2022 – 17 234.

Количество осужденных по ч. 3-5 ст. 131 УК РФ возрастает за последние три года: 2020 – 434, 2021 – 486, 2022 – 576 [3].

Законодателем уделяется внимание вопросам безопасности самого незащищенного и уязвимого слоя нашего общества – детей – от преступных посягательств, так как охрана и защита жизни, здоровья, в том числе половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних, является приоритетной задачей страны на современном этапе развития.

К сожалению, несмотря на увеличение уголовной ответственности, связанной с высокой степенью общественной опасности, увеличением статистических показателей, проблема совершения преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних оста-

ется достаточно острой и насущной. Причин такого явления достаточно много, среди которых, несомненно, латентность преступлений, выражающаяся в особенностях психики несовершеннолетних, проживание в одной семье, а также рецидив со стороны преступников, совершивших ранее подобные преступления.

Наиболее значимой мерой реагирования со стороны государства является ужесточение пределов уголовного наказания в январе 2022 года, после резонансного случая, произошедшего 4 января 2022 года в г. Костроме, когда педофилом-рецидивистом была убита пятилетняя девочка.

Для предотвращения такого факта, как рецидив, ответной мерой государства является административный надзор, который регламентируется Федеральным законом Российской Федерации от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее – ФЗ № 64) [2]. Однако в вышеупомянутом случае педофил находился под административным надзором, но трагического преступления избежать не удалось.

Полагаем, что необходимо более тщательно проанализировать меры профилактики для лиц, страдающих педофилией в целях лишения их возможности совершать аналогичные преступления. Ранее пребывавший в должности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка П. Астахов отмечал, что педофилы, освобожденные из мест лишения свободы, становятся рецидивистами в 98% случаев [4], что означает вероятность повторения почти абсолютную.

Итак, термины «педофил», «педофилия» появляются в XX веке и встречаются в медицинской литературе. Юридически термин «педофил» был закреплен в 2012 году Федеральным законом от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних». Данный закон ввел п. «д» в ст. 97 УК РФ (назначение принудительных мер медицинского характера лицам, совершившим в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости), а также ввел ч. 3 ст. 314 УК РФ (уклонение лица, страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, от применения к нему принудительных мер медицинского характера) [1].

В 2013 году Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» вносит изменения и дополняет упомянутый нами ФЗ № 64 термином «педофил» в качестве новой категории лиц, которым устанавливается административный надзор.

Обращаясь к Большому толковому словарю русского языка С.А. Кузнецова, «педофилия – это (от греч. *páís (páidos)* – дитя и *philéo* – люблю) половое извращение, проявляющееся в удовлетворении своей чувственной страсти с ребенком, детьми. Половое влечение к детям» [5].

Каким же образом защитить детей от педофилии, снизить процент рецидивной преступности против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних? В некоторых зарубежных странах накоплена положительная тенденция по мерам профилактики в сфере таких преступлений. В Российской Федерации ведутся дискуссии, вносятся проекты законопроектов, также ряд ученых выступают за то, чтобы вычленив наиболее приемле-

мые способы из зарубежного опыта и внедрить их в институт административного надзора. Сторонниками выступают и государственные деятели. Так первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по социальной политике Валерий Рязанский выступает за химическую кастрацию и говорит о том, что «такая практика есть в ряде стран, её введение в России должно обсуждаться, в том числе с точки зрения добровольности процедуры. Часто педофилы имеют психические деформации и не могут управлять собой, в этом случае введение специальных препаратов уберегло бы их от преступления, и, конечно, в первую очередь детей» [6].

Для решения вышеуказанной проблематики стоит остановиться на возможных мерах профилактики, которые должны осуществляться не только Министерством внутренних дел Российской Федерации, в частности в лице службы участковых уполномоченных полиции и подразделений по делам несовершеннолетних, но и всеми взаимосвязанными сегментами других ведомств, служб, организаций и учреждений.

1. *Пожизненный административный надзор.* При освобождении из места лишения свободы педофилу необходимо устанавливать пожизненный административный надзор, данное лицо всегда должно находиться под контролем и соблюдать установленные ограничения и запреты, которые могут изменяться, что создаст условия для обеспечения физической безопасности несовершеннолетних.

2. *Обязательное медицинское сопровождение педофила.* Контроль за явкой лица ложится на субъект профилактики – участкового уполномоченного полиции. Медицинское сопровождение могло бы заключаться в работе с психологом и обязательном фармакологическом лечении, поддерживающей терапии для подавления полового влечения. Однако, говоря о таком лечении, существует мнение о необходимости применения химической кастрации, которая признана во многих странах. 19 июня 2023 г. МВД Белоруссии подготовило поправки, вводящие на законодательном уровне химическую кастрацию педофилов. А в некоторых странах Европы, например в Чехии, помимо химической кастрации, применяют и хирургическую для педофилов, которые отбыли срок тюремного заключения.

Химическая кастрация в сравнении с физической (хирургической) является гуманной, так как анатомически не происходит никаких изменений человека. В использовании данной меры есть сторонники и противники. Конечно, химическая кастрация более эффективно способна минимизировать возможность совершения педофилами преступлений против несовершеннолетних. Впрочем, есть мнения и исследования ученых, медицинских работников, которые доказывают, что химическая кастрация может пагубно сказаться на здоровье пациента. Так, подавление гормона тестостерона ведет к загущению крови, тем самым может привести к развитию инфаркта, сердечно-сосудистым заболеваниям.

3. *Наблюдение с использованием системы ГЛОНАСС, использование Q-кодов, электронных браслетов.* Мера профилактики позволит наиболее эффективно отслеживать местонахождение лиц, больных педофилией, идентифицировать их, отслеживать соблюдение всех назначенных судом ограничений и запретов. Сами поднадзорные, понимая, что за ними осуществляется такой пристальный контроль, возможно, задумаются о совершении противоправного деяния.

4. *Запрет доступа в Интернет, использование мессенджеров при установлении административного надзора.* Указанный запрет должен применяться во всех случаях, когда идет речь о педофилии, с учетом того, что за 2022 год отмечается увеличение числа преступлений в отношении несовершеннолетних, связанных с изготовлением и оборотом порнографических материалов, также совершено более 900 преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних и с использованием информационно-коммуникационных технологий. Практике известны случаи, когда преступники-педофилы под видом сверстников знакомятся в социальных сетях с детьми, назначают встречи, на которых происходят преступления.

5. *Создание единой базы данных педофилов,* которая поможет получить дополнительную информацию лицам, проживающим рядом с ними, принимать участие в общественном контроле за ограничениями и запретами, которые на них возложены судом. В других странах существуют реестры педофилов, которые находятся в открытом доступе, и педофил после освобождения,

помимо учета по месту жительства, не должен проживать рядом со школами.

6. *Установление общественного (социального) контроля.* Общественные объединения, организации могут осуществлять информационную работу среди населения, где проживает педофил, повышать бдительность и внимание окружающих к происходящей обстановке вокруг (как пример, преступление в г. Костроме; проявив бдительность, проходящие мимо граждане могли предотвратить преступное деяние). Данная мера позволит предотвращать и другие преступления. В некоторых регионах нашей страны уже функционируют подобные общественные организации. По замыслу одной из них, они на постоянной основе информируют жителей о том, что рядом находится педофил, который освобожден из мест лишения свободы.

С учетом вышеизложенного предлагаем:

1. Внести изменения в ФЗ № 64. Так, ст. 4 «Административные ограничения, устанавливаемые при административном надзоре» дополнить: 1) п. 6 «в отношении лица, указанного в ч. 2.1 ст. 3, обязательна явка в определенное время (время, интервал и периодичность устанавливаются на основании заключения экспертизы и комиссии специалистов) для медикаментозного лечения и наблюдения в специализированные медицинские организации»; 2) п. 7 «в отношении лица, указанного в ч. 2.1 ст. 3, действует запрет на использование Интернета, приложений для общения, которые устанавливаются на смартфон или компьютер».

2. Содержание п. 3 ч. 1 ст. 5 «Срок административного надзора» изменить на следующее – «лиц, указанных в ч. 2.1 ст. 3 настоящего Федерального закона, пожизненно».

3. Часть 1 ст. 8 «Осуществление административного надзора» дополнить: «..., также с привлечением общественных объединений, организаций к содействию органам внутренних дел по осуществлению мероприятий для административного надзора».

4. Статью 11 «Обязанности поднадзорного лица» дополнить: «лицам, указанным в ч. 2.1 ст. 3 настоящего Федерального закона, являться в медицинские учреждения для прохождения медикаментозного лече-

ния и наблюдения с установленной периодичностью; не препятствовать общественным организациям в содействии органам внутренних дел по осуществлению мероприятий для административного надзора».

Полагаем, что меры противодействия в отношении педофилов должны быть вза-

имосвязанными и комплексными, включать, помимо совершенствования нормативно-правовых механизмов, профилактическую направленность, прежде всего виктимологической специфики.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.

2. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы [Электронный ресурс]: федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ // URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 12.12.2023).

3. Преступность и правонарушения. 2022. Статистический сборник ФКУ «ГИАЦ МВД России».

4. Астахов просит Президента ужесточить наказание для педофилов [Электронный ресурс] // URL: <https://iz.ru/news/583640> (дата обращения: 24.11.2023).

5. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов; 1-е изд. – СПб: Норинт, 1998.

6. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.pnp.ru/politics/v-rossii-predlozhili-sozdat-sistemu-rozhiznennogo-kontrolya-za-pedofilami.html> (дата обращения: 24.11.2023).

Информация об авторах:

Е.О. Абдрахимова, старший преподаватель кафедры подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка и подразделений по вопросам миграции центра подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка

О.А. Климова, старший преподаватель кафедры подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка и подразделений по вопросам миграции центра подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка

About the authors:

E.O. Abdryakhimova, senior lecturer at the department of police training for public order units and migration units of the police training center for public order units

O.A. Klimova, senior lecturer at the department of police training for public order units and migration units of the police training center for public order units

Статья поступила в редакцию 01.03.2024

Научная статья

doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-142-146

КАУНОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ

Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России (Московская область, Россия)

AlexSpb0917@mail.ru

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГЛАСНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ПОМЕЩЕНИЙ, ЗДАНИЙ, СООРУЖЕНИЙ, УЧАСТКОВ МЕСТНОСТИ И ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся современного правового регулирования ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», проводимого в гласной форме.

Автором проводится анализ оперативно-розыскного законодательства, а также ведомственных нормативных актов, регламентирующих порядок проведения рассматриваемого ОРМ.

В статье рассмотрена проблема документального оформления результатов проведения рассматриваемого ОРМ.

С учетом анализа правоприменительной практики и доктринальных источников автором даются рекомендации, касающиеся совершенствования правовой регламентации гласного обследования.

Ключевые слова и словосочетания: гласное обследование, оперативно-розыскное мероприятие, правовое регулирование, документальное оформление, представители общественности.

Для цитирования: Каунов А.В. Направления совершенствования правового регулирования гласного обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств // Вестник ВИПК МВД России. – 2024. – № 1 (69). – С. 142-146; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-142-146

KAUNOV ALEKSANDR V.

Advanced Training Institute of the MIA of Russia (Moscow region, Russia)

DIRECTIONS FOR IMPROVING LEGAL REGULATION PUBLIC INSPECTION OF PREMISES, BUILDINGS, STRUCTURES, LAND PLOTS AND VEHICLES

Annotation. The article deals with issues related to the modern legal regulation of the ORM «inspection of premises, buildings, structures, terrain and vehicles», conducted in a public form.

The author analyzes the operational investigative legislation, as well as departmental regulations governing the procedure for conducting the OPM under consideration.

The article considers the problem of documenting the results of the OPM under consideration.

Taking into account the analysis of law enforcement practice and doctrinal sources, the author makes recommendations concerning the improvement of the legal regulation of the public survey.

Key words and word combinations: public examination, operational search event, legal regulation, documentation, representatives of the public.

For citation: Kaunov A.V. Directions for improving legal regulation public inspection of premises, buildings, structures, land plots and vehicles // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. – 2024. – № 1 (69). – P. 142-146; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-142-146

На сегодняшний день одним из самых распространенных оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), осуществляемых сотрудниками оперативных подразделений органов внутренних дел в целях решения задач оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), является обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, проводимое в гласной форме (далее – гласное обследование).

На законодательном уровне возможность проведения гласного обследования вытекает из ч. 1 ст. 15 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД), в соответствии с которой органы, уполномоченные осуществлять ОРД, имеют право проводить гласно и негласно ОРМ, перечисленные в ст. 6 названного Закона, в том числе обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств.

Эффективность рассматриваемого ОРМ обусловлена тем, что предметы и документы, в том числе электронные носители информации, изымаемые при проведении гласного обследования, в дальнейшем при соблюдении требований уголовно-процессуального законодательства могут стать доказательствами по уголовному делу.

Впервые на ведомственном нормативном уровне на необходимость правового регулирования гласного обследования было обращено внимание в 2010 году путем издания приказа МВД России от 30 марта 2010 г. № 249 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств».

Спустя четыре года вместо вышеуказанного ведомственного нормативного акта был издан приказ МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации глас-

ного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» (далее – Инструкция МВД).

Необходимость правовой регламентации гласного обследования была продиктована стоящими перед оперативными подразделениями органов внутренних дел задачами по документированию преимущественно преступлений экономической направленности. Вместе с тем гласное обследование стало широко применяться сотрудниками оперативных подразделений органов внутренних дел в сфере борьбы с преступлениями в сфере незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и наркотических средств. Противодействие преступлениям указанных категорий признано одной из важнейших задач по обеспечению государственной и общественной безопасности, закрепленной в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (далее – РФ), утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400.

В настоящее время ни в законодательных, ни в ведомственных нормативных правовых актах не содержится определения гласного обследования. Вместе с тем большинством ученых, занимающихся исследованием проблем ОРД, гласное обследование определяется именно как непроцессуальный осмотр [1, с. 102; 2, с. 265; 3, с. 102; 6, с. 69].

Правовая регламентация определения гласного обследования будет способствовать единому пониманию его сущности и однообразной правоприменительной практике.

Отличительной особенностью правовой регламентации рассматриваемого ОРМ является наличие в Инструкции МВД правовых норм, содержащих ссылку на уголовно-процессуальное законодательство.

Так, комплексный анализ п. 15, 23 Инструкции МВД позволяет сделать вывод о том, что результаты изъятия предметов и документов оформляются протоколом в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

Документ под названием «протокол», используемый разработчиком Инструкции МВД, сближает оперативно-розыскные и уголовно-процессуальные правоотношения, что положительным образом отражается на эффективности использования результатов гласного обследования в уголовном процессе.

Особенностью ведомственного нормативного акта МВД России является то, что действие настоящей Инструкции МВД не распространяется на обследование жилых помещений. Вместе с тем данные, полученные в 2022 г. в результате проведенного автором анкетирования сотрудников оперативных подразделений из 25 субъектов РФ, показали, что 64,2% опрошенных чаще всего проводили гласное обследование именно в жилых помещениях¹.

Научный и практический интерес представляет приказ ФСБ России от 4 июля 2023 г. № 288 «Об утверждении Инструкции об организации проведения органами федеральной службы безопасности гласного оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» и Перечня категорий руководителей органов федеральной службы безопасности, уполномоченных выносить постановления о возбуждении перед судом ходатайства о разрешении проведения гласного оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», ограничивающего конституционное право граждан на неприкосновенность жилища» (далее – Инструкция ФСБ).

Автором проведен сравнительный анализ положений Инструкции МВД и ведомственного нормативного акта ФСБ, в результате которого сделан вывод, что Инструкция ФСБ не

имеет недостатков, которые присутствуют в Инструкции МВД в части правовой регламентации гласного обследования.

Принципиальным преимуществом Инструкции ФСБ по сравнению с Инструкцией МВД является правовая регламентация гласного обследования жилых помещений (п. 5, 7 Инструкции ФСБ).

Следует сделать вывод о том, что разработчики Инструкции ФСБ сделали значительный шаг в совершенствовании правового регулирования гласного обследования путем нормативного закрепления возможности проведения рассматриваемого ОРМ в жилом помещении.

В своих работах профессор А.Е. Чечетин неоднократно подчеркивал тенденцию проведения сотрудниками оперативных подразделений гласного обследования в принудительной форме в жилых помещениях, в ходе которого ограничиваются конституционные права и свободы граждан. Вместе с тем, как отмечает указанный ученый, данная тенденция не обеспечена действующим правовым регулированием, а потому его нельзя признать обоснованным ввиду отсутствия необходимых законодательных предпосылок [4, с. 66-68; 5, с. 3-9].

Соглашаясь с А.Е. Чечетиним, следует отметить, что при правовой регламентации проведения гласного обследования жилых помещений в действующей Инструкции МВД необходимо предусмотреть эффективный ведомственный контроль за проведением рассматриваемого ОРМ, в том числе путем предоставления необходимых гарантий лицу, в отношении которого проводится ОРМ, в целях исключения нарушения законности.

В Инструкции ФСБ, в отличие от Инструкции МВД, в качестве документа, инициирующего проведение гласного обследования, выступает мотивированное постановление одного из руководителей органа безопасности, а не распоряжение, выносимое руководителем, уполномоченным на осуществление ОРД

¹ Анкетирование проводилось в 2022 году среди оперативных сотрудников органов внутренних дел УТ МВД России по ЦФО, УТ МВД России по СЗФО, УТ МВД России по ПФО, ГУ МВД России по г. Москве, ГУ МВД России по Московской области, ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, ГУ МВД России по Алтайскому краю, ГУ МВД России по Воронежской области, ГУ МВД России по Кемеровской области, ГУ МВД России по Ростовской области, ГУ МВД России по Ставропольскому краю, ГУ МВД России по Челябинской области, УМВД России по Брянской области, УМВД России

по Забайкальскому краю, УМВД России по Камчатскому краю, УМВД России по Кировской области, УМВД России по Курской области, УМВД России по Орловской области, УМВД России по Приморскому краю, УМВД России по Сахалинской области, УМВД России по Ульяновской области, УМВД России по Хабаровскому краю, МВД по Республике Башкортостан, МВД по Республике Карелия, МВД по Удмуртской Республике.

(п. 5, 7 Инструкции ФСБ). Гласное обследование нежилых помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств представляет собой мероприятие ведомственного санкционирования, потому как наряду с такими ОРМ, как «проверочная закупка», «контролируемая поставка», «оперативный эксперимент» и «оперативное внедрение», проводится на основании документа, утверждаемого руководителем органа, осуществляющего ОРД.

В связи с вышеизложенным целесообразно закрепить в ч. 8 ст. 8 Закона об ОРД необходимость вынесения постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД, при проведении обследования в гласной форме.

Данная нормотворческая мера будет способствовать совершенствованию проведения гласного обследования в части подготовки соответствующих распорядительных документов.

С положительной стороны следует отметить регламентацию в Инструкции ФСБ обязательности участия представителей общественности (дееспособных граждан) для удостоверения факта обследования, фиксации его хода и результатов (п. 12 Инструкции ФСБ), а не только в случае изъятия предметов и документов, что закреплено в п. 14 Инструкции МВД. Правовая регламентация участия представителей общественности (дееспособных граждан) на протяжении проведения всего ОРМ способствует обеспечению законности в ходе проведения гласного обследования, а также повышает эффективность мероприятия.

С позитивной стороны следует выделить содержащееся в п. 13 Инструкции ФСБ положение, раскрывающее категории лиц, которым предоставляется для ознакомления протокол обследования и которые вправе делать подлежащие внесению в протокол замечания о его дополнении и уточнении.

Схожая норма содержится в п. 26 Инструкции МВД, однако органы ФСБ РФ более подробно регламентировали

данный этап гласного обследования, что, безусловно, повышает эффективность проведения ОРМ.

Одним из недостатков действующей Инструкции МВД, представляется, является отсутствие в ней правовой регламентации документа, составляемого в ходе проведения гласного обследования.

Следует отметить, что если порядок документального оформления изъятых в ходе гласного обследования предметов и документов в действующей Инструкции МВД регламентирован достаточно подробно, то правовая регламентация, касающаяся составления итогового документа по результатам проведения ОРМ, даже если ничего не изъято, отсутствует в рассматриваемом ведомственном нормативном акте. Данная правовая неурегулированность создает разную правоприменительную практику оформления результатов рассматриваемого ОРМ среди сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел, проводящих гласное обследование, что негативным образом сказывается на эффективности осуществления мероприятия.

Автором сделан вывод о том, что в Инструкции МВД необходимо закрепить составление итогового документа по результатам проведения гласного обследования вне зависимости от факта изъятия предметов и документов, представляющих оперативный интерес. Результаты проведения рассматриваемого ОРМ целесообразно оформлять протоколом, составляемым в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, в целях упрощения механизма предоставления результатов гласного обследования в органы предварительного расследования.

Следует заключить, что существующее правовое регулирование гласного обследования требует совершенствования на законодательном и ведомственном уровнях в целях повышения эффективности проведения рассматриваемого ОРМ.

1. Исиченко А.П., Чечетин А.Е. Вагин О.А. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: постатейный. – М.: Деловой двор, 2009.
2. Дубоносов Е.С. Оперативно-розыскная деятельность: учебник и практикум, 5-е изд., пер. и доп. – М.: изд-во «Юрайт», 2016.
3. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий / под ред. проф. А.Е. Чечетина. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2022.

4. Чечетин А.Е. Гласные оперативно-разыскные мероприятия и принуждение // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2015. № 15-1.

5. Чечетин А.Е. О толковании права на гласное проведение оперативно-разыскных мероприятий // Правовые и организационно-тактические аспекты совершенствования оперативно-разыскной деятельности (памяти профессора Д. В. Ривмана): материалы региональной науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 28 ноября 2014 г.). – СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2014.

6. Шикунов О.В. Понятие оперативно-разыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 4 (36).

Информация об авторе:

*А.В. Каунов,
преподаватель кафедры оперативно-разыскной
деятельности органов внутренних дел
Международного межведомственного центра
подготовки сотрудников оперативных подраз-
делений имени генерал-лейтенанта милиции
А.Н. Сергеева*

About the author:

*A.V. Kaunov,
Teacher of the Department of Internal Affairs of the
Department of Internal Affairs of the Department*

Статья поступила в редакцию 03.02.2024

ЛЫСУХО ПЁТР ИВАНОВИЧ

Брянский филиал Всероссийского института
повышения квалификации сотрудников МВД России
(Брянск, Россия)

peterlusuho@yandex.ru

ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ У СЛУШАТЕЛЕЙ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО ОСНОВНЫМ ПРОГРАММАМ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ, ПРАВОПОНИМАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. Актуальность представленной темы в настоящее время определяется проблемой правильного правоприменения, находящейся в непосредственной связи с проблемой правопонимания, а значит, толкования, уяснения истинного смысла и содержания нормы права, определения заложенной в ней воли законодателя. Процесс толкования предполагает также необходимость установления основной цели и социальной направленности правовой нормы, общественно-политической обстановки её принятия, условий, в которых происходит толкование, и других юридически значимых обстоятельств.

Одним из основных требований, предъявляемых к правовой норме, является её определенность. Насколько определённой является правовая норма, становится понятным только в процессе её практического применения в конкретной ситуации специально уполномоченным государственным органом, должностным лицом, в том числе сотрудником органов внутренних дел, судом и судьёй.

При определении методов исследования необходимо учитывать специфику темы «Значение судебной практики для формирования у слушателей, обучающихся по основным программам первоначальной подготовки, правопонимания и правоприменения», из которой следует вывод об отсутствии у данной категории сотрудников органов внутренних дел, проходящих первоначальную подготовку, практических навыков правоприменения и правопонимания, поэтому нецелесообразности их анкетирования по указанным вопросам в настоящий период, но возможности использования таких методов исследования, как анализ, синтез и некоторых других.

Ключевые слова и словосочетания: правопонимание, толкование права, определенность права, принципы права, правоприменительная деятельность, субъекты правоотношений, судебные органы, судебная практика, конкретизация норм права, правовая позиция, судебное правотворчество.

Для цитирования: Лысухо П.И. Значение судебной практики для формирования у слушателей, обучающихся по основным программам первоначальной подготовки, правопонимания и правоприменения // Вестник ВИПК МВД России. – 2024. – № 1 (69). – С. 147-154; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-147-154

**THE IMPORTANCE OF JUDICIAL PRACTICE FOR THE FORMATION OF STUDENTS
ENROLLED IN BASIC INITIAL TRAINING PROGRAMS,
LEGAL UNDERSTANDING AND ENFORCEMENT**

Annotation. The relevance of the presented topic is currently determined by the problem of proper law enforcement, which is in direct connection with the problem of legal understanding, and therefore interpretation, clarification of the true meaning and content of the rule of law, determination of the will of the legislator inherent in it. The process of interpretation also implies the need to establish the main purpose and social orientation of a legal norm, the socio-political environment of its adoption, the conditions under which interpretation takes place, and other legally significant circumstances. One of the main requirements for a legal norm is its certainty. How definite a legal norm is becomes clear only in the process of its practical application in a specific situation by a specially authorized state body, an official, including an employee of internal affairs bodies, a court and a judge. When determining research methods, it is necessary to take into account the specifics of the topic "The importance of judicial practice for the formation of students studying under the basic programs of initial training, law understanding and law enforcement", which leads to the conclusion that this category of employees of internal affairs bodies undergoing initial training does not have practical skills in law enforcement and law understanding, therefore it is inappropriate to survey them on these issues at the present time, but the possibility of using such research methods such as analysis, synthesis and some others.

Key words and word combinations: legal understanding, interpretation of law, certainty of law, principles of law, law enforcement, subjects of legal relations, judicial authorities, judicial practice, specification of legal norms, legal position, judicial law-making.

For citation: Lysukho P.I. The importance of judicial practice for the formation of students enrolled in basic initial training programs, legal understanding and enforcement // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. – 2024. – No. 1 (69). – P. 147-154; doi: 10.29039/2312-7937-2024-1-147-154

В юридической литературе сформулированы разные точки зрения по вопросу понимания права, но единого, признаваемого всеми определения права нет. Столь противоречивый подход к пониманию права, его роли и значимости, как для общества, так и для каждого человека, можно объяснить тем, что право действительно является слишком значимой ценностью и для социума, и для государства, и для конкретного человека, именно по этой причине оно не может иметь одного, устраивающего всех объяснения.

В настоящий период имеет место тенденция к росту значения права как во внутренних делах государства, поскольку происходит поступательное развитие всех сфер общества, восстановление ранее утраченных компетенций, так и в международных отношениях по причине расширения новых направлений международного сотрудничества и необходимости его правового регулирования.

В условиях проведения специальной военной операции, активизации деструктивного и разного рода криминального элемента, включая террористов и диверсантов, значительно возросла роль правоохранительных органов, прежде всего органов внутренних дел, в обеспечении охраны общественного порядка и общественной безопасности.

В этой связи важной и актуальной является проблема правильного применения норм права, предполагающая необходимость уяснения их подлинного смысла и содержания, то есть толкования, а в отдельных случаях требуется разъяснение другим субъектам правоотношений порядка их реализации.

Главным объектом толкования при соблюдении режима законности является текст нормативного акта, в котором выражена воля законодателя. Толкование, как и любой мыслительный процесс, подчинено законам и правилам формальной и диалектической логики. Каждое положение

нормы, подвергнутое толкованию, должно быть обоснованным и доказанным.

По мнению многих ученых, создание и деятельность Конституционного Суда Российской Федерации в настоящее время активизировали интерес к учению о толковании права. Возникшие в связи с этим вопросы судебного толкования дали возможность для проведения новых исследований, в том числе связанных с определением содержания и приемов доктринального толкования.

Существующие проблемы судебного усмотрения и толкования права, связанные с формальным подходом к оценке всех юридически значимых обстоятельств каждого дела, должны быть решены, чтобы обеспечить принятие справедливого решения, соединить правильные по сути законодательные установки с более богатыми по содержанию жизненными случаями, что и призвано сделать судебское усмотрение. Характеризуя мощный потенциал этого явления, необходимо помнить об обратной стороне судебного усмотрения – произволе, который может возникнуть в случае выхода за рамки установленной дискреции.

Проблемой судебного усмотрения также является проблема толкования. При исследовании терминологии и языка текста возникает проблема определенности и неопределенности форм языка, понятий, а, следовательно, появляется необходимость толкования.

Толкуя нормы права, судья должен, прежде всего, исходить не из буквы закона, а из воли законодателя, содержащейся в тексте принятого и вступившего в силу закона, так как это и является основной задачей толкования закона и нормы права.

Возникающие проблемы судебного толкования в значительной мере упрощаются решениями вышестоящих судов, прежде всего правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) и Верховного Суда Российской Федерации (далее – Верховный Суд РФ, ВС РФ).

Все суды судебной системы участвуют в формировании судебной практики, но обязательно-определённой для нижестоящих является только практика высших судов.

Ведущая роль в формировании судебной практики и толковании правовых норм принадлежит Верховному Суду РФ.

По мнению Н.А. Власенко, которое представляется верным, судебная практика в

последние годы активно разъясняет оценочные понятия, достигая при этом определенности правового регулирования [1, с. 94].

Судебная практика представляет собой зафиксированный в судебном акте конечный результат рассмотрения индивидуального дела или отдельной категории дел, учитывающий опыт, судебское усмотрение и сформированную судебную практику, являющуюся эталоном для применения.

Согласно Федеральному конституционному закону от 21.07.1994 № 1 (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»), формирование судебной практики происходит при рассмотрении им дел:

- по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод, когда проверяется на предмет соответствия Конституции закон, который был применен в конкретном деле (п. 3 ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»);

- по запросам судов проверяет конституционность закона, подлежащего применению соответствующим судом в конкретном деле (п. 3.1 ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»). Рассмотрев дело, суд выносит определение, либо принимает постановление, в котором содержится как толкование норм права, так и правила, позволяющие преодолеть неопределенность правоприменения и устанавливающие определенность правового регулирования. Указанные судебные акты обязательны для исполнения.

Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации (далее – постановление КС РФ) от 17.05.2022 № 19-П была признана неконституционной ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ, – в той мере, в какой она не позволяет однозначно ответить на вопрос о том, исчисляется ли срок давности привлечения к административной ответственности со дня совершения административного правонарушения, либо со следующего за ним дня [2]. В целях устранения этой неопределенности Федеральным законом от 14.04.2023 № 122-ФЗ в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) внесены дополнения, согласно которым срок давности привлечения к административной ответственности исчисляется со дня совершения правонарушения. Кроме того, для обеспечения принципа равенства лиц перед законом и уточнения момента окончания

срока давности сроки, которые в настоящее время исчисляются в месяцах (по общему правилу – два месяца, а по делам, рассматриваемым судьей, – три месяца), переведены в дни – 60 и 90 календарных дней соответственно. При этом к данным срокам не будет применяться правило о том, что если их окончание приходится на нерабочий день, то последним днем срока считается первый, следующий за ним рабочий день. Указанные изменения в законодательство вступили в силу 25 апреля 2023 г.

Постановлением от 17.05.2023 № 24-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений ст. 12.18, ч. 2 ст. 12.24 и п. 7 ч. 1 ст. 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [3]. Указанные положения являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой на их основании решается вопрос о привлечении водителя транспортного средства к административной ответственности по ст. 12.24 КоАП Российской Федерации за нарушение Правил дорожного движения или правил эксплуатации транспортного средства, повлекшее причинение указанного в ней вреда здоровью потерпевшего, если ранее по факту того же нарушения он был привлечен к административной ответственности по ст. 12.18 КоАП РФ. Конституционный Суд признал оспоренные положения в их взаимосвязи не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, не исключают в связи с одним и тем же фактом совершения водителем транспортного средства противоправных действий в виде нарушения правил дорожного движения привлечение его к административной ответственности на основании ст. 12.18 и ст. 12.24 КоАП РФ. Кроме того, положение п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП Российской Федерации признано не соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой оно ни само по себе, ни во взаимосвязи с иными положениями данного Кодекса не определяет совместимых с требованием о недопустимости привлечения к административной ответственности дважды за одно и то же деяние, правовых механизмов, позволяющих привлекать к административной ответственности на основании ст. 12.24 КоАП РФ водителя транспортного средства, допустившего нарушение

Правил дорожного движения, за которое он ранее был привлечен к административной ответственности по ст. 12.18 КоАП РФ. До установления надлежащего законодательного регулирования допускается привлечение к административной ответственности по ст. 12.24 КоАП РФ водителя транспортного средства, допустившего при управлении транспортным средством нарушение Правил дорожного движения, за которое он был привлечен к административной ответственности по ст. 12.18 КоАП РФ и в прямой причинно-следственной связи с которым находится причинение вреда здоровью потерпевшего, а также в случае последующего выявления факта причинения такого вреда. Суд, принявший данное дело к рассмотрению, установив, что соответствующее противоправное деяние подпадает под признаки состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 или 2 ст. 12.24 КоАП Российской Федерации, решает вопрос о привлечении виновного к ответственности на основании последних законоположений. При этом постановление суда о привлечении виновного лица к административной ответственности на основании ч. 1 или 2 ст. 12.24 КоАП Российской Федерации должно содержать положение об отмене постановления о привлечении его в связи с тем же противоправным событием к административной ответственности по ст. 12.18 КоАП РФ. Если же постановление о привлечении к административной ответственности по ч. 1 или 2 ст. 12.24 КоАП Российской Федерации в последующем будет отменено (не вступит в законную силу), данное обстоятельство должно влечь восстановление (сохранение) силы постановления о привлечении водителя транспортного средства к административной ответственности в соответствии со ст. 12.18 названного Кодекса.

Таким образом, Конституционный Суд РФ в принятых им вердиктах осуществляет подробное толкование оспариваемых правовых норм и даёт конкретный алгоритм действий правоприменителю, включая сотрудников органов внутренних дел, по их правильному пониманию и законному применению.

Необходимо подчеркнуть, что нормативность правовых позиций высших судов не ущемляет права и свободы граждан, юридических лиц, не нарушает их интересы, а напротив, защищает их нарушенные права, свободы и законные интересы в случаях

дефекта в законе, пробела, признания нормативного акта, нормы права не соответствующей Конституции РФ, регулирует спорные отношения, придавая им определенность и предсказуемость при разрешении конкретных дел. Такой же точки зрения придерживается П.А. Гук [4, с. 36].

Конституционным Судом РФ формируются обзоры судебной практики за определенный период, в которых содержатся наиболее актуальные правовые позиции суда, с размещением их на сайте судебного органа, а также в печатном издании.

Судебная практика Верховного Суда РФ имеет три формы преодоления неопределенности правоприменения и обеспечения ее определенности при рассмотрении дел:

1. Постановления Пленума Верховного Суда РФ, поскольку в соответствии со ст. 5 ФКЗ от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) «О Верховном Суде РФ», Пленум Верховного Суда РФ:

- рассматривает материалы анализа и обобщения судебной практики и дает судам разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства РФ (п. 1 ч. 3);

- обращается с запросами в Конституционный Суд РФ в соответствии с ч. 2 ст. 125 Конституции РФ (п. 3 ч. 3).

Постановления Пленума Верховного Суда РФ имеют цель выработать определенность применения норм законодательства Российской Федерации и обеспечить единство судебной практики применения судами законодательства Российской Федерации.

Количество постановлений Пленума Верховного Суда РФ по разъяснению судебной практики имеет тенденцию роста. Так, в 2015 году вынесено 60, из них по вопросам судебной практики – 16; 2016 год – 64, из них по вопросам судебной практики – 22; 2017 год – 59, из них по вопросам судебной практики – 21; 2018 год – 55, из них по вопросам судебной практики – 14; 2019 год – 62, из них по вопросам судебной практики – 15, а всего вынесено за пять лет 300 постановлений, из них по вопросам судебной практики – 88 [5].

За 2022 год Пленум Верховного Суда РФ вынес 43 постановления, из них 14 посвящены формированию единообразной судебной практики. Он разъяснил правила погашения и снятия судимости, разобрал

преступления в сфере компьютерной информации и особенности уголовной ответственности за неуплату алиментов. «Гражданские» положения касаются ОСАГО и возмещения морального вреда.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» в связи с вопросами, возникающими у судов, и в целях обеспечения единообразного применения ими законодательства об уголовной ответственности за преступления против порядка управления, предусмотренные ст. 317, 318, 319 Уголовного кодекса РФ, Пленум Верховного Суда РФ, руководствуясь ст. 126 Конституции Российской Федерации, ст. 2 и 5 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», постановил дать судам соответствующие разъяснения об особенностях квалификации и рассмотрения указанных составов преступлений, осуществив таким образом подробное толкование указанных правовых норм, существенно облегчив судам их правопонимание и правоприменение.

Исследовав указанные статистические данные, можно сделать вывод, что нормы действующих законов не всегда обладают качествами достаточной определенности для правоприменителей в лице судей, прокуроров, следователей, дознавателей, иных сотрудников органов внутренних дел, поэтому требуют конкретизации, толкования, то есть повышения степени определенности, и достигается это посредством судебной практики, осуществляемой высшими судами.

2. Постановления Президиума Верховного Суда РФ. Президиум Верховного Суда РФ:

- в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации и в целях обеспечения единства судебной практики и законности проверяет в порядке надзора, в порядке возобновления производства по новым или вновь открывшимся обстоятельствам вступившие в силу судебные акты (п. 1 ч. 1 ст. 7 КЗ от 05.02.2014 № 3 «О Верховном Суде РФ» (ред. от 14.07.2022));

- обращается в Конституционный Суд РФ на основании ч. 4 ст. 125 Конституции РФ с запросом о конституционности закона, подлежащего применению в конкретном

деле (п. 2 ч. 1 ст. 7 ФКЗ «О Верховном Суде РФ»);

- обеспечивает координацию деятельности судебных коллегий Верховного Суда Российской Федерации, судебных составов этих коллегий и аппарата Верховного Суда Российской Федерации (п. 3 ч. 1 ст. 7 ФКЗ «О Верховном Суде РФ»);

- рассматривает отдельные вопросы судебной практики (п. 7 ч. 1 ст. 7 ФКЗ «О Верховном Суде РФ»).

3. Обзоры судебной практики Верховного Суда РФ (утвержденные Президиумом Верховного Суда РФ). Всего за период с 2015 по 2019 год был опубликован 21 обзор судебной практики, за 2020 год – 4 общих обзора, за 2021 год – 4 общих обзора, за 2022 год опубликовано три обзора судебной практики ВС РФ [5].

В качестве примера можно привести часть Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2023), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 19 июля 2023 г., в котором судам дается разъяснение о порядке применения норм действующего законодательства при рассмотрении в надзорной инстанции определенных категорий уголовных дел.

Так, в случаях назначения наказания в виде лишения свободы мужчинам, осужденным за совершение преступления, предусмотренного ст. 317 Уголовного кодекса Российской Федерации, судам следует руководствоваться положениями ч. 2.1 ст. 58 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающими отбывание части срока этого наказания в тюрьме.

По приговору Свердловского областного суда от 1 февраля 2022 г. Б., несудимый, осужден к лишению свободы по п. «г» ч. 2 ст. 127 УК РФ на 3 года, по ч. 1 ст. 119 УК РФ – на 6 месяцев, по ч. 2 ст. 213 УК РФ – на 3 года, по ч. 2 ст. 167 – УК РФ на 3 года, по ч. 3 ст. 30, п. «а», «е», «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ – на 12 лет с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев, по ст. 317 УК РФ (два преступления) – на 12 лет с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев за каждое. На основании ч. 3, 4 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний Б. назначено 18 лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на срок 2 года, с установлением ограничений и возложением обязанности, указанных в приговоре.

В апелляционном порядке приговор не обжалован.

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.11.2022 приговор оставлен без изменения.

В надзорном представлении заместителя Генерального прокурора Российской Федерации ставился вопрос об отмене судебных решений в части назначения Б. вида исправительного учреждения и о передаче дела на новое судебное рассмотрение в порядке, предусмотренном ст. 396, 399 УПК РФ.

Президиум Верховного Суда 18 января 2023 г. удовлетворил надзорное представление по следующим основаниям.

Разрешая вопрос о виде исправительного учреждения Б., суд руководствовался положениями пункта «в» ч. 1 ст. 58 УК РФ, в соответствии с которым мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений, ранее не отбывавшим лишение свободы, отбывание наказания назначается в исправительных колониях строгого режима.

Между тем при определении вида исправительного учреждения осужденному суд первой инстанции не учел, что Б. признан виновным в совершении в том числе двух преступлений, предусмотренных ст. 317 УК РФ, за каждое из которых ему назначено лишение свободы на 12 лет с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев.

На основании ч. 2¹ ст. 58 УК РФ мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение преступлений, предусмотренных ст. 317 УК РФ, отбывание части срока наказания назначается в тюрьме.

Соответственно, по данному делу вид исправительного учреждения осужденному для отбывания наказания должен определяться с учетом требований ч. 2¹ ст. 58 УК РФ, а не только исходя из положений пункта «в» ч. 1 ст. 58 УК РФ.

Однако суд, вопреки указанным требованиям закона, направил Б. для отбывания всего срока наказания в виде лишения свободы в исправительную колонию строгого режима.

Допущенное нарушение уголовного закона следует признать существенным, повлиявшим на исход дела, искажающим саму суть правосудия, поскольку необосно-

ванно повлекло назначение Б. вида исправительной колонии с менее строгим режимом.

По смыслу закона, если осужденному назначен вид исправительной колонии с менее строгим режимом, то суд надзорной инстанции в течение года после вступления приговора в законную силу при наличии представления прокурора отменяет приговор в этой части и передает дело на новое рассмотрение по правилам ст. 396 и 399 УПК РФ для назначения соответствующего вида исправительного учреждения. При таких обстоятельствах Президиум Верховного Суда РФ отменил приговор и кассационное определение в отношении Б. в части назначения вида исправительного учреждения и дело в этой части передал на новое судебное рассмотрение в порядке, предусмотренном ст. 396, 399 УПК РФ.

Новые подходы к формированию и выработке правовых позиций в обзорах судебной практики применяются Верховным Судом РФ. Так, в обзорах излагаются формулировки о правовых позициях.

Значение формирования судебной практики заключается в достижении ее единообразия, основанного на применении судами общих правоположений, выработанных высшими судебными органами.

Современный период развития юридической мысли характеризуется повышенным вниманием к судебному правотворчеству.

Сторонники идеи о возможности признания решений высших судебных инстанций формальными источниками российского права доказывают, что таковые не только имеют интерпретационный характер, но и устанавливают новые юридические нормы [6, с. 78-90]. Указанная точка зрения представляется ошибочной, поскольку право на нормотворчество относится исключительно к компетенции законодателя.

Противники изложенной точки зрения полагают, что суд только толкует, разъясняет существующие правовые нормы и не может создавать новые юридические нормы [7, с. 107-112]. С этой правовой позицией следует согласиться, поскольку она не противоречит Конституции РФ, а также принципам права.

Для решения обозначенной проблемы необходима определенность в вопросе о соотношении правотворчества и толкования норм права, который не получил однозначного решения в доктрине. Общеизвестным считается положение о том, что в

процессе толкования не должны создаваться новые юридические нормы.

Подводя итог вышеизложенным правовым позициям по данному вопросу, необходимо отметить, что исходя из закреплённого в ст. 10 Конституции Российской Федерации принципа разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, устанавливающего самостоятельность органов законодательной, исполнительной и судебной власти, нельзя согласиться с точкой зрения сторонников идеи о возможности признания решений высших судебных инстанций формальными источниками российского права, поскольку они не только имеют интерпретационный характер, но и устанавливают новые юридические нормы.

При этом следует признать законной и обоснованной правовую позицию их оппонентов о том, что суд только толкует, разъясняет существующие правовые нормы, что позволяет ему правильно их применять, и не может создавать новые юридические нормы, так как судебное правотворчество, во-первых, противоречит принципу разделения властей, а во-вторых, несовместимо с принципом законности.

Таким образом, решение проблем определенности правопонимания и правоприменения посредством только судебной практики является в определённой мере эффективным, но недостаточным, поскольку это сложная комплексная задача, предполагающая, как представляется, осуществление комплекса мер, включая: дальнейшее развитие доктрины правопонимания и толкования права; улучшение качества подготовки специалистов в сфере юриспруденции; повышение эффективности законотворческой деятельности с целью улучшения определенности правовых норм, снижения количества пробелов и дефектов в них; дальнейшее совершенствование правоприменительной деятельности и судебной практики, а также реализацию других мер, в том числе правового, организационно-технического и финансового характера.

Для повышения у слушателей, обучающихся по основным программам первоначальной подготовки, уровня правопонимания и правоприменения представляется необходимым расширение объема изучения ими, в рамках обновлённых образовательных программ, судебной практики рассмотрения различных категорий правовых

споров и дел, включая уголовные, административные, гражданские, семейные, трудовые и другие. Это позволит сформировать у обучаемых устойчивые навыки правоприменительной и правоохранительной

деятельности на основе передового опыта толкования, правопонимания и правоприменения, сложившегося в сфере деятельности судебной власти, при рассмотрении различных категорий дел и материалов.

1. Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании. – М.: ИНФРА-М, 2015.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.05.2022 № 19-П [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.05.2023 № 24-П [Электронный ресурс] // Консультант Плюс.
4. Гук П.А. Функция нормотворчества высших судов России // Российская юстиция. 2019. № 3.
5. Сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс] // URL: https://vsrf.ru/documents/own/?category=resolutions_plenum_supreme_court_russian&before=3.
6. Жуйков В.М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. – М., 2000.
7. Нерсесянц В.С. У российских судов нет правотворческих полномочий // Судебная практика как источник права. – М., 2000.

Литература

1. Фиалковская И.Д. Сущность метода принуждения в теории административного права // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2 (1).
2. Попов Л.Л. Эффективность административно-правовых санкций. – М., 1976.

Информация об авторе:

П.И. Лысухо, доцент кафедры общеправовых дисциплин

About the author:

P.I. Lysukho, associate professor of the department of general legal disciplines

Статья поступила в редакцию 21.12.2023

ТРЕБОВАНИЯ РЕДАКЦИИ К СТАТЬЯМ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ВИПК МВД РОССИИ»

Уважаемые коллеги!

**Приглашаем ученых, адъюнктов, аспирантов и соискателей,
а также сотрудников органов внутренних дел принять участие
в опубликовании научных трудов
в научно-практическом журнале «Вестник ВИПК МВД России»**

I. УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. К рассмотрению редакционной коллегией издания «Вестник ВИПК МВД России» принимаются материалы статей¹, соответствующие тематической направленности журнала.

2. Уровень оригинальности текста статьи – не менее 70%.

3. Направляя рукопись статьи в журнал, автор подтверждает, что она является оригинальной работой, не опубликованной в другом издании, или не рассматривается для публикации в другом издании. Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, результатов анкетирования (опросов), качество переводов на английский язык, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

4. Авторский оригинал рукописи представляется в редакционно-издательский отдел ВИПК МВД России в распечатанном и электронном виде (адрес электронной почты: rio_vipk@mvd.ru). Статья должна быть вычитана и подписана всеми авторами: «Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником». Визы проставляются на лицевой стороне последнего листа статьи.

5. Статья должна сопровождаться:

5.1. Внешней рецензией специалиста, кандидата или доктора наук, имеющего наиболее близкую к теме статьи научную специализацию и публикации по тематике рецензируемой статьи в течение последних 3 лет. Подписи рецензентов заверяются гербовой печатью. Редакционная коллегия журнала оставляет за собой право провести дополнительное рецензирование статей.

5.2. Справкой о проверке рукописи статьи на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения с приложением образца заключения, сформированного программой.

5.3. Справкой о возможности открытого опубликования².

5.4. Сведениями об авторе:

- ✓ фото автора (формат JPEG);
- ✓ фамилия, имя, отчество автора (авторов) полностью;
- ✓ ученая степень и ученое звание – при их наличии;
- ✓ место работы, должность;
- ✓ специальное (воинское) звание (классный чин федеральной государственной гражданской службы);
- ✓ телефон (рабочий, мобильный), e-mail, точный почтовый адрес с индексом (для направления авторского экземпляра). После опубликования автору направляется один бесплатный экземпляр.

6. Редакционная коллегия журнала оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объем статей и принимать решения о невключении их в журнал. Отклоненные редакционной коллегией журнала рукописи научных статей остаются в материалах редакционной коллегии.

7. Договор о предоставлении права использования произведения заключается в устной форме и является безвозмездным, т.е. плата с авторов за публикацию статей не взимается, авторский гонорар не выплачивается. Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на её размещение в тех справочно-правовых системах (в том числе в сети Интернет), с которыми у редакции есть соответствующее соглашение. В случае если представленное исследование дублирует, либо очень похоже на уже опубликованную/ые работу/ы, авторы должны обеспечить серьезное научное обоснование представленной работы, а также дать конкретные ссылки на использованную литературу. Статьи, дублирующие или являющиеся производной ранее опубликованных работ, скорее всего не будут приняты к публикации, особенно, если авторы не представят убедительных на то оснований.

¹ Для опубликования принимаются статьи, авторами которых являются не более 3 человек. Статьи адъюнктов, курсантов (слушателей) могут быть опубликованы только в соавторстве с научными руководителями.

² Бланки справок о проверке рукописи статьи на оригинальность и о возможности открытого опубликования находятся в свободном доступе на сайте ВИПК МВД России (https://vipk.mvd.ru/Nauka/Vestnik_VIPK_MVD_Rossii/Avtoram/Uslovija).

II. ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

- объем статьи должен составлять от 10 до 15 страниц текста формата А4, включая таблицы, рисунки, графики, диаграммы и другие нетекстовые элементы, а также библиографический список и приложения;
- набор в «Word» шрифтом «TimesNewRoman», размером шрифта 14, междустрочный интервал 1,5;
- для акцентирования элементов текста разрешается использовать курсив, полужирный курсив, полужирный прямой. Подчеркивание текста нежелательно;
- страницы публикации нумеруются, колонтитулы не создаются;
- все визуальные объекты должны быть представлены в формате, допускающем форматирование (необходимо для осуществления перевода). Любые рисунки (в том числе графики и диаграммы) должны быть одинаково информативны как в цветном, так и черно-белом виде;
- все иллюстрации (желательно наличие 2-3) должны иметь наименование и, в случае необходимости, пояснительные данные (подрисовочный текст); на все иллюстрации должны быть даны ссылки в тексте статьи. Слово «Рисунок», его порядковый номер, наименование и пояснительные данные располагают непосредственно под рисунком. Иллюстрации следует нумеровать арабскими цифрами сквозной нумерацией. Если рисунок один, он не нумеруется;
- все таблицы должны иметь наименование и ссылки в тексте. Наименование должно отражать их содержание, быть точным, кратким, размещенным над таблицей. Таблицу следует располагать непосредственно после абзаца, в котором она упоминается впервые. Таблицу с большим количеством строк допускается переносить на другую страницу. Заголовки граф, как правило, записывают параллельно строкам таблицы; при необходимости допускается перпендикулярное расположение заголовков граф;
- примечания выносятся из текста документа вниз полосы;
- затекстовые библиографические ссылки оформляются в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5-2008 как перечень библиографических записей, помещенный после текста документа. Нумерация сквозная по всему тексту. Для связи с текстом документа порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке набирают в квадратных скобках в строку с текстом документа. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, цитату, в отсылке указывают порядковый номер и страницы, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой. Пример: [10] или [10, с. 81].

Объектами составления библиографической ссылки также являются электронные ресурсы локального и удаленного доступа. Ссылки составляют как на электронные ресурсы в целом (электронные документы, базы данных, порталы, сайты, веб-страницы, форумы и т.д.), так и на составные части электронных ресурсов (разделы и части электронных документов, порталов, сайтов, веб-страниц, публикации в электронных сериальных изданиях, сообщения на форумах и т.п.). После электронного адреса в круглых скобках приводят сведения о дате обращения к электронному сетевому ресурсу: после слов «дата обращения» указывают число, месяц и год.

Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7. 0. 100-2018.

Текст статьи должен состоять из вступительной, основной и заключительной частей.

Статья должна содержать:

- фамилию, имя, отчество автора (авторов), напечатанные заглавными буквами;
- занимаемую должность с указанием места работы (службы) (на русском и английском языках);
- название статьи – заглавными буквами (на русском и английском языках).

Статью должны сопровождать аннотация и ключевые слова. Аннотация – краткое резюме проведенного исследования. Аннотация не является вводной частью статьи. Аннотация должна иметь четкую внутреннюю структуру и включать в себя информацию о цели(ях) исследования, методологии, результатах. Объем аннотации – 100-150 слов, ключевые слова на русском и английском языках – 5-10 слов.

Рукописи, оформленные с нарушением установленных правил, не рассматриваются.

Рукописи не возвращаются.

